

*Пусть штормы и пламя,
Пусть дороги круты,
Рей, как знамя над нами
Алый парус мечты...*

*Друзьям -
- ростовским
мореходам
посвящается*

Часть первая

Об авторе

Владимир Паркаев родился в 1946 году в деревушке Маклауш под станцией Клявлино, что в Самарской области. В начале 50-х большая семья Паркаевых переехала в Новую Письмянку, которая скоро стала городом Лениногорском.

В то время во-круг полным ходом шло освоение знаменитого Ромашкинского месторождения нефти и глава семьи – Мирон Павлович стал работать на тракторном кране в одном из подразделений тогдашнего треста «Татбурнефть», где и проработал более сорока лет.

В 1963 году Владимир Паркаев поступает в Ростовское-на-Дону мореходное училище, после окончания которого работает на судах Управления океанического рыболовства в Петропавловске-Камчатском. На больших траулерах рейсами по шесть и более месяцев судомеханик Паркаев среди приключений на рыбной ловле в северных и центральных широтах Тихого океана.

С 1975 года живёт и работает в городе Лениногорске. Автор ряда книг о детских и юношеских приключениях Вовки Панина и его друзей.

Член Союза российских писателей.

«Вовка Панин в мореходке».

Вовка Панин поступает в Ростовское мореходное училище. Пусть девчонки спели один раз про бухгалтера, но образ воина, лётчика, моряка – навсегда останется синонимом чести, мужества и доблести. К сожалению, из опросов молодёжи пока следует, что наиболее популярными сейчас являются профессии менеджеров, брокеров, маклеров, дилеров и прочее. Кому-то надо быть и брокерами с дилерами, и пусть ими становятся те, кому не дано крепко держать штурвал, летать в небе, стоять на рубежах...

В книге рассказы из жизни весёлых курсантов-мореходов, где на первое место встают честь и дружба, а порой безудержная и бесшабашная лихость вместе с мальчишеским озорством и выдумкой.

Курсанты учатся, сдают экзамены, чуют в меру своих интересов и способностей, трогательно относятся к друзьям, пришедшим к ним из природы.

Первая встреча с морем во время учебной практики. Сказочный круиз по Крымскому и Кавказскому побережьям Чёрного моря на учебном судне. А за годами учёбы морские приключения салаги-практиканта на сейнере в суровом Баренцевом море, что, порой, тоже воспринимается, как весёлая прогулка, но за всё приходится держать ответ...

Строгий Севастополь, крейсер «Михаил Кутузов» - здесь курсанты проходят военную стажировку.

И, конечно же, первые почти мальчишеские встречи с любовью.... Той самой любовью, когда безумно хочется любить если не весь мир, то хотя бы его половину...

От автора

Морское училище... Мореходка... Без преувеличения можно сказать, что в шестидесятых девять из десяти пацанов на вопрос «Хочешь ли ты учиться в мореходке?..» отвечали утвердительно. Правда, столько же ответили бы утвердительно и на вопрос: «Хочешь ли ты стать космонавтом или лётчиком?..»

При этом у тех же девяти из десяти представление о мореходке связано, прежде всего, с красивой морской формой, а потом штурманская рубка и непременно капитанский мостик с морями, океанами и дальними странами...

А ведь эти девять из десяти, в основном, были правы. Не всегда многие из тех, кто вплотную и надолго состыковался с морем, полностью искренни, когда на берегу иногда говорят о тяжёлом рыбацком труде, о штормах изо дня в день и качках от борта к борту, монотонных вахтах, будь то в рубке или в машинном отделении. И, конечно же, о бесконечной, как и сам рейс, тоске по берегу...

Да, тяжёл рыбацкий труд в море. Тяжелы замороженные ящики во время перегруза, до смерти надоедает шкерить нескончаемый рыбный конвейер на подвахтах... Но разве, вместе с этим, не ждёшь ты полного трала, замирая в том самом рыбацком азарте, как и много лет назад возле поплавка на детских берегах?..

Разве не становится твой большой или малый траулер, или сейнер с фелюгой родным для тебя домом и надёжной опорой на зыбкой волне на долгие месяцы?.. А команда?.. А друзья в кубрике или в кают-компании?..

И, наконец, разве обходится хоть одно судно без капитанского мостика?!.. А на мостике капитан – морской волк, рядом штурмана, прокладывающие курс в неведомые морские дали, и рулевые, крепко держащие штурвал...

А как влюблены настоящие механики в свои вполне одушевлённые, мерно рокочущие машины, которые принимают на себя львиную долю того самого нелёгкого рыбацкого

труда, и в недобрый час вместе с экипажем, порой превозмогая себя, борются со стихией...

Всё это есть в море и в этом, конечно же, в этом стародавний секрет морского притяжения!..

Из многих далёких лет, которые, так или иначе, у Вовки Панина связаны с морем, мореходские годы самые удивительные и прекрасные. Студентом он никогда не был, студентом был его старший брат, поэтому он имеет представление об институтских.

Само собой, у брата тоже были друзья-однокашники, которые громко именовали себя «братьями-архаровцами», но с высоты курсантского единения Вовка всё-таки видел, что «архаровцы» больше сами по себе.... Да на сухопутной земле по-другому и быть не может.

Много красивых песен сложено о юных и чудесных студенческих годах. Но все курсанты твёрдо убеждены, что мореходские годы много интереснее и значительнее студенческих в любых университетах и прочих институтах. А песни о себе они складывают сами...

Да, только в мореходке царит истинное юношеское братство. Оно прочно скреплено всеобъемлющей общностью: общий экипаж, общая форма, общий стол, общий морской распорядок, густо и насквозь пронизанный той самой морской романтикой, о которой почему-то стесняются говорить на берегу бывалые мореходы...

С детством и юностью все расстаются по-разному. Некоторые раз и навсегда отдают себя текущей жизни, по своему решают какие-то сегодняшние и будущие проблемы, ставят перед собой великие цели и всю жизнь стремятся, во что бы то ни стало, их достичь.

Другие ещё надолго, если не навсегда, остаются в своём детстве и юности. Вот и Панина однажды победила тягучая и коварная ностальгия по родным краям, ностальгия по родным и близким, ностальгия по друзьям детства...

Победила только для того, чтобы очень скоро изменить своё направление на резко противоположное.

Вот что пишет Панин в одном из писем своему старому мореходскому другу Сашке Назыров:

«...Прошло уже, без малого, десять лет с тех пор, как ноги мои перестали топтать палубы морских судов. Но во сне я часто, особенно в первые годы, продолжал и продолжаю дышать воздухом моря, слышу размеренную и уверенную работу главного двигателя в машинном отделении, продолжаю

оставаться рядом с людьми, с которыми когда-то работал бок о бок, общаюсь с людьми, которых раньше нигде и никогда не видел...

Снится мне и мореходка, со времени учёбы в которой, прошло и вовсе больше двадцати лет!.. И друг за другом проходят друзья – мореходы.... По пробуждении, всегда понятное чувство грусти... правда, глубина и сила тоски зависит от сиюминутного настроения...

Особенно мне запомнился один сон. Дело не в деталях, а в очевидной странности... по крайней мере, для меня.

...Итак, как обычно я на судне. Скоро отход и я шастаю с какими-то делами по палубам, каютам, по машине. Вдруг в каком-то углу навстречу мне нарисовалась твоя улыбающаяся рожа.

-А ты как здесь оказался?! – почему-то сильно удивился я неожиданной встрече.

-Ты что, с резьбы сорвался?.. Нас же обоих на этот пароход направили по нашей же просьбе...

-Я знаю, что это сон, - упрямо твержу я. – Мне часто снятся такие сны, а я давно уже живу в Зеленогорске и ты в своём Ростове...

-Опомнись, Вовка!.. Ты что - лунатик?..

Ты с силой щипаешь меня в бок, и я уже верю, что это действительно не сон. Для вящей убедительности я трижды сильно хлопаю ладонью по пластиковой переборке и явно ощущаю её гладкую прохладу.... Меня охватывает бурная радость, душа ликует – наконец-то я снова море!..

Но и этот замечательный сон, а с ним и «рейс» кончился в кровати на улице Гагарина, несмотря на столь реальные картины...

Слава Богу, что хоть во сне немного отвёл душу...».

А может и правда, судьба на короткий миг свела Вовку Панина и Сашку Назырова в каком-то параллельном мире, где тоже есть моря и океаны, порты и причалы, корабли и моряки....

Абитуриенты На Ростов!..

Восьмой класс с переменным успехом был закончен. Но не кончилась Шуркина мечта о море. Наоборот, она разгорелась с новой силой. Надо было определяться и Вовке, которого Васька Краснов склонял обязательно кончить все десять классов и идти только в лётное.

В конце концов, Вовка, трезво оценив свою физическую мощь, решил, что до Юрия Гагарина и других космонавтов, ему по многим показателям очень далеко. И он сменил свою несостоявшуюся привязанность к небу на не менее манящее море, почему-то посчитав, что для морских дорог он вполне физически укомплектован.

У Шурки уже давно был припасён толстенный справочник для поступающих в техникумы и училища, откуда они выписали на бумажные клочки все мореходки, кроме дальневосточных, до которых и в самом деле было далековато. Жребий из Шуркиной гвардейской бескозырки избрал для них город Ростов-на-Дону, куда и были заброшены заявления о допуске к экзаменам.

В Ростове было целых две мореходки. Из знаменитой «Седовки», в которой ещё в прошлом веке учился сам великий полярник, им ответили, что к сдаче экзаменов допускаются только «лица, имеющие стаж работы в плавсоставе не менее двух лет, и лица, демобилизованные из рядов Советской армии и флота»...

Ни первое, ни второе условие ребятам не подходило. Из другой мореходки – мореходного училища Министерства рыбного хозяйства пришёл вызов и притом только Шурке. Хотя слово «рыбное» отдавало неким селёдочным духом (самая известная Шурке и Вовке морская рыба) всё-таки было принято решение начать готовиться. Тем более, что читака Вовка к этому времени вычитал у Вилиса Лациса, что «моряк это моряк, а рыбацк дважды моряк...»

«А вызов придёт» – успокаивал себя Вовка...

Ребята знали, что конкурсы в мореходки превышают конкурсы во все прочие учебные заведения, уступая иногда разве что лётным училищам, поэтому было забыто всё, что не относилось к вопросам из того же справочника.

С утра до позднего вечера друзья писали диктанты, решали уравнения, доказывали друг другу теоремы. Родители благоговейно поглядывали на них и старались им не мешать, не отвлекать домашними делами. А Васёк и Витька с Серёгой, дружно прозвав их зубрилами, продолжали свои походы в лес, на рыбалки, да мало ли чем можно заниматься в пятнадцать лет!..

Наконец, наступил конец июля – пора было ехать на экзамены. Вовке вызов почему-то так и не пришёл, но смелость города берёт и ребята, припрятав понадежнее несколько червонцев и забросив на верхние полки переполненного вагона тощие чемоданишки, двинулись на Москву. Родители и друзья долго махали им вслед, кричали «ни пуха-ни пера!», но вот и они скрылись за длинным хвостом извивающегося поезда.

Первые десять часов пути Вовка и Сашка продолжали пялиться в окна, вспоминая своё прошлогоднее путешествие в Мелекесс. Они узнавали знакомые станции и даже полустанки. Те же памятные названия: Киндяковка, Кошки, Кондурча... Вовка снова раскрыл тот самый прошлогодний дневник.

Доезжая к Ульяновску, с высокого моста, Вовка с Шуркой второй раз увидели столько сразу воды в одном месте. Первый раз они видели эту же воду, но возле Мулловки чуть ниже города Ульяновска.

-Волга!.. Волга!.. – загомонили кругом пассажиры, наваливаясь гурьбой на окна в вагоне.

«Вот это ширина... а глубина-то, наверное, намного глубже, чем в Карабаше», - разинул рот и Вовка на водяные просторы.

Большое речное судно медленно проходило вниз по течению, оставляя за собой чуть заметный след то ли от винта, то ли просто от того, что плывёт...

-Может оно тоже в Ростов плывёт, ведь по Волго-Донскому каналу отсюда есть дорога и до Ростова, - предположил Шурка.

-Да, жалко, что названия не видно, а то бы можно было его посмотреть в Ростовском порту...

Долго ещё после Ульяновска ребята были под впечатлением великой реки. Но здесь уже новые места, новые города и станции. Впечатлений!..

...Москва Вовку нисколько не удивила. Она была именно такой, какой он видел её на картинках и в кино. Обилие народа скорее угнетало, чем поражало, так как навевало чувство твоей абсолютной ненужности никому из этого громадного муравейника, чувство полного отсутствия своего присутствия.

«В Зеленогорске я был командиром, меня знали все ребята... а здесь я кто?.. – угрюмо размышлял Вовка, наяривая мороженое, которое в их краях всё также оставалось большой редкостью. – А здесь что-то и пацанов не видать... где же они тут прячутся?..»

Зато Шурка то и дело хватал Вовку за руку, толкал в плечо:

-Смотри!.. Вот это домина – сюда весь Зеленогорск запросто залезет...

-Ух ты... машина какая...

-Иностранная, - внушал ему Вовка.

-Без тебя знаю, что не русская, – огрызнулся Шурка.

Он ненадолго замолкал, продолжая вертеть головой в разные стороны.

Наконец, людской поток вынес их на площадь, плоский булыжник которой известен всем. Здесь и Вовка забыл про своё мороженое, забыл свои недавние мрачные мысли, забыл вообще, зачем и почему он здесь.

Кремлёвская стена, её зубцы, башни, звёзды, мавзолей под ними – всё это было так не похоже и одновременно похоже на то, как он себе представлял главную площадь страны. Она слово загипнотизировала его. То ему казалось, что вся эта сказочная величавость нарисована на громадном полотне – протяни руку и достанешь до красных кирпичей. А то наоборот всё представлялось прекрасным миражом, расстояние до которого никак не менялось, несмотря на то, что Вовка с Шуркой продолжали тихо двигаться вместе со всеми в сторону мавзолея и собора.

Они прошли два или три раза вдоль самого главного магазина до собора с памятником Минину и Пожарскому, от собора мимо лобного места к мавзолею, от мавзолея навстречу громаднейшей очереди, в которую они так и не решились встать из-за боязни опоздать на ростовский поезд.

На территории кремля стояла тоже известная всем пушка.

-Вот бы такую пушку в наш укрепрайон, - размечтался снова Шурка. – И этот колокол вместо тревожной железяки...

-Тогда весь народ на экскурсию ездил бы к нам в укрепрайон, а не в Москву, - ответил ему Вовка. – И всю нашу Овражную засыпали бы и таким булыжником накрыли...

-И кремль тогда уже там построили бы, - в тон Вовке подхватил Шурка...

Когда, наконец, они пришли в себя и глянули на кремлёвские часы, то оставалось меньше часа до их поезда. Стремительное метро домчало ребят к Казанскому вокзалу, а вскоре они вновь определились «согласно купленным билетам». И снова замелькали за окнами вагона луга, рощи, овраги, речки и озёра.

Надвигающийся русский юг всё больше и больше проявлялся в виде частых лесопосадок, пирамидальных тополей и беленьких хаток из украинской Диканьки.

В Ростов поезд прибыл к вечеру и первое, что почувствовал Вовка, выйдя из вагона, это какое-то мягкое, ласковое и чистое тепло, которое залезло под рубашку, проникло в узкие штанины, лаская и освежая Вовкино тело, потное и разморенное после вагонной жары и духоты.

На вокзале было куда свободнее, чем в Москве. Здесь и в самом городе не было той непонятной стремительности, и даже суетливости, печать которых обозначала многие лица москвичей и туда приезжих.

Ростов сразу же стал каким-то своим, простым и уютным. Вокруг не было давящей громады, все здания отличались друг от друга своеобразием и, что больше всего поразило ребят, так это то, что прямо рядом с центром города можно было увидеть ряд обыкновенных одноэтажных домиков, окруженных небольшими садиками и огородиками.

На главных и не главных улицах высились уже знакомые из окна вагона пирамидальные тополя, каштаны и даже пальмы. Подстриженные газоны и множество разноформатных цветников придавали городу вид повседневной праздничности. Разноцветный неон бил со всех сторон, приглашая то в кино, то в кафе, то в ресторан...

Но зеленогорские пацаны приехали в Ростов не развлекаться, и для начала язык довёл их до экипажа седовской мореходки, а уже там они узнали, что рыбная мореходка находится буквально в двух шагах – на другой стороне Буден-

новского проспекта. От главного экипажа седовской мореходки был виден Дон, но как ни велико было искушение сразу спуститься к нему, ребята сначала нашли огромные дубовые двери, как они теперь называли – своей мореходки.

Двери открылись и внутри Вовка с Шуркой увидели мальчишку чуть постарше их, от которого исходил свет далёкой и призрачной мечты. Он сидел за столом с массивным чёрным телефоном, на его голове гнездилась белая фуражка с крабом, одет он был в бело-голубую матросскую форменку и расклешённые брюки. На левом рукаве бросалась в глаза чёрно-красная повязка.

-Что, поступать? – серьёзно и строго спросил он вытираившихся друзей. – Сегодня уже всё – приёмная комиссия работает с восьми до пяти... так что приходите завтра.

Озирающиеся ребята не стали докучать важному начальнику и повернулись к выходу.

-Самое главное, что завтра искать не надо... тут от вокзала получается всего полчаса ходу, - с оптимизмом высказался Шурка по дороге к набережной Дона.

Перегнувшись через чугунный парпет, ребята отдали себя гипнотической власти струящегося течения донской воды. Они видели фильм «Тихий Дон» и теперь каждый про себя думал, что Дон и в самом деле тихий. Его тишина излучала во все стороны всё то же доброе ростовское тепло и мягкую свежесть. Дон был живым - по его поверхности то тут, то там хлопали хвостами, судя по мощи ударов, большие рыбины. С левого, песчаного берега доносились лягушачьи серенады, птичьи голоса. То и дело стремительно проносились разнокалиберные чайки.

Вспомнилась река Москва, возле которой они вот так стояли только вчера. Москва была закрыта в полный бетон, вода в реке казалась серой... Возможно, из-за отражения сплошь серых берегов, если берегами можно назвать чеканный бетон обеих набережных с небоскрёбами, которые сплошной стеной стояли над рекой.

Москва – город большой и Вовка с Шуркой были уверены, что не везде Москва-река такая, как возле Кузнецкого моста, но река в искусственных берегах не воспринималась. Ребята были также твёрдо уверены, что любая речка или река должна иметь пологие или обрывистые берега, чтобы можно было вбежать в неё с пологого и прыгнуть с крутого, а купавшись вволю, растянуться на тёплом речном песке или на прибрежной травянисто-плотной лужайке.

Донская набережная удивительно вписывалась в облик города, была естественным продолжением и окончанием улиц, спускающихся к реке. Трудно было себе представить, чтобы эти улицы заканчивались каким-нибудь другим образом. Могучие каштаны, островерхие тополя и легкомысленные пальмы принимали внутрь себя улицы и проспекты, легко и плавно раздвигая их в разные стороны вдоль берега красивой реки...

Давно уже совсем стемнело, но ребятам идти, а тем более торопиться, было некуда, и они продолжали заглядывать в Дон, тихо передвигаясь вдоль узорчатого парапета. С большого белого теплохода возле морского вокзала гремела музыка, на палубе были танцы. Друзья уселись на ближайшую лавочку, откуда разглядывали нарядных прохожих в ярком свете высоких фонарей, слушали весёлую и нескончаемую музыку.

-А не этот ли пароход мы видели возле Ульяновка? – вдруг вспомнил Шурка.

Ребята встали, внимательно осмотрели длинное и высокое судно от носа до кормы, но твёрдой уверенности, что это именно тот теплоход, у них не появилось.

-Речные суда для пассажиров почти все одинаковые...

Съев ещё по паре мороженого, выпив газировки, ребята вернулись на вокзал, где без особых помех перекаптовались до утра на вокзальных диванах.

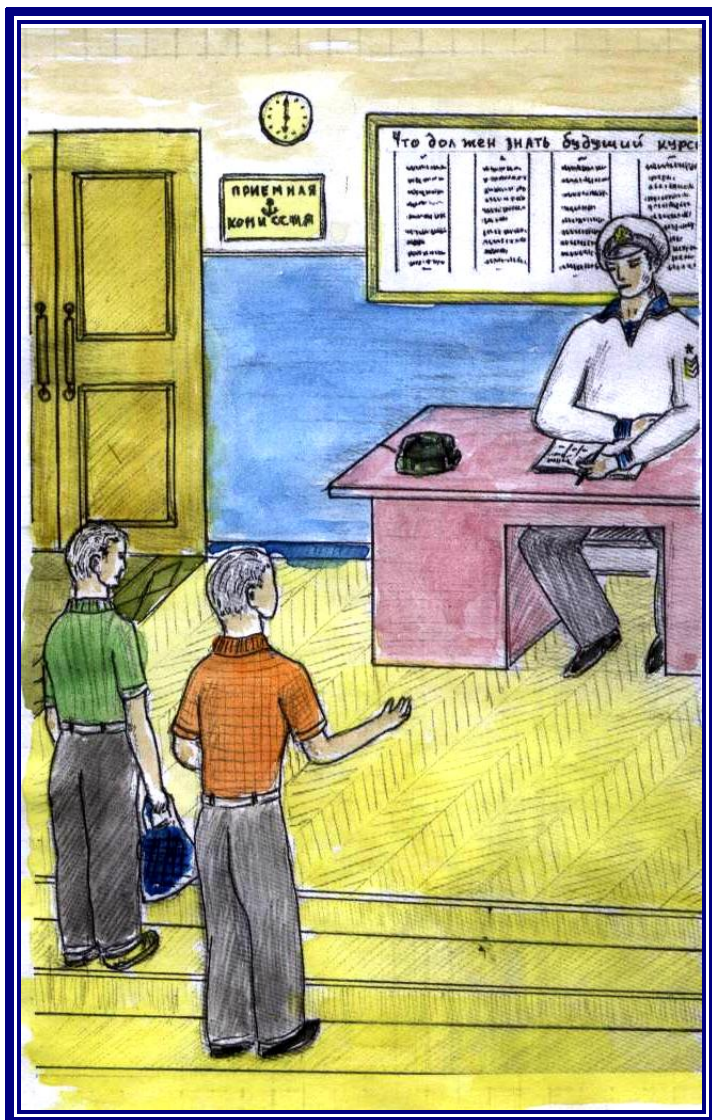
Возле вчерашних дубовых дверей главного корпуса уже толпилось десятка два абитуриентов, некоторые в сопровождении дородных мамаш и озабоченных папаш.

«За ручку ребёнка в мореходку привели, - сбоку косился на них Вовка. – А ночной горшок не забыли?..»

Скоро ударило восемь и дневальный – уже другой парень в такой же форме, что и вчерашний, разрешил всем вход. По стрелкам, расклеенным на стенах, ребята быстро нашли кабинет приёмной комиссии, где долго толкались в очереди, опять-таки в бессильной ярости косясь на тех же мамаш и папаш, которые тараном ломались напропалую.

Дождавшись своей очереди, Шурка отдал вызов, а зашедший с ним Вовка, путаясь и сбиваясь, объяснил, что документы он послал в одно время с Иванчиным, но почему-то вызов не пришёл...

-Как же это вы, молодой человек, без вызова, да ещё за тысячи километров сюда прикатили? – строго взглянул на

него из-под очков один из членов комиссии - старый моряк в глухом кителе.

Уловив, что Вовка на грани отчаянного обморока, моряк встал и вышел в маленькую боковую дверь. Через пару минут он вернулся с огромной толстой тетрадь в руках.

-Когда, говоришь, документы отправил?..

-Десятого июня, - точно помнил Вовка.

Некоторое время моряк перелистывал тетрадь. Ребята не дышали...

-Панин, говоришь?.. Есть такой... отправили мы тебе вызов ещё месяц назад. Видать почта не сработала... ну, ладно - пока подождите в вестибюле, вызовем...

Шурка и вконец обмякший Вовка вышли за дверь. В вестибюле было уже невпроворот пятнадцати – шестнадцатилетнего народа. Здесь роились русые и чёрные, соломенные и рыжие шевелюры и чёлки, были даже совсем альбиносы. В основном царило состояние напряжённого ожидания, но некоторые храбрились, делились новостями откуда приобретённым опытом, хлопали окружающих их горемык по плечам:

-Не робей... срежешься здесь – сразу подавай в другое какое-нибудь училище или техникум, чтобы год не потратить... сейчас главное – хоть какой-нибудь диплом..

Вовка неприязненно поглядывал на таких знатоков – ухарей:

«Не надо мне хоть какого диплома... а что ты сразу в мукомольный не пошёл, там и вовсе недобор всегда - без экзаменов возьмут... там тебе и диплом дадут...»

Ещё вчера ребята заметили расклеенные на стене главного мореходского корпуса несколько рекламных объявлений ростовских техникумов и училищ, в том числе и мукомольного, которые были явно рассчитаны для неудачников на морском поприще. Вовка ещё удивился, что муку молоть тоже надо несколько лет учиться...

...Наконец, ребята услышали свои фамилии и, выдвинувшись вперёд из всё более разрастающегося клубка, получили экзаменационные листы. При этом Шурке назначили первый экзамен восьмого августа, а Вовке – девятого. И ещё ребята узнали, что всего сдают экзамены больше трёх тысяч человек (номер Вовкиного листа был 2805, при этом его поток был не самым последним), а на первый курс набор всего сто восемьдесят!.. Девяносто штурманов и девяносто механиков...

-Восемнадцать, а то и все двадцать человек на место!.. – обалдели ребята. - Да кто же пройдёт через такое сито?!.. Только те, которые с мамашами... может, сразу домой поедем, пока ещё денежки на билет есть...

Конечно, домой ехать никто не собирался, но такой расчёт сильно ударил по настроению ребят от улицы Овражной в Зеленогорске.

«Восемнадцать человек на сундук мертвеца!

-Ио –хо-хо... И бутылка рома!..»

Вспомнил Вовка не очень-то понятные слова из пиратской песенки про клад капитана Флинта.

Но никаким ромом, а тем более кладом пока нигде даже не пахло – надо было думать о том, что делать дальше.

-Целая неделя до экзаменов... что будем делать? – встала ещё одна проблема перед зеленогорскими абитуриентами, когда они вышли на улицу с листками в руках.

Но этот, на первый взгляд, труднейший вопрос решился очень быстро. Почти сразу же к ним подошёл высокий худоблестный старик и, зашевелив белыми бровями, увлёк за собой. Через пару минут ребята очутились в небольшой комнатёнке с низким потолком и не по росту широким окном, упиравшимся в глухую, красную стену через узенький дворик. В комнате четыре кровати, две из которых хозяин предложил им за шестьдесят копеек в сутки с каждого.

До восьмого августа в соседях у зеленогорцев побывало не менее десяти ребят издалека и не очень, но Вовка с Шуркой так и остались самыми далеко захавшими. Все они также поступали в мореходку и все вылетели, если не с первого, то со второго экзамена...

Шурка заметно скучнел.

-Скорее бы уж сдать или не сдать, да домой к себе собираться...

Но Вовка заставлял его вновь и вновь решать вместе с собой задачи, писать диктанты, чертить фигуры из геометрии и доказывать теоремы.

-Мы сюда не к тётке на блины приехали... и не хочется мне домой с позором ехать....

В эти дни ребята по несколько раз за день забегали во двор главного корпуса, где на больших фанерных щитах вывешивались листки с экзаменационными отметками. На каждом листке строго по сорок фамилий, напротив которых скромно пряталось несколько троек, одна - две четвёрки, остальные... двойки и даже колы. А пятёрки совсем не попада-

лись... Видимо, здешние суровые экзаменаторы и впрямь были убеждены, что на пятёрку знает только Сам Господь Бог.

Восьмого августа Шурка написал свой диктант, после которого ребята упаковали свои пожитки, тетрадки и книжки, сдали деду койки и отправились на вокзал – платить за крышу над головой им стало нечем. Они уже получили по одному переводу из дома и сразу отложили деньги на обратную дорогу, так как твёрдо решили больше родителям по этому вопросу не докучать.

Пришлось урезать и дневной паёк: столовкам и разным буфетам было отказано в посещении, не говоря уже про полный отказ от мороженого и газировки. Ребята покупали вкусные и недорогие ростовские круглые калачи, а к ним на соседнем базаре литровую банку «дамских пальчиков» из помидор всего за...пять копеек. Этого им вполне хватало на двоих аж на целый день.

После экзаменов, которые у Вовки с Сашкой чередовались, спустились к любимейшей набережной, а потом заладили переходить на другую сторону Дона по старому, узкому мосту, через деревянный настил которого местами проглядывала донская вода. Выходили к бесконечно длинному пляжу, застеленному мелким и горячим речным песком.

Купались и загорали, ели свои помидоры с калачами, листали учебники или просто спали, если на вокзале нормально выспаться не удавалось. Вовку так и подмывало - разориться, но купить удочки, однако, посоветовавшись, решили, что рыбалка будет только во вред экзаменам, и об удочках больше не заговаривали...

Вагон

Поздним вечером друзья возвращались на вокзал, где уже провели свою третью ночь после ухода с квартиры. Вокзальный деревянный диван – это далеко не домашняя кровать, даже если она стоит в комнатёнке у белобрового деда. Но ребята сильно не тужили – с каждым днём всё ближе развязка – ведь всего три экзамена.

...На вокзале раз или два к ним подходили милиционеры, ребята показывали свои справки, и намечавшийся конфликт с властью мирно разрешался. Народу на ростовском вокзале было куда меньше, чем в Москве, на Казанском. Так что ребята всегда находили уголок, где вполне терпимо устраивались. Если один спал, то другой сидел с краешка и, на-

сколько хватало сил, пялился в учебник или тоже кемарил, то и дело вскидывая упавшую голову...

В это утро они вышли обычным своим маршрутом к набережной, где, наблюдая за рыбаками, скоротали время до открытия главного корпуса. Вовка шёл на математику письменно, а Шурка с напускным безразличием (надоело всё!) нашёл свою вторую четвёрку в списках. Первую он получил за диктант. Вовка тоже уже имел в своём активе четвёрку и тоже за диктант.

«Молодец, Шурка, хоть и притворяется... теперь мне бы тоже четвёрку за этот экзамен и останется только один...»

На каждый экзамен Вовка шёл, как в омут. В голове было пусто, как иногда в мамкиных звенящих вёдрах, с которыми он ходил за водой. Спереди, сзади и с боков шли такие же пацаны, и все молчали. Во главе толпы шёл курсант с повязкой на левом рукаве, показывая путь до аудитории. Далеко потом Вовка узнал, что на бойнях существуют козлы-provокаторы, которые ведут за собой молчаливое стадо баранов под нож гильотины, и ему сразу вспомнились те августовские дни, голубой курсантский гюйс впереди, и своя пустая голова среди таких же рядом.

Вовка садился и прежде всего осматривался по стенам, где почти всегда висели портреты выдающихся флотоводцев и мореплавателей или писателей и учёных – смотря по назначению аудитории. Он узнавал суровые и мудрые лица и просил у них снисхождения, и даже помощи...

Но вот получено задание и словно срабатывает пусковое устройство. Из памяти всплывают нужные формулы, теоремы с аксиомами и вот уже просматривается готовое решение. Вовка ещё и ещё раз проходит от начала до конца... вроде бы всё сходится...

Он последний раз проводит взглядом по стенам и благодарит своих спасителей, хотя результат будет известен только завтра...

Когда Вовка всё еще в экзаменационном трансе вышел во двор, поджидавший его Шурка, сразу подвёл к небольшой кучке ребят. Один из них был знаком. С ним они жили пару дней в одной комнате у белобрового деда.

-Вот, Иван Иванович говорит, что можно деньги зарабатывать... тут недалеко склады – там хоть каждый день вагоны выгружай.

-Так... с тобой нас ровно шесть человек, а за вагон дают шестьдесят рублей. Это значит - по десятке на брата, –

взял на себя инициативу Иван Иванович, который был на тройку лет постарше остальных (наверное, потому и звался по отчеству). – Вопросы есть?..

Какие могут быть вопросы?.. Ребята зашагали вниз по проулку, в направлении к набережной. Склады и в самом деле оказались совсем рядом, и возле проходной их встретила огромная тётка в стёганой безрукавке и сапогах.

«Чего это она в такую жару?» - удивился, было, Вовка.

Но, прошагав за очень строгой на вид начальницей до складов, он понял, что телогрейка и сапоги из-за холода внутри длинных приземистых сооружений с рядами разнообразных стеллажей. Вдоль сооружений, почти вплотную стояли вагоны, некоторые из которых были открыты – из них шла выгрузка.

Оценив на глазок опыт и физическую мощь морской бригады, тётя Катя – так она представилась ребятам, подвела их к одному из раскрытых вагонов.

-Вот ваш груз, - указала она на небольшие картонные ящики, которыми был забит вагон до самого верха. – Из вагона будете таскать и укладывать сначала на эти стеллажи, а потом на эти, - энергично махала руками тётя Катя. – А это ваш начальник, – закончила она инструктаж, подозвав поближе совсем ещё молодую девушку в такой же стёганой безрукавке.

-А как начальника зовут? – сразу заулыбался Иван Иванович, когда тётя Катя отошла, командуя вдоль вереницы вагонов.

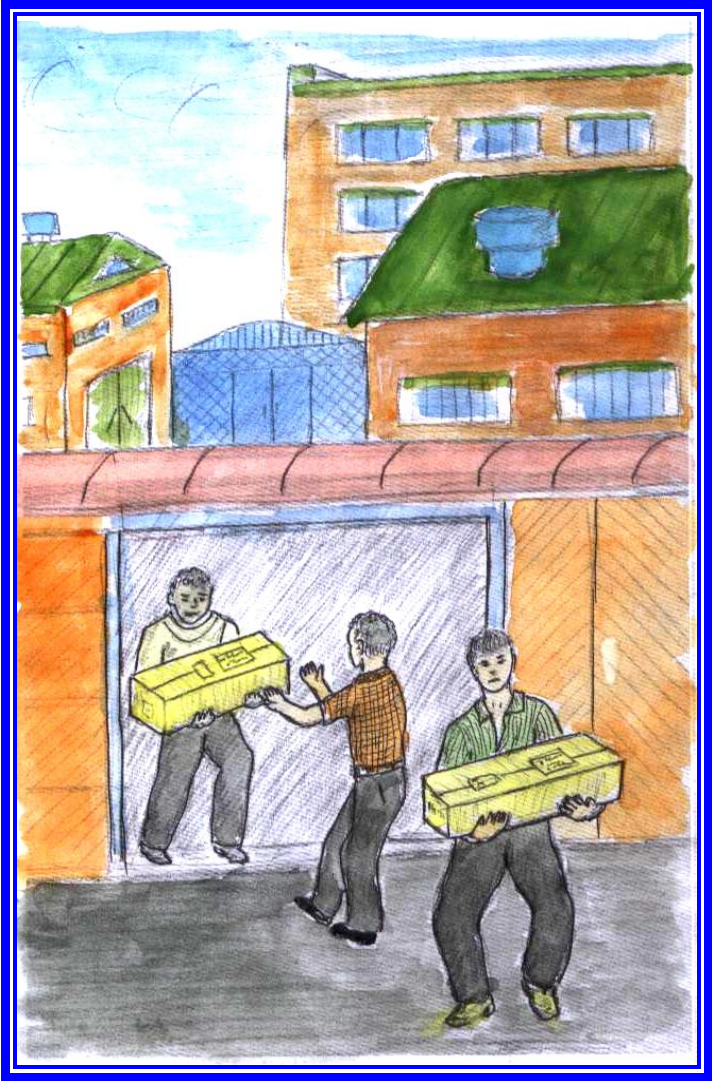
-Зовут меня Светланой, - строго насупилась начальник. – Давайте быстрее выгружать, а то у меня весь холод уйдёт. В каждом ящике по двадцать четыре килограмма – там консервы, а они тепло не любят...

Бригада гурьбой бросилась к вагону.

-Стойте!.. Стойте!.. – закричала Светлана. – Вы что – вагоны никогда не разгружали?.. Становитесь в цепочку... вот так, - расставила она ребят, - можно начинать...

«И совсем нетрудно, - думал поначалу Вовка, принимая ящик, и через два шага передавая его Шурке, – землянки копать и то труднее...»

Но уже через полчаса появилась первая дрожь в коленках, ящики становились всё тяжелее и тяжелее. Вовка изгибался всем телом, выпячивая вперёд тощий живот, к которому прижимал коробку, стараясь хоть этим сбросить часть

груза с рук, но ящик, словно магнитом, тянуло вниз, а вместе с ним и самого Вовку...

Глаза сначала понемногу, а потом всё больше и больше стал заливать пот со лба. Вовка едва успевал стряхивать его с бровей, передав в Шуркины руки очередную тяжеленную коробку. Язык наоборот деревенел от сухости во рту, рашпилем шоркая между щеками. Сердце стучало всюду: и в груди, и в голове, и даже в пятках, на которые скоро стало больно наступать.

«Это ведь только начало... а как же дальше?.. Так и надорваться запросто можно...» - тяжело ворочалось в голове рядом с колокольным боем в висках...

Первый перекур по команде Ивана Ивановича, который задавал темп, выбрасывая коробки из вагона, состоялся через час. Вовка сел прямо на том месте, где стоял. Также тихо подогнули ноги остальные...

-Ну, как дела, хлопцы-мореходцы? – возникла в дверном проёме тётя Катя. – Да что же это вы прямо на холодном полу расселись!.. Простудитесь!.. Сейчас же на скамейку!.. А где же ваши пояса?..

Ребята бессильно молчали, только Иван Иванович хрипло отозвался:

-А нам никаких поясов никто и не давал...

-Светка!!! – громко закричала тётя Катя в глубину склада. – Ты что это, зараза белобрысая, хлопцев мне совсем замучила?!.. –напустилась она, когда девушка возникла рядом. –Где пояса?!..

-Ой, мальчики?!.. Простите, забыла я... да вот же они висят... я думала – сами догадаетесь, - пробовала схитрить маленький начальник.

-Я тебе дам!.. Ещё раз такое увижу – враз вышибу!.. И никакой папка не поможет – сама будешь вагонетки с тухлой рыбой катать!..

Пояса представляли собой ремни, плетёные из толстой капроновой нити шириной полтора десятка сантиметров и более. Они, как корсеты, туго затягивались на спине, а спереди имели маленький выступ-полочку, о которой так мечтал Вовка, плотнее прижимая к животу скользящую вниз, вырывающуюся из рук коробку.

После перекура, хотя и не прошла ещё усталость от первого раунда, дела пошли гораздо веселее. Очень скоро пришла сноровка – ящик ровно ложился на полочку, его оставалось только слегка придерживать, чтобы он не со-

скользнул... А вот и крепкие Шуркины руки: Раз-два-три... раз-два-три...

За первые два часа выгрузили чуть меньше половины вагона. Снова появилась Тётя Катя.

-Ну, что тут у нас, хлопцы-мореходцы? – довольно глянула она внутрь вагона. – Пошли-ка в нашу столовую – вам надо перекусить...

Перекусить было очень вовремя, можно было даже много раньше. Ведь Вовка с Шуркой ещё рано утром на вокзале подъели вчерашний калач и полбанки помидоров. Остальные, наверняка, чувствовали себя не лучше.

А в столовой!.. Каждому для перекуса налили по солдатской алюминиевой тарелке настоящего украинского борща с большим куском мяса, положили две котлеты с макаронами, сметана, компот!.. Да Вовка и дома-то никогда так не ел. После такого обеда все полюбили тётю Катю. Теперь каждый был готов идти за ней, как цыплёнок за наседкой, хоть на край света.

Повеселевшая на сытое брюхо бригада для разнообразия поменяла цепочку, потом ребята менялись местами ещё несколько раз. Только Иван Иванович беспрерывно проработал в вагоне. По мере убывания ящичков ему приходилось бегать за ними всё дальше и дальше, но в вагон он никого из салага (так он называл своих компаньонов, перебрасываясь шуточками) не допустил.

-Зато мне в начале было легче, чем вам! – широко улыбался хороший парень Иван Иванович...

-Слышь, а ты почему домой не едешь? – спросил его в перекуре Шурка. – Ты ведь ещё на диктанте, по-моему, срезался...

-А я сейчас у дядьки возле аэропорта живу и жду пока вот этот, - ткнул он кукишем пониже живота кудрявого, светлоголицего пацана, - тоже получит свою двойку, и мы вместе поедем домой в Елизаветинку.

Как засёк Вовка, на всё про всё с вагонным делом ушло чуть больше пяти часов. Зато, когда тётя Катя раздала им по десять рублей, то ребята все как один почувствовали себя миллионерами

-Пошли в «Донскую волну»! – хлопнем по стаканчику после трудов праведных, - предложил бригадир, но Вовке и Шурке было не до праздников – впереди ещё экзамены. Да и не знали они, что такое вино...

-Двадцать рублей!.. Да ещё пятёрка осталась из старых запасов, не считая денег на обратную дорогу! – громко радовались ребята, будто они не заработали эти деньги в тяжком труде, а без всяких забот нашли их под ногами. – С такими деньгами можно ещё целую неделю безбедно жить. Побежали к нашему деду!..

Белобровый дед торчал в своей летней кухоньке, но мест у него не оказалось – две комнаты были сплошь заставлены раскладушками под разновсяких квартирантов и все были заняты.

-Вы поднимитесь на второй этаж по лестнице со двора - там у Настасьи вроде есть места.

Бабушка Настя сначала не хотела пускать новых квартирантов.

-У меня вон прошлые тут нахулиганили, намусорили - бессовестные...

Но, почуяв, что ребята сильно приуныли, смягчилась и уступила им одну, зато широченную тахту на двоих за «рубль в сутки».

Вызов

Оставшиеся трое суток они наслаждались комфортом (это всё-таки вам не вокзал), а попутно сдавали экзамены. С устной математикой Шурке не повезло – за неё у него получилась только тройка. У Вовки же кругом вышли четвёрки, что на фоне сплошных двоек на фанерных щитах смотрелось совсем неплохо. Пятёрки, правда, тоже в списках попадались (одна на несколько листков с фамилиями), но это, наверное, и были те самые небожители, которым экзаменаторы постеснялись снизить балл.

Когда после экзаменов Шурка прошёл медкомиссию, то Вовка наслушался от него таких страхов, что сразу пожалел обо всём на свете...

-Столько врачей!.. И все придираются ко всему: прослушивают чуть ли не с головы до ног, заглядывают с фонариком и увеличилкой во все дырки, заставляют ходить по линейке, приседать, на стуле крутиться, и так далее и так далее.... Даже нюхать всякие запахи и определять что это такое. Каждую родинку тоже через увеличилку разглядывают... Больше половины отсеялось, а у меня всё отлично! – радовался Шурка ещё и тому, что для него, наконец, всё позади. – Да ты не бойся – ты тоже пройдёшь...

Четырнадцатое августа...

«День рождения отца, - вспомнил Вовка. – Он, конечно, не знает, что я сейчас иду на медкомиссию, но всё равно пусть он там пожелает мне всего хорошего...» – думал вдруг ставший страшно суеверным Вовка.

Шурка с утра ушёл на вокзал за билетами, чтобы вечером этого же дня отчалить из Ростова, так что рядом в этот раз дружеского локтя не было.

Врачи всех специальностей разместились в аудиториях главного корпуса, и здесь всё было точно так, как рассказывал Шурка. Но, переходя из кабинета в кабинет, Вовка приобретал всё большую уверенность. Его уже прослушали, просмотрели, измерили... Угадал он и все запахи, а вот в глазном кабинете застопорился. Когда он закрыл левый глаз всей ладонью, то от волнения прижал и сам глаз. Прочитав правым глазом «на все сто», левым, который не успел проморгаться, Вовка на одну букву обознался. В оставшихся кабинетах всё прошло без закорючки.

Сразу после медкомиссии следовала заключительная – мандатная. Здесь каждый абитуриент, прошедший экзаменационное и медицинское сито, заполнял объёмистую, многолистовую анкету моряка заграничного плавания и проходил личное собеседование с одним из руководителей училища.

-У вас, молодой человек, заявление на штурмана, а с глазами не всё в порядке, - начал разговор с Вовкой тот самый моряк, который принял его в первый день. – Сумма баллов у вас неплохая, но... Что же с тобой делать?.. Давай-ка, перепиши заявление на судового механика, там насчёт зрения полегче, да и конкурс поменьше, - проникался всё большим участием к судьбе Вовки старый моряк. – Штурман дальнего плавания, а потом и капитан – это, конечно, хорошо: капитанский мостик, рулевая рубка, штурвал, а в машине шум дизелей, да визг насосов – никакой тебе романтики, - продолжал судя по всему, опытный наставник и учитель. – Но ведь человек не железный, с ним всякая болячка может приключиться, а в море с болячками никак нельзя... И вот тут механик по сравнению со штурманом выходит вперёд. Судовому механику, а тем более универсалу, которых мы готовим в училище, всегда можно найти интересное занятие и почти по специальности. Разве что море будет с берега...

Вовка слушал старого морского волка, но вряд ли все слова доходили до него. Однако он понял главное – штурманом ему не быть.

-Да... конечно я согласен... я перепишу заявление.... Только... только у меня друг здесь – он тоже на штурмана подавал, а у него одиннадцать баллов... можно, если и он заявление перепишет?..

-Одиннадцать?.. Маловато, конечно, но конкурс на механическое отделение всё-таки поменьше, - повторил моряк, - стало быть, и шансов поступить больше. Пусть приходит, только скорее, а то у меня сейчас другие дела начнутся...

Вовка одним махом переписал заявление и помчался за Шуркой.

«Лишь бы он дома был!.. Лишь бы на вокзале не заторчал, или куда шляться не ушёл! – вихрем влетел он на второй этаж. – Тут делов-то, самое большое, на двадцать минут...»

Шурка королём валялся поперёк тахты и листал какой-то цветастый журнал.

-Вставай!.. Побежали в училище! – еле переводя дух, вытаращился на него Вовка. – Надо заявление переписать и побыстрее!..

-Какое заявление? – нехотя приподнялся Шурка. – Я уже и билеты купил на четыре часа... до поезда осталось чуть больше часа, так что нам пора на вокзал топать, а то мы застрянем здесь...

-На судового механика! – закричал, чуть не поперхнувшись, Вовка. – У тебя на штурмана баллов может не хватить, а если перепишешь заявление на механика, то больше шансов пройти конкурс!..

Шурка иногда проявлял такие чудеса необъяснимого упрямства, до которых, пожалуй, и Вовке было далеко. Вот и сейчас он, набычившись, уставился в окно.

-Никуда я не пойду, - наконец, угрюмо бросил он в пол. - И ты тоже давай складывай свой чемодан – я уже сложился.... И пошли быстрее на вокзал – поезд ростовский, так что посадка будет заранее. Вагон общий и нам надо занять места, чтобы потом в тамбуре всю ночь не маяться...

-Ну и дурак же ты... Ты что, думаешь железно пойдёшь на штурмана? – горячо продолжал убеждать Вовка.

-Ничего я не думаю... пройду - не пройду - мне сейчас всё равно.... Если не пройду, то на следующий год буду поступать.

Вовка понял, что Шурка и в самом деле в душе уже давно дома, а здесь находится только его ничего не соображающая оболочка. Он ещё некоторое время пытался его уго-

ворить, но тот упрямо схватился за чемодан и с каменным выражением лица подался к выходу. Вовке ничего не оставалось делать, как тоже попрощаться с доброй хозяйкой и двинуться на вокзал...

Дорога домой полностью повторила путь из Зеленогорска до Ростова, только с точностью до наоборот. Разве что в Москве в этот раз пришлось проторчать в маете и безысходности больше суток, но ничего не поделаешь – так уж совпало расписание железной дороги. Зато Казанский вокзал с его многочисленными огромными залами, ребята изучили, как свои пять пальцев.

Вот позади остались и Кондурча, и Кошки, и Киндяковка. Вовка вышел на перрон в Клявлино. Здесь поезд стоял целых полчаса, и Вовке очень хотелось, чтобы хоть кто-то из Паниных в этот час оказался на вокзале, но такого не случилось. А самому сбегать в Старые Сосны или хотя бы к Батяевым – не было времени.

Дома весть об их прибытии моментально разлетелась по близлежащим кварталам, и скоро на пустыре вдоль улицы

Овражной состоялся большой сбор. Вопросам не было числа, а Вовке с Шуркой было, что рассказать своим друзьям. Несколько дней кряду только и разговоров: Москва, Ростов, мореходка, экзамены...

Почти все твёрдо решили – если поступать, то только в мореходку!.. Приходил и Плахин со своими ребятами, они тоже расспрашивали, и бывшие абитуриенты вновь и вновь рассказывали всё, часто повторяясь, и перебивая друг друга.

Сколько ни рассказывай, а главное было впереди. Чуть ли не с первого дня по приезду ребята несколько раз на день проверяли почтовые ящики. Волновались все: и друзья, и родители, и просто знакомые, но сами виновники вели себя, в общем-то, вполне хладнокровно, гораздо спокойнее всех остальных.

Трехнедельное путешествие отложило в их сознании столько впечатлений, что они – эти впечатления волея-неволей становились главным итогом сдачи приёмных экзаменов.

Но вот и вести из Ростова. Во дворе у Шурки строили новую конуру для охранника Рекса, старую плохо рассчитали на будущие габариты грозного сторожевого пса и теперь её увеличили почти в два раза. Заскрипела калитка и почтальон вручила Шурке толстый конверт, в котором без труда угадывалась пачка листов, а это могло означать только возврат высланных ещё до экзаменов многих листов самых разных документов.

Вовка не сразу бросился домой. Теперь его одинаково не радовал любой результат. Если тоже документы, то как же тогда мать и отец, братишка и сестрёнка, которые ещё до ростовских экзаменов вбили себе в головы, что их старший брат будущий моряк – ведь столько готовились.... А Генка, который второй год служит в Германии и тоже ждёт из дома хороших вестей...

А как почему-то не хотел выдавать нужные справки и характеристику Геннадий Георгиевич – директор школы, но отец с матерью настояли, поддавшись Вовкиной упрямой уверенности...

«А если вызов?.. Как же тогда Шурка?.. Он останется, а я поеду?... »

-Вовка, беги домой... может, тебе тоже чего-нибудь прислали ...- наконец, прервал Шурка свои и Вовкины невольные размышления.

-Пошли вместе сбегает...

Шурка закинул конверт за пазуху, и они дёрнули. А навстречу, размахивая светлым бумажным прямоугольником, на всех парах мчался Толян – Вовкин младший братишка.
-Володька!!!.. Тебя приняли!..

Вовка молча взял у Толяна тонкий конверт. На зелёной бумажке, размером с детскую ладошку, типографским шрифтом напечатан вызов, в который от руки вписана Вовкина фамилия...

*Ты помнишь, братский экипаж,
Своих курсантов пред собою?..
Нас штормы били уж не раз,
Но не разлить нас и водою...*

Экипаж 61 кубрик

В Ростов поезд привёз Вовку ранним утром, и он сразу отправился в уже хорошо знакомый со времён сдачи экзаменов главный учебный корпус, который теперь на долгие, как тогда казалось, годы стал для него и для других курсантов просто «Гуком». Всё было, как и в прошлый раз, когда они с Шуркой Иванчиным пришли сюда вечером, прямо с поезда: за теми же дубовыми дверями, за массивным столом сидел точно такой же дневальный с той же повязкой.

-Значит, судомеханик, - глянул он Вовкин вызов и сделал какую-то отметку в лежащем на столе журнале - Тебе надо спуститься по улице Обороны, через пару кварталов на левой стороне увидишь красное четырёхэтажное здание – это и есть экипаж №2 для судомехаников. Там тебе растолкуют всё остальное...

Красное здание с высоким бетонным забором вокруг Вовка нашёл быстро, тем более, что на его стене красовалась большая стеклянная доска, на которой значилось – «ЭКИ-ПАЖ № 2». Во дворе экипажа, возле будки КПП (контрольно-пропускного пункта) тоже торчал дневальный. Внимательно посмотрев вызов, он пропустил Вовку.

-На четвёртом этаже, в том подъезде, на столе лежат списки, там найди свою фамилию, номер группы и кубрика...

«Экипаж... кубрик... - здесь всё по-морскому называется...» - соображал Вовка, поднимаясь по лестнице, а, вернее, по трапу.

Вовкин кубрик оказался под номером 61. Представлял он собой огромное помещение, в котором располагались целых пятнадцать двухэтажных коек, на некоторых из них сидели и лежали разновсякие пацаны.

-Я пока здесь назначен старшим, - сразу подошёл к нему крепкий, светловолосый парень в майке и спортивных

штанах с лампасами. – Зовут меня Сергей Житников, а ты кто у нас?..

Вовка молча протянул всё тот же вызов.

-Панин... так, - парень воткнулся в список, висящий на дверях. – Твоя койка двадцатая, нижнее место и вот эта тумбочка. И рундук возле стены тоже двадцатый. Постель получишь в подвале у кастелянши после того, как пройдёшь санпропускник.

-А где это?..

-В первом экипаже... там медсанчасть и всё остальное...

Пока Вовка получал разъяснения, подошли ещё двое ребят. Один из них назвался Гисматулиным Эриком.

«Татарин... может земляк...», - подумал Вовка и спросил:

-Эрик, а ты откуда?..

-С Батайска, с-под Ростову...

«Татарин, а говорит как чистый донской казак», - снова подумал Вовка, который различал местный акцент ещё со времени сдачи экзаменов.

Второй парень оказался из южного города Анапы. Он назвался Дьяковым Александром. Вместе с этими ребятами Вовка прошёл санпропускник, получил постель, после чего устроил своё барахлишко по тумбочке и рундуку. Новое курсантское пополнение всё прибывало, и к вечеру этого дня в кубрике осталась пустовать только одна койка, да и та ненадолго.

Наутро все зашевелились рано, задолго до установленного подъёма из режима дня, висевшего на той же двери. До семи часов, когда звонок громкого боя дал по коридору команду «подъём!», все уже успели побывать в подвальной умывалке, привели себя в должный порядок и стали ждать построения. А между тем продолжали знакомиться с соседями сбоку, снизу, сверху и дальше по коечному ряду.

Наконец, вдоль длинного коридора и по кубрикам разнеслось:

-Всем выйти во двор на построение!..

Во дворе, ещё толком не состоявшихся курсантов, ждал уже немолодой флотский офицер с погонями капитан-лейтенанта.

-Сто двадцать шестая группа – строиться здесь!.. Сто двадцать седьмая – здесь!.. Далее – сто двадцать восьмая!.. – разносились команды по двору.

Вторая рота судовых механиков состояла из трёх групп по тридцать человек в каждой.

-Я ваш командир роты, зовут меня Николай Семёнович Кислов. А ближе с каждым из вас я познакомлюсь по ходу дела, и произойдёт это очень скоро.

Командир роты довольно пространно рассказал новым курсантам о самых общих понятиях курсантской жизни.

-Курсант Величко!.. Выйти из строя! – скомандовал, наконец, командир, закончив вступительную часть.

-Это ваш ротный старшина! – показал он на крепкой кости парня, вышедшего из строя. – Он отслужил армию, зовут его Василий Петрович, но для вас он просто «товарищ старшина»... в каждой группе тоже будут назначены старшины и их заместители из числа тех курсантов, кто отслужил в армии, они и будут вашими непосредственными командирами... так что...

Командир роты ещё некоторое время вводил в курс своих подчиненных и передал бразды правления старшине Величко.

-Рота-а – а!.. Равняйся!.. Смир-рно!.. Напр-р-аво!.. Ша-а-агом марш!

Конечно, строй разномастных пацанов, одетых кто во что горазд, представлял собой унылое зрелище, но сразу после завтрака в столовой первого экипажа им выдали морскую форму, в состав которой входила целая куча разного...

...И потянулась учёба, которая сама по себе, мало чем отличается от учёбы в любом другом учебном заведении, но здесь над всем зримо и незримо стоял морской порядок, а это, прежде всего, строгий режим дня, строевая подготовка, и... забор с карантином, который продолжался целый месяц.

Этого месяца вполне хватило для того, чтобы полностью освоиться с новой жизнью, привыкнуть к строгому распорядку дня и ночи, узнать своих преподавателей и командиров, даже получить и исправить двойки. Все однокурсники перезнакомились между собой, успели с кем-то подружиться, а с кем-то даже поссориться и помириться.

Темерник

Во время карантина строевая подготовка проводилась каждое воскресенье во дворе экипажа. Командовал на занятиях старшина роты Василий Величко – бывший сержант срочной службы. Величко был прирождённым старшиной. Чуть

выше среднего роста, плотно сбитый, с мощной грудью и коренастыми ногами, которые он широко и крепко расставлял при ходьбе. Вместо причёски – постоянный солдатский ёжик и ко всему этому великолепный командирский голос...

-Налево!.. Шагом...арш!.. Напр-р-раво!.. Рот-т-та стой! – разносились два предобеденных часа зычные команды бравого старшины, а в унисон им тяжёлый топот курсантских «гэдэ» – есть такая разновидность специальных ботинок.

Из открытых окон кубриков выглядывали старшекурсники, которые уже давно прошли всё это, и теперь снисходительно посмеивались над салажнёй. Особенно над ретивостью бывшего армейского сержанта, что, однако, нисколько того не смущало, и не было случая, чтобы он позволил себе и курсантам какой-то поблажки или лишнего передыха на протяжении всего отпущенного времени строевой подготовки.

С окончанием карантина, занятия строевой подготовкой были перенесены на набережную речки Темерник или, как её называли местные – Темерничка. Набережная, конечно, громко сказано. Сама речка была шириной всего десяти-пятнадцать метров и заключена в грязный высокий бетон, а её парапет представлял собой глухую, бетонную же стенку около одного метра высотой и толщиной больше полметра.

От речки при попутном ветре исходило... зловоние. В коротких передышках между шагистикой некоторые курсанты спускались и, пересиливая тошнотный запах, заглядывали через парапет.... Мимо в Дон, до которого было рукой подать от строевого плаца, плыли в зеленовато-фиолетовой жиже тарные ящики, склянки, поганкового вида и цвета презервативы, говно в натуре и множество другой вонючей дряни...

Сначала Вовка никак не мог поверить, что всё это течёт прямо в Дон, который так ласково и по-доброму встретил их с Шуркой ещё в конце июля, а потом давал приют на своём тёплом песчаном левом берегу.

-Вы не смотрите, что Темерничка сейчас такая, - горячо защищали невиноватую речку ростовчане. – Когда-то по ней сам Пётр Первый на своих судах запросто плавал...

-Тем хуже для вас... как же это вы смогли загубить целую судоходную реку?.. Если у вас так дело пойдёт и дальше, то у вас и на Дону пароходов не останется – на плотках среди помоев будете плавать...

Вокруг Вовкиного Зеленогорска тоже с природой обходились неласково, чего только стоят одни нефтегазовые факела!.. Но такого открытого надругательства он никак не

ожидал увидеть, а тем более в полюбившемся ему Ростове с его Тихим Доном. Это так потрясло его, что Вовка решил сразу же после очередной строевой дойти до устья Темерника, и своими глазами посмотреть, как заходит в Дон весь этот гнилой сток, и куда эта дрянь течёт дальше...

Темерник, входя в Дон, будто спотыкался. Его серо-зелёная жижа сразу сворачивала вниз, и Вовка пошёл вслед за ней по правому берегу. На поверхности плотного, бурого шлейфа, который ядовитой змеей тянулся вдоль берега, несмотря на ветерок, не было ни рябинки. Видимо, даже ветер не хотел соприкоснуться с «подарком» человека великой реке, когда-то радушно принявшей его на своих девственно чистых берегах ...

Было видно, что и Дон старается не впустить *это* в свои чистые воды, ставит плотный заслон своими потоками-струями, но постепенно чёткая граница между гадким и чистым всё-таки стала размываться. Мерзкая жижа распространялась всё шире и шире, но могучая река своей волной разрезала змеиное тело вдоль и поперёк, разрубала его в мелкие куски. И, выворачиваясь от нестерпимой тошноты с приступами рвоты, поглощала в свои глубины то, что послали ей люди, гордо называющие себя её детьми...

В экипаже Вовка делился увиденным с Сашкой Назыровым – новым ростовским другом, который молчаливо и угрюмо слушал Вовкины переживания.

-Хорошо хоть, что пляж и набережная выше по течению...

-Ладно, Вовка... ты думаешь, что мы не видим всё это... «Вечерний Ростов» постоянно про Темерничку пишет, и сверху её уже начали чистить – там сейчас столько всякой техники нагнали: экскаваторы, бульдозеры - так что скоро мы в ней рыбу будем ловить, как раньше...

Темерник и в самом деле почистили, нечистоты стали перерабатывать, но произошло это не так скоро, как об этом мечтал ростовчанин Сашка...

Первое увольнение

Ко времени окончания карантина, а это значит к первому увольнению в город, курсанты все как один имели пригнанную по фигуре, с учётом моды форму «три», которая состояла из широко известных суконных флотских брюк и такой же чёрной или тёмно синей рубахи с полосато-голубым

воротником-гюйсом. Подгонкой за два рубля занимались несколько портних, живших в домиках вокруг обоих экипажей, после чего форма помещалась в рундук и ждала своего часа

Час этот пришёл в первую субботу октября и Вовка с Витькой Колчановым – ижевским северянином, получив карманную стипендию и строгий инструктаж от Величко, вышли за будку контрольно-пропускного пункта.

Несмотря на октябрь, вечер был по-летнему тёплым – всё-таки юг, хоть и не совсем Черноморское побережье. Через пять минут ребята спустились на набережную и вышли к реке неподалёку от летнего кафе «Донская волна», которое в эту осеннюю пору ещё светилось яркими огнями и гремело музыкой.

Вокруг одноногого столика, скрючившись на высоких стульчиках, что-то тянули из соломинок Сашка Дьяков, Мишка Романов и ещё двое курсантов из их группы.

-Пацаны, идите сюда! – крикнул Мишка, завидев Вовку и Витьку. – Обмоем первое увольнение, как положено!..

Почесав загривки, скромные северяне присоединились к темпераментным южанам. Заправлял Мишка... Он лихо поздравил уже знакомую ему барменшу, и ребята заказали себе то же самое, что и остальные. Сухое вино было тепловатым и напоминало неостуженный квас и цветом, и вкусом.

-И как вы всё это пьёте, да ещё деньги за это платите?
– искренне удивились Вовка с Витькой.

Так и не допив, северяне оставили весёлую и дружную компанию. Продолжили свой путь по набережной в сторону морского вокзала, возле которого возвышалась громада многопалубного «Дмитрия Пржевальского». Немного понаблюдали, как на одной из его палуб беззаботные туристы выплясывали что-то среднее между «калинкой-малинкой» и начинающим будоражить умы и конечности заграничным твистом.

Мимо них, стоящих у парапета, тянулись гуляющие, над которыми витала атмосфера постоянного, безмятежного веселья. Казалось, что парни, девушки, люди постарше, которых, правда, было совсем немного, ежедневно с утра до ночи меряют расстояние от «Донской волны» до строящегося моста на Ворошиловском проспекте.

Отметившись в «Волне» и развернувшись, компании и пары следовали назад, доходили до морского вокзала, где делали короткую остановку в привокзальном буфете и шли дальше. В конце весёлого маршрута моргало неоновыми ресницами кафе «Прибой», где юркие тётки и подозрительного вида дядьки из-под полы и совсем недорого продавали к пиву роскошных донских раков.

Маршрут этот, конечно, был далеко не обязателен для всех, даже для большинства гуляющих и отдыхающих. Просто, если мимо тебя пару или больше раз пройдёт одна и та же компания, то они уже и дальше привлекали внимание в том случае, если тебе самому нечего делать, кроме как бесцельно зевать вверх, вниз и по сторонам.

Без преувеличения каждый третий ещё более выделялся на фоне по-летнему пёстрого людского многообразия своей чёрной формой и белым пятном фуражки. Громоздящиеся рядом с набережной две мореходки густо подмешивали этот цвет в сарафанно-разноцветную радугу ростовчан.

Курсанты чаще всего бродили по двое, по трое. Часто с девчонками, но это уже, в основном, старшекурсники. Некоторые из них тоже крутили по известному маршруту по несколько раз.

Вовка с Витькой неспешно прошли вдоль парапета, за которым по вечернему Дону туда-сюда сновали прогулочные и рейсовые трамвайчики, изредка глухо буркали сердитые на что-то крохотные речные буксирчики. Раза два по воде

проскользнула яхта, треугольный парус которой ровно рассекал своим лезвием пейзаж левого берега.

Выше тальника, густо усеявшего противоположный берег, торчали пики порталных кранов, по которым можно было судить, что левый берег, в отличие от праздного правого, был трудягой, по крайней мере, на участке напротив веселящейся набережной.

-Что-то в горле пересохло, - повернулся Витька, когда ребята поравнялись с «Прибоем». – Может, по кружке пива?..

Пиво Вовка попробовал тоже в первый раз, и оно ему не показалось, он даже не допил его, как и вино в кафе.

«Чего хорошего находит народ в этой разбавленной горчице?..»

Выйдя из кафе, ребята поднялись по крутой деревянной лестнице на Ворошиловский проспект. Проспект - одна из главных улиц города, был самым широким из центральных и, пересекая улицу Энгельса, уходил в набирающую темноту вечернюю дымку. А сквозь дымку всё ярче проступали огни уличных фонарей, искорки автомобильных фар, свет затейливых окон, которые кругом были неодинаковы не только в соседних домах, но и на разных этажах. Не то, что в зеленогорских пятиэтажках!..

На проспекте народу было меньше, чем на набережной и в основном люди шли навстречу – выходной вечер только

начинался. А Дон со своей набережной приглашал к себе всё новых и новых желающих прикоснуться к его свежему дыханию.

Ребята всё тем же прогулочным шагом вышли к центральному входу в главный ростовский парк на улице Энгельса. В парке народа было даже больше, чем на набережной, Откуда-то неслась музыка, а в множественных тёмных аллеях прятались вездесущие парочки. Но Вовка с Витькой своё первое увольнение ещё в экипаже договорились посвятить городу Ростову, который с этих пор становился надолго родным домом.

-Ну и как тебе Ростов на первый взгляд? – спрашивает Витька.

-Почему на первый?.. Я ещё во время экзаменов всю центральную часть города облазил... больше двух недель был в Ростове...

-Экзамены – это совсем другое дело... ты ведь тогда точно не знал, что будешь учиться здесь больше четырёх лет.

-Конечно... тогда нам всё домой хотелось. Тем более, что целую неделю на вокзале ночевали, так что хватило лиха. Но и тогда Ростов нам сильно понравился – гораздо больше, чем Москва...

За разговорами дошли до экипажа. В кубрике их встретил Сашка Назыров, побывавший дома. Из большого портфеля он достал маленькую канистру, яблоки, виноград, разную домашнюю снедь.

-Не бойтесь – это всего-навсего виноградный сок – сплошные витамины.

К столу присоединились все, кто в этот час вернулся из увольнения.

Вовкины встречи.

Кончился карантин, уже не раз Вовка с ребятами гулял по набережной, Центральному парку культуры и отдыха, который, как и большинство подобных парков по всей стране носил имя пролетарского писателя.

Вовка тут же вспомнил, что и в Зеленогорске в их лесопарке сразу у входа стоит скульптура Максима Горького и название лесопарка соответственное.

Но больше, чем где-либо в Ростове, курсанты любили проводить вечера именно на набережной, хотя бы потому, что

на набережную можно было спуститься кувырком прямо от будки КПП* экипажа № 2.

На набережной всегда пришвартованы большие теплоходы и маленькие речные трамвайчики, на которых царила совсем другая жизнь, чем на твёрдой земле. Из мощных репродукторов лилась всегда праздничная музыка, на палубах танцевали. Через большие иллюминаторы в каютах просматривался ничем не озабоченный народ.

Пассажиры спускались на набережную и смешивались с ростовчанами, чтобы потом опять подняться по длинному трапу и занять свои места согласно купленным билетам.

Вовка никогда ещё не был долгое время на судне. Парусная трёхмачтовая баркентина «Альфа» (именно она была одной из главных героинь в фильме «Алые паруса») – это не тяжеловесный двух - или даже трёхпалубный речной пассажир. Но на «Альфе» Вовка с остальными курсантами его роты сходили только от Ростова до Азова и назад. Уложились в один световой день. Разве это морское плавание!..

Ему очень хотелось ступить на палубу высоченного парохода, но вот Витька Колчанов, стоящий рядом, дёргает его за рукав форменки:

-Хватит зевать, пошли в сторону «Прибоя», там наши должны быть...

-Уже по своим заскучал?

-Почему обязательно заскучал?.. С народом веселее...

-С народом каждый день в кубриках и в аудитории, лучше давай вон к девчонкам подсядем, чувствуется, что они одни...

Вовка уже не первый раз пытался завязать знакомство с ростовчанкой, но как-то не складывалось. То девчонка ему со второго взгляда переставала нравиться, то девчонки сами торопливо уходили, оставляя насиженное место на лавочке.

-Не хотят с первокурсниками связываться, - решал в таких случаях Вовка. – Как же они догадываются, ведь ни один первокурсник не носит одну-единственную курсовку*.

Правильный ответ напрашивался сам собой: ведь второкурсники, а уж тем более курсанты третьего и четвертого курса, непременно носят курсовки, так что салагу-первокурсника опытная девчонка всегда отличит от курсанта постарше.

* КПП – контрольно-пропускной пункт

* Курсовка – нашивка на рукаве из галуна.

-Я отойду сигареты купить, а ты пока швартуйся, - вдруг задумал тактический ход Витька.

Вовка, было, опешил от ловкого финта своего друга, но тот уже удалился, не выслушав Вовкиного «фе»*. Так что ему пришлось взять себя в руки. Он вздохнул полной грудью, будто собрался нырнуть метров эдак на двадцать прямо с парашюта. Выпустил Вовка воздух только на самом подходе к лавочке с пока неизвестными подружками. Девчонки плотно жались друг к дружке.

Вовка упал мягким местом на самый краешек длинной лавочки. Девчонки молча устались.

-Вы не бойтесь, - вдруг вырвалось у Вовки даже неожиданно для него самого. – Я только минут пять посижу и дальше...

-Устал что ли? – в голос засмеялись обе. – Наверное, раз пять уже туда-сюда?..

-Да я только пришёл, просто ещё не решил куда идти, - сказал чистую правду Вовка.

Вовка опять набрал воздуха, осторожно привстал и, сделав пару шагов к девчонкам, снова присел на чуть влажную от осеннего тумана скамью. Когда он осмотрелся, то заметил, что между ним и девчонками вполне может поместиться ещё один такой человек, как Вовка.

«Вот чёрт, - скосил он глаза на пустое место. – Надо было сразу поближе сесть, а теперь ползти по скамейке неудобно...»

Но он сразу заметил, что девчонки не сделали никакой попытки встать и уйти. Они обе оставались ровно на своих местах. Это заметно приободрило Вовку. Пришло самое время познакомиться или хотя бы сделать попытку.

Вовка долго не мог определиться со своим именем. Как называть себя при знакомствах с девчонками? Просто Вова?.. Что-то совсем детское, тем более, Вовик... Володя – длинно и тягуче... Владимир - слишком солидно...

«Эх, - вздыхал он. - То ли дело Саша или Сергей... Олег или Виктор – тоже ничего...»

Представляться Вовкой и вовсе не предусматривалось. Взять тех же девчонок – вряд ли кто из них назовёт себя при первом знакомстве Ленкой или Галькой. Машкой и вовсе... с другой стороны Мария едва ли не самое распространённое в мире имя.

* Фе – выражение недовольства (жарг)

Правда, самого Вовку утешало то, что один из его тёзок был основателем Киевской Руси, откуда и вовсе пошла вся Россия. Владимиром был и основатель Советского государства. Да мало ли было Владимиров в истории Руси и России!.. Но то история, а тут вечерняя набережная с девчонками тут и там...

Но он вдруг вспомнил, что в кубрике все зовут его именно Вовка, так что...

-А я знаю, что вы скажете дальше, - вдруг первой заговорила темноглазая – та, что оказалась поближе.

-То есть?.. – опешил Вовка и даже чуть отклонился назад по лавке.

-Вы спросите, как нас зовут?..

-Вот и не угадали... но я попробую сам догадаться...

-Ой, как интересно...

«Ну и осёл же я, - опомнился Вовка. – Как это я могу угадать?..»

Девчонки ждали.

-Вас зовут... Люба...

Девчонка весело рассмеялась...

-И вовсе не Люба!..

-Тогда... тогда не знаю...

-У вас в лексиконе только одно женское имя?..

-А меня? – вставила голос вторая девчонка. – Как меня зовут?..

-Тоже Люба, - не стал долго гадать Вовка.

Теперь смеялись уже обе.

-У него действительно в лексиконе только одна Люба!.. У вас знакомую так зовут или первую любовь?..

-Нет у меня знакомой, - опять не соврал Вовка.

-Меня зовут Лена, а её Лида...

-Ну вот, видите! – обрадовался Вовка. – Вы обе на букву «Л» - так что я почти угадал...

Оставалось назвать себя, но...

-Вот теперь вы отгадайте...

-Вас зовут... зовут...

Девчонки на ушко перешептались.

-Вас зовут... Саша...

-Так... меня зовут не Саша. Но мужских имён в моём лексиконе гораздо больше, чем женских. Даю вводную...

Вовка любил разгадывать кроссворды:

-Первая и третья «в», всего пять букв...

-Ве... ва... ви... Вовка!..

Первой отгадала Лена, которая тут же стала для Вовки Леночкой.

Итак, знакомство состоялось. Но о чем говорить? Вовка вдруг ощутил звенящую пустоту в своей голове, будто бы знакомство это и есть самоцель, а не средство для продолжения общения. Вовка тупо моргал и что-то соображал остатками извилин:

«Хороший повод заговорить, вспомнив о погоде, но это настолько уже везде и вокруг, и даже в любом фильме, что...»

«Какое у вас красивое имя... А дальше-то что? Нет, это тоже избито и даже пошло...»

«Может спросить, где вы учитесь, чем занимаетесь?...» – дошло что-то вроде бы дельное.

Вообще-то Вовка считал себя вполне начитанным парнем и мог поддержать разговор на любую тему от истории и литературы, до географии и космоса, но ведь тему надо выбрать.... Значит, если девчонка молчит, её надо подвести к нужному разговору...

Вовка закинул свою длинную руку далеко за спинку скамьи, решив, что оттуда рука сама собой переместится на плечо девушки.

«Гад Витька со своими сигаретами. Хотя бы посидел несколько минут для начала...» – чертыхался про себя Вовка, отчаянно соображая о дальнейших действиях...

-Лена, - я на минутку к автомату отойду, - привстала вдруг Лида. – Мне надо маме позвонить...

-А вы не боитесь оставить свою подружку?

- С вами не боюсь...

«Почему она так сказала? – опять зациклился Вовка. – Это комплимент или наоборот?...»

С уходом Лиды Вовка и вовсе утух. Но, вот и спасение - боковым зрением Вовка увидел, что Витька двигается в его направлении от табачного киоска. Но тот вдруг приостановился, посмотрел в сторону Вовкиной лавочки и резко развернулся на месте.

Вовка с полминуты не мог закрыть рта от негомо удивления:

«И вовсе бросил...»

Не сразу, но до него дошло, что Витька просто подумал, что на лавочке третий лишний и поэтому решил не мешать.

«Не мешать чему? – маялся Вовка. – Вот ведь как «во-
время» отошла Лида...»

А мимо так и шёл гуляющий народ, с теплоходов ли-
лась музыка, на соседней лавочке вроде бы обнимались и да-
же, кажется, целовались...

Наконец, Вовка выдал, ну прямо из серии «нарочно не
придумаешь»:

-Я в мореходке учусь?...

-Да я как-то сразу заметила, что вы из мореходки...

-Я хотел сказать, что... - в который уже раз стушевал-
ся Вовка. - А вы чем занимаетесь?

-Учусь в десятом классе...

Вовка загнул пальцы.

«Так, полных шестнадцать... Салага...»

Но вдруг вспомнил, что ему самому-то всего пару ме-
сяцев назад исполнилось семнадцать.

-А что дальше? О чём мечтаем?

Девчонка пожалала плечами.

-Я к тому, что, например, у меня будущее определено,
а кем хочешь быть ты?

-В институт пойду... на филологический, или эконо-
мический – я ещё не решила...

-Значит, деньги считать... чужие.

-Хороший экономист, прежде всего, считает свои
деньги, - выпалила Лена явно с чужих слов.

-С тобой не поспоришь, - согласился Вовка.

Он снова потерял нить разговора.

-Что-то наша Лида пропала... – вдруг обрадовался он
хорошему продолжению.

-У неё мама строгая – вот она и звонит каждый час до-
мой...

-Интересно, что она рассказывает маме?.. Давай прой-
дёмся к автоматам, поищем.

Вовка надеялся, что с переменной обстановки он обре-
тёт уверенность и в словах, и действиях. Кроме того, он задумал
встретить Лиду и познакомить её с Витькой. А там уж
дело само собой пойдёт веселее. Ведь в коллективе всегда
найдётся, кому что сказать и сделать.

Ростовская набережная не такая уж большая, чтобы на
ней не найти знакомого человека, тем более, что известно -
именно в это время он должен быть здесь.

Лена нашла Лиду на той самой лавочке, которую они
покинули с Вовкой полчаса назад, успев пройти до «Прибоя»

и вернуться назад к морвокзалу. Но вернулись они с Витькой, которого они таки нашли в компании с мореходами..

-Разрешите представить, - по-гусарски щёлкнул каблуками осмелевший Вовка. – Виктор – курсант здешней мореходки...

Теперь уже явно смутилась Лида. Она сначала сделала попытку встать со скамьи, потом резко откинулась к покатоной спинке из частых деревянных реек.

-Лида, - всё же назвала себя девчонка.

Надо было определяться кто и с кем. Но это надо было дать понять Витьке, Вовка давно уже определился:

-Если что, то я с Леной... - улучил он минутку.

Витька промолчал, что Вовка тут же воспринял, как знак согласия.

Блондинка Лена в голубенькой кофточке, светлая мини-юбка. Чуть широкие скулы, чуть курносый носик, губы выдаются вперёд. Очень хочется сжать их между пальцами. Синие глаза удивительно широко открыты. В них любопытство, интерес к происходящему, ожидание нового, неизведанного.

Всё это венчает пышная причёска из соломенно-ярких волос.

У Лиды волосы распущены по плечам. Они густо обрамляют светлое лицо. А может, лицо кажется светлым из-за тёмных волос, таких же глаз... В этих глазах нет той восторженности, как у Лены, в них задумчивость и тоже любопытство, но только затаённое.

Вряд ли Вовка сразу увидел эти черты и свойства двух подружек. Такими они стали восприниматься гораздо позже. Правда, уже при первой встрече он всецело был занят только Леной, Лида осталась за пределами его внимания. Но девушки были именно такими, во всяком случае, в понимании курсанта Вовки Панина.

Теперь Вовка был не один. Конечно, он и раньше на набережной был не один, но теперь у него есть Лена. На дворе затяжная, а значит тёплая и солнечная ростовская осень. У курсантов каждую неделю в распоряжении два вечера с увольнениями. Это суббота и воскресенье.

Вовка с Леной встречались почти каждое курсантское увольнение. Они гуляли по набережной, в парке Горького, да мало ли... Не скажем столь уверенно про Лену, но Вовке это

никак не надоедало. Он готов был идти рядом с Леной хоть до... хоть до Ленинграда, хоть до самого Владивостока...

С приближением очередной субботы Вовка иногда находил рублишко-другой и тогда они шли в кино. Пару раз вместе с Витькой и Лидой заседали в «Донской волне», но этому способствовали переводы из дома. После таких заседаний Вовка становился смелым до крайности, и дело дошло даже до поцелуев на тех самых уютных лавочках. Только как это у них получалось?..

Во всяком случае, Вовке казалось, что в поцелуях ничего особенного нет. Иногда он пытался отправить свою руку куда-нибудь подальше, но Лена настолько была плотно и надёжно упакована, что рука просто никуда не пролезала из-за тесноты. Да и сама Лена, почувствовав Вовкины шалости, немедленно отстранялась.

-Хулиган! – грозила она пальчиком в тёплой темноте.

-Тоже мне – нашла хулигана, - крупно вздыхал Вовка.
– Ты настоящих хулиганов не видела...

-А сам-то видел... хулиганок? – тонко подначивала Лена.

-Где бы я их успел увидеть?..

Но ни Вовка, ни Леночка, скорее всего, не очень-то представляли, кого они подразумевают под словом «хулиган». Да и нужно ли им это было?..

Лена, видимо, почувствовала, что она в чём-то задолжала Вовке. Не в прямом смысле, а в том, что пока инициативу всегда проявлял Вовка.

-Володя, ты когда-нибудь был в театре? – спросила она в одну из вечерних встреч.

-Был, - не задумываясь, ответил Вовка.

-Бы-ы-л... - чуть нараспев удивилась Лена.

-Да был. Мы всей группой смотрели в драмтеатре спектакль «Оптимистическая трагедия». У нас классный руководитель завзятая театралка...

-Это хорошо, что театралка. Хоть что-то хорошее у вас останется...

Ростовский драмтеатр Вовка видел не раз, но, в основном, из окна автобуса или троллейбуса. Поначалу Вовка никак не мог взять в толк, что это за сооружение?.. Формы

сплошь стеклянного здания были столь необычны, что ставили в тупик любое воображение.

-Ты приглядишься, - сказал ему ростовчанин Сашка Назыров, с которым они как-то ехали на троллейбусе в сторону площади Карла Маркса. – Ничего не напоминает?..

Вообще-то Вовка и раньше замечал некое сходство, но он даже самому себе не признавался – при чём тут трактор?..

-А притом, - приободрил его Сашка. – Этот театр построили ещё до войны и примерно в одно время с заводом «Ростсельмаш». Вот и получился трактор – тогда самая главная колхозная машина...

Но сам Вовка к театру, как к зрелищу, не очень. Может, потому, что до ближайшего театра от улицы Донской, что в Зеленогорске, сотни километров, а может и по другой причине... Да и почти все курсанты, узнав о том, что Галина Михайловна грозитя вести их в театр, сотворили кислые рожи. Но Галину Михайловну уважали. и спорить с ней не стали. И, как оказалось, не зря. «Оптимистическая трагедия» всем понравилась безоговорочно.

Раньше Вовка думал:

«Ну, для чего эти театры?.. Ведь в кино гораздо лучше получается. В театре всё ограничено рамками сцены, а в кино хоть какой хочешь пейзаж выстрой...»

Но он никогда не думал, что близкое общение с живыми актерами, способно вызвать столь непонятные ощущения и реакцию. Актёры, которые воплощают героев рядом с тобой, да так, что забываешь всякую реальность. Порой, так хотелось выскочить на сцену и надавать по кумполу* тому Сиплону или вовсе Вожаку*... Потом Вовке об этом признались и Сашка Назыров, и Сашка Дьяков...

А пока Вовка вспомнил странную фразу:

-Так значит, по-твоему, единственное, что у нас останется хорошего, так это посещение театра?

-Да я это просто так уж ляпнула...

-И много среди твоих знакомых хороших парней, которые из театров не вылезают? – перебил Вовка оправдательную речь Леночки.

* Кумпол – голова (жарг)

* Сиплый, Вожак – отрицательные герои «Оптимистической трагедии»

-Перестань психовать!.. Разве непонятно, что я просто оговорила. Ведь говорят, что прикосновение к прекрасному очищает душу...

-От чего мне её очищать? – очень искренне продолжал возмущаться Вовка. – Самый большой мой грех – это я один раз коршуна убил...

-Какого коршуна?! – едва ли не ужаснулась Лена. – Ты ещё кого-то убиваешь?..

-Брат у меня охотник, вот и дал ружьё стрелнуть раз-другой. Тогда и попался мне коршун, которого я по ошибке принял за глухаря, ясно?..

-Ну, ты...

-С тех пор я зарёкся стрелять по живым целям... так что прими моё признание за очищение души...

-Я тебе что, священник – грехи отпускать?..

-Ладно, тогда замнём...

После такого разговора поход в театр всё же не мог не состояться. Хорошо, что подоспела курсантская стипендия, да и билеты на спектакль они купили не самые дорогие.

-Володя, я ведь знаю, какие деньги у курсантов, - попыталась, было, Лена всучить Вовке полтора рубля.

Этого ещё не хватало!.. Вовка категорически отверг с первой же попытки.

В Ростовском драматическом театре давали «Фиалку Монмартра».

-Это не опера случайно? – скопился Вовка на программку в руках Лены.

-Нет, - коротко ответила Лена.

-А то я прямо сейчас...

-Что сейчас? – занята своими мыслями Лена.

-Прямо сейчас сбегу... А потом... потом встречу.

Лена теперь уже внимательно посмотрела Вовке в лицо, и вдруг рассмеялась:

-Да не переживай – никакая не опера. Всего-навсего оперетта...

-Оперетта – это уменьшенная опера?..

-Если хочешь – да... Пошли, а то уже второй звонок...

Если бы в зале нашёлся человек, который чуть проследил бы в это время за Вовкой, то он наверняка увидел бы великое пренебрежение и досаду в лице и всём облике случайного курсанта в оперетте.

Вовка терзался ещё долго, то и дело в нём что-то вскипало, он едва сдерживал себя, чтобы не сорваться с места.

«Ладно, дождусь эту Шмыгу, а потом...»

Про певицу Татьяну Шмыгу ему сказала Лена. Ещё она сказала, что многие любители идут не столько, чтобы проследить за перипетиями спектакля, а послушать и посмотреть, как поёт и танцует именно Татьяна Шмыга!..

Вовка не заметил, как досидел до конца спектакля. И, конечно же, права была Лена!.. Шмыга стояла того, чтобы хоть раз посмотреть её на сцене. Столько красоты в одном нормальном человеке просто не могло уместиться!.. А кроме красоты ещё и песни, ещё и танцы – да, это было что-то неземное, не от мира сего...

-Ну, как?.. – тронула Лена Вовку за рукав, когда они вышли из театра.

Вовка ответил далеко не сразу.

-Даёт же Бог людям... Одним всё, а другим...

-Чем же тебя Бог обидел?..

-Да я не за себя... У меня-то как раз всё Слава Богу...

-Что же тогда?..

-А сколько на Земле калек, неизлечимо больных, сколько страждущих...

Помолчали.

-И всё же о спектакле....

-Ты правильно сказала, что многие ходят только из-за Шмыги. Если бы не она, то я бы, наверное, сбежал...

-И меня бы бросил?

-Вот поэтому и не сбежал бы...

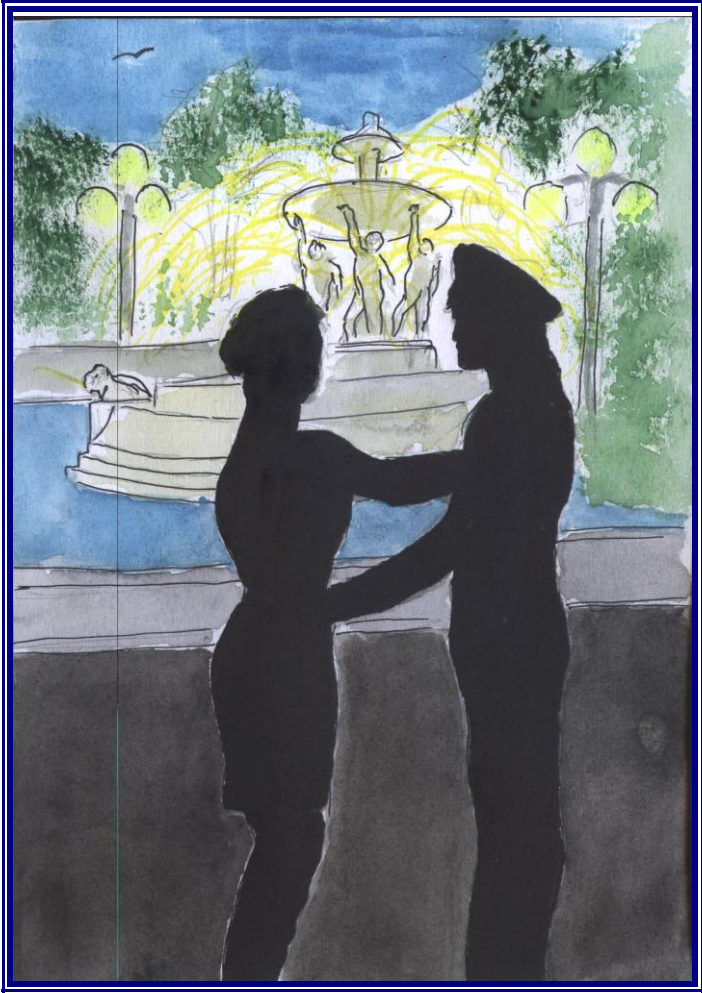
Вовка так и не признался своим в кубрике, что он ходил в театр, да ещё не на драму, а на оперетту, но сам ещё долго оставался под впечатлением.

«Карамболина, карамболетта...» то и дело насвистывал Вовка по кубрикам, коридору и даже по аудиториям.

Сашка Назыров, с которым Вовка сходил все ближе и ближе в дружеских отношениях, конечно, знал про Вовкины встречи на набережной. Но этот ростовчанин, едва выдержав последнее субботнее построение, обрывался домой.

-Маменькин сынок, - иногда хотелось сказать Вовке.

Но он уже знал обидчивый Сашкин характер и опасался, что тот не просто обидится, а перестанет с ним общаться за какие-нибудь пару неудачных слов.

-Ну, ты хоть Расскажи – кто, где и когда? – иногда мягко подкатывал Сашка.

Вовка добросовестно рассказывал. Да и что тут особенно таиться?.. Ведь в их кубрике все знали, что Витька Колчанов и Вовка гуляют с подружками.

-Хоть бы показал, - шёл Сашка с вопросами всё дальше...

-Когда же тебе её показать, если ты в это время всегда дома и лопаешь мамкин ужин?..

И однажды Сашка не исчез из кубрика в субботу. А Вовка не знал, как обставить процедуру, но решил всё же не устраивать встречу со знакомством.

«Вдруг она подумает, что я смотрины устраиваю... пусть уж Сашка глянет со стороны, и мотает к себе на Тульскую...»

Откровенно говоря, Вовка чего-то побаивался.

«А вдруг Сашке Лена не понравится...»

Конечно, Вовка не допускал, что Сашка начнёт орать по всем кубрикам о достоинствах и недостатках Лены, но он всё же очень хотел, чтобы Лена понравилась его лучшему другу, хотя бы издалека...

Спускались к набережной вместе. Вовка с Леной всегда встречались в одном и том же месте. Да всё на той же лавочке, на которой Вовка подсел к подружкам впервые. Если же «их лавочка» была случайно занята, то Вовка прогуливался рядом с прицелом на подходы к лавочке.

Над лавочкой обычная ростовская погода. Уже далеко не лето, но и не прокисшая осень, какая в это время бывает в Вовкином Зеленогорске. Лёгкий ветерок чуть шевелил всё ещё густые кроны, но по аллеям тишина. Сюда ветру ещё не прорваться, и он старается разгуляться вниз или вверх по Дону. Курсанты пока носят форму №3. Это чёрные флотские брюки, суконная рубаха, которую все почему-то называют фланелькой, и мичманка на самом верху. Ещё недавно вместо фланельки полагалось носить белую голландку, а к ней мичманку с белым верхом....

-Ты пока постой вон у парашюта, - отправляет Вовка Сашку подальше.

Вовка чувствовал, что Сашка недоволен его, возможно, излишней конспирацией.

-Знал бы, что ты так - не пошёл бы на набережную, - подтвердил Сашка Вовкину догадку.

-Ну, Саша... Кто его знает, как она отнесётся к новому знакомству, а потом мне перед ней объясняться...

-Ладно, уж...

А вот и Лена выходит из-за угла морвокзала. На ней тоже не лёгкое летнее платьице, а белая водолазка с кофточкой. Вовка, прямо скажем, совсем не разобрался в женских кофточках, юбках, сарафанах и того прочее. Но всё вместе создавало праздничный наряд, а значит и хорошее настроение. Негромко цокая каблучками, Лена подошла к лавочке, которая в этот час была свободна.

-Привет...

-Привет...

Чуть присели. Вовка то и дело косил глазами в сторону Сашки, но очень скоро заметил, что тот исчез.

Всё шло обычным порядком, но вдруг Лена увидела Лиду, притом не одну. Ну, с кем могла быть Лида в этот час на набережной?.. Конечно же, с Витькой.

Но был и третий. Да это же Сашка!.. Было заметно, что троица уверенно рулит на лавочку с Леной и Вовкой.

-Всё сидите!- приветствовал Витька.

Сашка тоже вяло махнул рукой:

-Здас-сте...

Вовке ничего не оставалось, как тут же познакомить Лену со своим другом.

-А чего это вы толпой гуляете?..

-Мы не гуляем, мы предлагаем вам пойти на танцы в «Прибой» - широко размахнулся Витька.

-Интересно, причём тут танцы, и кинотеатр «Прибой»?..

-Там какое-то мероприятие и в фойе танцы – заходите все желающие...

Вовка повернулся к Лене:

-Ты не против?

-Да нет...

Правда, у Вовки был всего один повод поволноваться, когда речь заходила о танцах. Он элементарно просто не умел танцевать. Но что такое современные танцы?.. Это же не вальс и не краковяк со всякими польками и тустепами.

-А я никогда ещё не был на танцах, - решил признаться Вовка, чтобы потом вдруг не попасть в неожиданный просак.

-Я тоже не был, - последовал за ним Сашка.

Оказалось, что только девчонки несколько раз танцевали на школьных вечерах, да Витька в своём Кирове пытался ходить на кружок балльных танцев...

И тем не менее, танцы состоялись. И даже Сашка вполне уверенно потанцевал и с Лидой, и с Леной.

Сказать, чтобы Вовка был в крупном восторге от танцев, может, нельзя. Но всё же возможность поддержать свою девчонку за талию, поплотнее к ней прижаться – это было что-то. Правда, Лена сразу старалась отстраниться, но это ей не всегда удавалось...

Так и продолжались встречи, которые оба в меру сил и возможностей пытались разнообразить. Но пришёл день, вернее вечер, и всё кончилось, «как с белых яблонь дым...». И начало встречи не предвещало ничего из ряда вон. Лена с Вовкой подошли к «Донской волне», напротив которой недавно пришвартовался огромный трёхпалубный пассажир.

-Лена, давай сходим в парк...

-А что там?..

-Как что?.. Просто мы давно там не были... Может, на танцы зайдём...

И вот тут по лицу Лены пробежала неясная тень.

-Володя, я ... я не знаю, как тебе это сказать...

-Да чего уж там – говори всё как есть, - беззаботен пока Вовка.

-Володя, нам надо расстаться...

Вовка сразу понял смысл сказанного, но вся его суть резко воспротивилась.

-Что ты сказала?..

-Нам... нам надо расстаться...

-С чего это ты вдруг?..

-Я встретила другого человека...

-Это из тех самых театралов что ли?..

-Нет...

-Тогда что же?.. Испугалась, что придётся всю жизнь маяться с моряком?..

-Он поэт, - не оборачиваясь, сказала Лена...

-Это как Пушкин или Лермонтов?..

-Ну почему же?.. Если поэт, значит, обязательно Пушкин или Лермонтов?..

-Но не борзописец же, которых тысячи в одном только Ростове, - вдруг начал Вовка некрасиво хаять совсем неизвестного ему соперника.

-Он учится на филологическом, его стихи уже несколько раз печатали в «Вечёрке» .

-Поэты – ветренный народ, - выдал Вовка где-то слышанную фразу... - Как и моряки...

-Ты, Володя, впредь не торопись никогда и никому говорить, что ты не любишь стихи, что не любишь оперу с опереттой...

-Неужели из-за этого?.. само собой выходили из него какие-то простенькие вопросы.

Вовка не знал, что ему делать. То ли продолжить разговор, суть которого была явно бесполезна. То ли «хлопнуть дверью» и уйти куда-нибудь в сторону морвокзала. Уйти к друзьям, которые непременно спросят – где это он потерял свою Лену?..

-Знаешь, Лена, в то время когда ты и твои друзья увлекались стихами и приобщались к театру, мы строили землянки, военные укрепления, пушки и даже самолёты, о чём я тебе рассказывал. Нам даже удалось пролететь на этом самолёте, пусть немного, но удалось...

Вовка замолчал, не зная как продолжить.

-И всё же ты мне хоть кол на голове, но я уверен, что стихи и театр для настоящего мужика – это что-то... что-то вроде сбоку-припёку...

Лена молча отвернулась, чуть опустила голову за парпет. Вовка отчаянно смотрел на её ровный профиль. На завитушки вдоль нежного, розовато светящегося ушка, на открытую высокую шею, чуть тронутую мелким пушком на затылке.

-А мы с тобой даже ни разу толком не поцеловались, - вдруг вырвалось у него.

-Какие твои годы, - чуть повернулась к Вовке Лена. - Нацелуешься ещё...

Вовка вдруг заметил блеск в её глазах. А может, это лучи заходящего солнца?.. Те самые, которые позолотили её локоны, которые теперь искрились в крупной ряби Донского фарватера. Над фарватером и на фоне противоположного берега проносились редкие и некрупные чайки. Но небо уже по вечернему сгущало голубизну, на набережной прибывало всё больше и больше народу.

-Я пойду...

Вовка промолчал.

* «Вечёрка» - газета «Вечерний Ростов»

Такого оглушительного вакуума вокруг себя Вовка ещё никогда не испытывал. Нет, вокруг в кубрике и в аудиториях были всё те же пацаны, рядом за одним столом Сашка Назыров, впереди Витька Колчанов с Сашкой Дьяковым и так далее по рядам до самой конторки преподавателя с классной доской.

Но всё это иногда казалось настолько нереальным, будто бы Вовка опять попал в другое время, и всё его теперешнее окружение не имеет к нему никакого отношения, так же, как он ко всему происходящему вокруг.

Конечно, Вовка изо всех сил старался делать вид, что ничего серьёзного в его жизни не произошло, но разве можно что-то скрыть в четырёх стенах небольшого кубрика, в котором ты почти постоянно под прицелом семи пар глаз.

-Что это ты на набережную не торопишься, - замечал то один, то другой.

Витька Колчанов, конечно же, знал о происшедшем, но он корректно помалкивал.

-Отпуск взял, - бурчал в ответ Вовка, а то и просто не замечал вопроса.

Но особенно тягостными стали ночи. Совсем недавно Вовка и засыпал, и просыпался с мыслью о Леночке, а теперь он долгими часами не мог заснуть. Он снова и снова вспоминал недавние встречи, а с ними и расставания – ведь каждое из них становилось радостным предвкушением следующей скорой встречи.

Облик девчонки сам собой рисовался в его воображении. Вот она улыбается, глядя на Вовку своими лучистыми глазами, а вот и вовсе весело смеётся в ответ на очередной Вовкин анекдот или смехотуру из курсантской жизни.

И тогда он набирался решимости и ставил себе цель непременно сегодня в одно из окон* (такие случались) проехать до школы, в которой училась Лена и обязательно вызвать её на разговор. С этой мыслью он и засыпал.

Но утром (неужели оно и впрямь мудренее?..) его решимость куда-то постепенно улетучивалась. Вовка внушал себе, что он просто не успеет за полтора часа обернуться туда-сюда, что в школе у него не получится вызвать Лёну... И вообще - не сделает ли он Лене неприятность своим появлением на глазах её одноклассниц и одноклассников?..

* Окно – перерыв в занятиях

О том, что Лена просто не захочет выйти к нему или выйти и прогнать его куда подальше – думать не хотелось.

А может это были не просто потеря решимости и поиск причин, а обычная, элементарная трусость, в чём Вовка никак не хотел признаваться ни себе, ни кому бы то ни было другому...

Но есть никем не опровергнутое утверждение, что время лечит. С наступлением зимы набережная опустела и без Вовки. Но распорядок и время увольнений остались. Теперь в главном корпусе училища были танцы, куда по субботним и воскресным вечерам стекались курсанты кто парами, кто в одиночку, кто просто толпой из кубрика.

Были и девчонки. Те же самые – с набережной. А как же без них?!.. Ведь совсем недалеко медицинское училище, чуть дальше торговое, да и что такое две-три остановки на трамвае или автобусе?..

Следующая встреча с Леной произошла случайно. Вовку за каким-то чёртом занесло на базар. Или он просто шёл через базар. А вообще-то он не любил бесцельно шляться, где бы то ни было, а тем более по базару.

И вдруг в толпе, навстречу – Лена... Вовка оторопел, потерял ощущение рук и ног, да и всего тела. Он не мог понять – то ли он продолжает двигаться, то ли остановился.

-Здравствуй...

Похоже, Лена тоже что-то ответила, но... тихо прошла мимо. И всё же Вовка успел заметить, как неожиданно широко раскрылись её глаза, задержалось дыхание, чуть приоткрылся рот – будто она и впрямь хотела что-то сказать, спросить, или даже остановиться... Вовка надолго запомнил, как в эту секунду вспыхнуло её лицо розовым цветом, как что-то сверкнуло в её глазах неясным огоньком...

Как корил себя потом Вовка разными словами!.. Ладно, она девчонка. Но что мешало ему остановиться и хотя бы посмотреть ей вслед, может, она тоже бы остановилась?..

Было ли это любовью?.. Скорее всего, да, особенно с Вовкиной стороны. Правда, вся любовь уместилась всего-то в два календарных месяца с одиннадцатью чудными вечерами... Но как тогда быть, если любовь и вовсе с первого взгляда?.. Ведь бывает и такое или... только было когда-то?..

Кража

Время идёт, а с ним остаются где-то сзади дни трудных и лёгких занятий. Приближался первый курсантский отпуск. Всего-то двухнедельный, но первый. Предстояло первый раз после долгой разлуки с домом появиться среди родных и друзей в форме, в которой было столько, пока ещё мальчишеской романтики.

Все поголовно и усиленно к этому готовятся. Кто ещё не успел подогнать фланельку или шинель, спешат с этим срочно разобраться. Кто успел подогнаться, те ещё и ещё раз придирчиво разглядывают друг друга или просто, как невесты на выданье, пялятся в зеркало, находят какие-то изъянчики и стараются привести всё в исключительную норму.

В кубриках между занятиями все гомонятся предстоящим отпуском, каждый в деталях представляет себе, как он пройдёт по своей улице, подойдёт к своему подъезду или к калитке, как откроет родную дверь.

Особенно не сговариваясь, все ребята решили появиться дома внезапно, без всякой помпы на вокзалах и в аэропортах, тем самым усилить впечатление встречи. Теперь уже курсанты из местных, которых, правда, было совсем немного, искоса завидовали иногородним, впереди у которых было целых две недели сплошного праздника.

Но за несколько дней до вожделенного первого отпуска, Вовке пришлось испытать едва ли не самое сильное потрясение за все годы учёбы в мореходке...

У Вальки Трунова – добродушного, мягкотелого увальня, сынка обеспеченных родителей из города Шахты, пропало из тумбочки пятьдесят рублей... Целое состояние для курсанта, ежемесячная стипендия которого составляла всего шесть драгоценных рублей.

Пропали деньги!.. И где?!.. В курсантском кубрике мореходного училища!.. Там, где сама мысль о воровстве казалась кощунственной.

-Валька, ты ещё раз посмотри по своим закоулкам – вдруг ты сам куда-нибудь заныкал, а теперь не помнишь...

-Да вы что, ребята... вот сюда я их положил, - показывал Валька уголок в своей тумбочке...

-Да... так дело не пойдёт...

Немедленно была организована группа расследования чрезвычайного происшествия, председателем которой единогласно назначили Серёгу Житникова. Группа вышла из ве-

черной аудитории, где по такому случаю собрался весь курсантский состав во главе с классным руководителем Галиной Михайловной.

Почти в полной тишине прошло более двух часов... Наконец, дверь чуть приоткрылась и Серёга вызвал Галину Михайловну в коридор. Прошло ещё целых десять минут тревожного ожидания, но вот побледневшая Галина Михайловна и члены группы вошли в аудиторию.

-Деньги найдены... - медленно проговорила классный руководитель, обводя взглядом ряды столов... - И я даю последнюю возможность тому, кто совершил кражу, самому признаться в содеянном...

Аудитория молчала. Мгновения казались тягучими минутами.

-Не хватает смелости у будущего моряка?..

Все следили за движением взгляда своей учительницы... И вдруг этот взгляд, взгляд в котором было столько смятения и боли, остановился на Вовке...

Сразу взмокла спина, застучало в висках... лихорадочно закружилось:

«Подбросили!.. Как же так?.. Почему?.. Зачем?..»

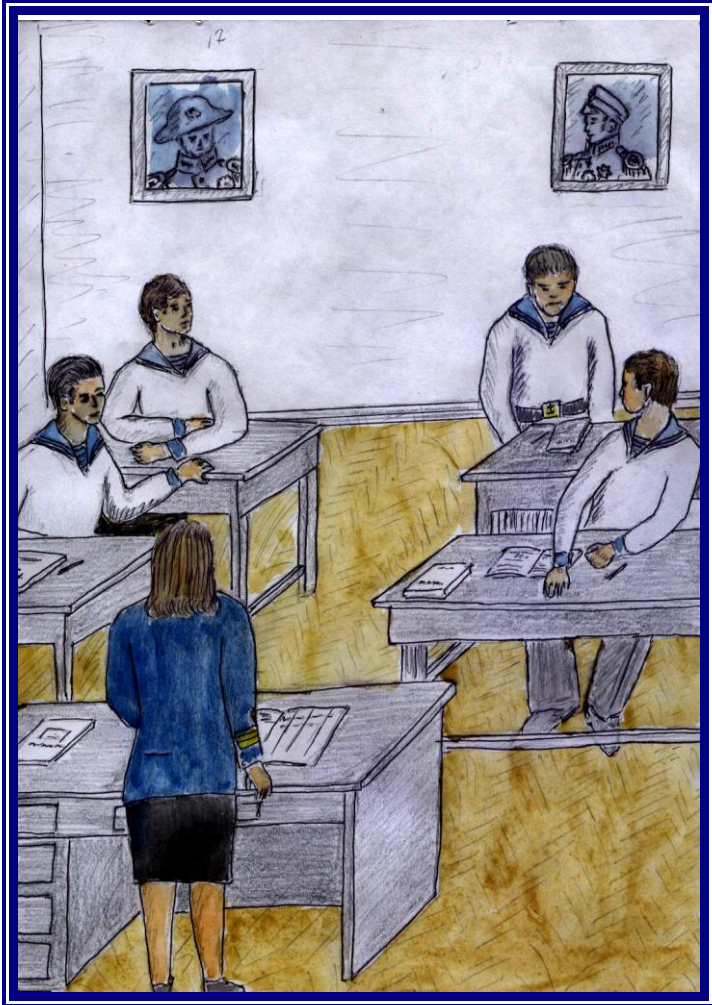
-Вставай, Сорочкин... - почти шёпотом произнесла Галина Михайловна, но шёпот этот раскатом прогремел по утрамбованной тишиной вечерней аудитории.

Вовка резко повернулся назад. Сзади, с белым пятном вместо лица, медленно поднимался Женька Сорочкин – зам комсорга группы и вообще во всех отношениях передовой курсант... деньги нашли у него зашитыми в отворот новенькой первокурсной шинели.

Что было с Сорочкиным в этот вечер, после отбоя – пусть читатель догадывается сам. Но уже на другой день, ближе к полудню, вся рота была построена в коридоре экипажа. Перед ротой вышло почти всё командование училища, срочно прибывшие родители Сорочкина. Сам Сорочкин со следами на лице стоял рядом с ними и молча плакал...

Теперь уже Вовке было жаль его. Может так же в душе его жалела и остальная братва, но пришло время действия Закона... Закона, по которому живёт и которому следует всё курсантство. В этой среде более всего презирается предательство и воровство – среда сама, как единое целое, изрыгает из себя пороки и ничто не может помешать ей в этом...

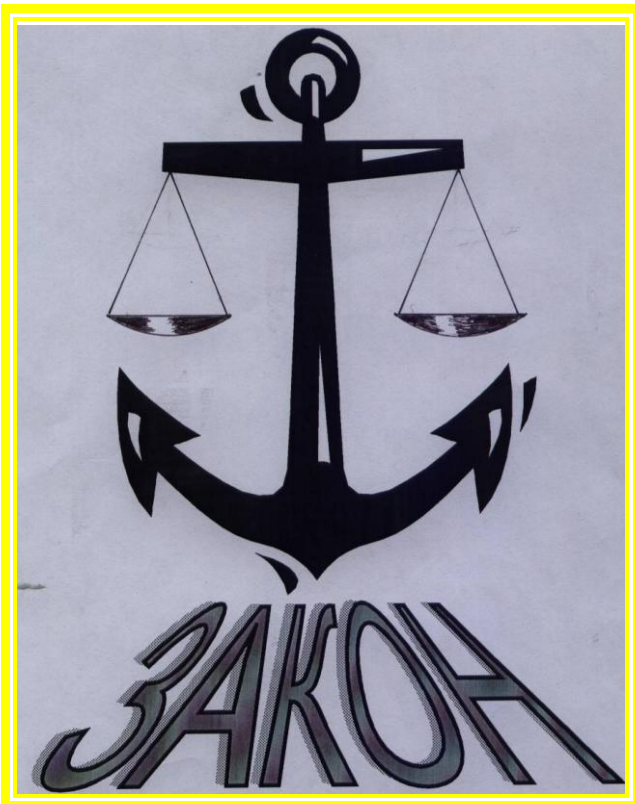
Рота угрюмо слушала начальника училища, который безусловно понимал, что слова его бесполезны. Ведь он сам

когда-то был курсантом. А говорил он из уважения к родителям Сорочкина – на груди отца сияло много рядов боевых наград...

-Ребята... Бейте меня хоть каждый день.... Хоть с утра до вечера.... Только оставьте в училище... - сквозь разбитые губы выдавил Сорочкин, но рота упорно молчала...

Действовал Закон...

Отпуск Первые встречи

Вовка ещё раньше писал домой в письме, что для экономии времени в зимний отпуск он прилетит на самолёте. Старший брат Генка, к этому времени вернувшийся из армии, тоже в письме посоветовал ему взять с собой побольше трусов, что Вовка и предпринял через ростовский «Военторг», полагая, что в Зеленогорске с ними напряжёнка.

Сашка Назыров проводил его до ростовского аэропорта, дождался с ним команды «На посадку», махал вслед, пока Вовка не скрылся в самолёте. До Куйбышева все пассажиры, в том числе и Вовка, летели очень хорошо, а оттуда до Бугульмы было всего двенадцать человек, и вёз их старенький, жалобно дребезжащий тонкой алюминиевой жёстью кукурузник АН-2.

Кучку пассажиров, сидящих по шесть человек вдоль обоих бортов и лицом к лицу, нещадно кидало чуть ли не друг на друга. Бедолагу кукурузника мотало и куролесило по воздушным ямам, как пустую бочку во взбесившемся горном потоке. Одной женщине сделалось плохо, и Вовка тактично отвернулся, упершись в насквозь мутный иллюминатор.... А чем он мог помочь бедной женщине?..

Как и задумал Вовка, в аэропорту его никто не встречал, и он добрался до дома на рейсовом автобусе в молчаливом спокойствии. Последние пару лет Вовкина семья тоже обитала в финском доме, правда, он был гораздо меньше, чем, скажем, у Венедиктовых, но находился на той же улице Овражной, примерно в том месте, где ещё совсем недавно стояли плахинские юрты.

Уже совсем стемнело, когда Вовка открыл заднюю калитку. Дворовый пёс Дружок – крестник Васьки Живаленко (это он принёс его в шапке, когда Панины переехали в новый дом), Вовку не узнал и поначалу свирепо залаял, но потом всё-таки заулыбался в темноте и завилял хвостом...

Мать сидела в замороженном кухонном окошке и что-то вязала. Примостившийся рядом чёрно-белый кот Стёпка внимательно наблюдал за клубком и за спицами....

Встреча есть встреча, но дома с матерью были только младшие братишка и сестрёнка, поэтому Вовка сразу же наладился в барак к Васёке Живаленко. Сзади и сбоку за ним семенял радостный до самой макушки братишка – Толян.

-Вовка... - чуть не упал со стула Васёк, когда отпуски без стука открыл дверь. – А я только ужинать сел... садись, перекусим!..

Братишка сесть за стол отказался и всё вертел в руках и на голове Вовкину мичманку с большим крабом. Вовка не спеша снял шинель, но налегать на ужин не стал, да и Васёку предупредил – ведь сегодня все к Паниным.

-А я в вечернюю школу перешёл в девятый класс... на нефтепромысел поступил учеником электрика, вместе с твоим Генкой работаем, - скороговоркой доложил Васёк, будто Вовка не знал об этом из его же писем. – Шурка с Толькой Пименовым в школе учатся, а Витёк в педучилище на художника, - продолжал сыпать Васёк новостями, которые Вовке уже давно были известны.

-Пошли к ним спустимся, - поднялся Вовка.

Шурка, будто сговорившись, торчал у Венедиктовых. Братья и он шумно резались в доминошного козла. Здесь тоже была немая сцена, а потом бурные приветствия, крепкие объятия.... Все наперебой стали примерять Вовкину шинель, а потом Шурка сбегал за фотоаппаратом и устроили большой фотосалон.

Но Вовка не забывал и о доме. Вот-вот должны были подойти с работы отец с Генкой, и вся гурьба завалила к Паниным.

Мать с сестрёнкой уже плотно устали круглый стол с нарядной скатертью. Мужиков ждать долго не пришлось, скоро в маленькой прихожей раздался грохот нефтепромысловых сапог. Перед посадкой за стол Вовка вспомнил о трусах и открыл чемодан... дружный хохот потряс дощатые стены финского домика...

-Так ведь сами же просили...

Разве мог Вовка предположить, что, оказывается, самолёта надо бояться, и что Генкин намёк в письме был напрямую связан с естественной реакцией человека на сильный страх. Тем не менее, ростовские трусы сложили в бельевой

ящик, но им там, наверное, ещё долго икалось под громкие взрывы всё того же хохота.

Чуть позже подошёл с работы (тоже ученик электрика) Алька Арсланов, который, зная о скором Вовкином приезде, забегал каждый вечер.... Много было тостов, дружеских речей и просто разговоров, а Вовке было о чём рассказать. И вообще героем дня и вечера на целых две недели вперёд стал ростовский курсант Вовка Панин.

В первые же дни он не мог не узнать, что Шурка, ещё в недавнем прошлом ярый женоненавистник, вполне серьёзно влюблён в симпатичное худенькое создание по имени Валя. Бог с ним, с Шуркой и его невестой, но однажды Шурка пригласил Вовку с собой на свидание и настоял на этом, хотя Вовка совсем не горел желанием с кем-либо знакомиться. Понял он Шуркину стратегию только тогда, когда на одном из перекрёстков увидел рядом с Валей девушку в беленькой шубке и такой же шапочке.

Сначала Вовка на минутку остолбенел. Он никогда не думал, что в заштатном Зеленогорске могут быть такие красивые девушки. Даже Танька Курочкина рядом проиграла бы... Разве что ростовчанка-Лена, которую он никак не мог забыть.

-Света, - негромко познакомилась девушка с Вовкой. – Я учусь в педучилище на первом курсе вместе с вашим другом Витькой Венедиктовым, - сразу стала рассказывать свою биографию девушка Света. –А что ты будешь делать, когда мореходку кончишь?..

-Рыбу ловить, - с ходу ляпнул Вовка.

-Как мой папа на пруду по выходным, - колокольчиком засмеялась Света.

-И на пруду, может, буду по выходным. А, вообще-то, в море тоже рыбу ловят... и даже гораздо больше, чем на всех прудах вместе взятых...

-Да ты не злись, - вмешалась Валя, которая разговаривала о чём-то с Шуркой, но чутко держала ушки топориком в сторону Светы и Вовки. – Он, Света, уже по Азовскому морю плавал, - намекала Валя на всего-то однодневный поход на баркентине «Альфа», о котором рассказывал ещё в письмах друзьям Вовка.

Конечно же, за время до первого отпуска у Вовки были знакомые девушки в Ростове, после того, как Галина Михайловна организовала, сразу после карантина, вечер встреч в одном из музыкальных училищ, где были сплошь девчонки.

А потом роковая Лена, которая до сих пор продолжала терзать его душу. Вовка снова и снова сравнивал Свету с Леной, и они казались ему очень похожими.

«Все красивые девчонки похожи друг на друга» - решил, наконец, Вовка.

Вовка понял, что здесь он не имеет никакого права дать маху. Ведь в Зеленогорске он был один, на нём была самая настоящая морская форма, да и сам Вовка был вполне симпатичным парнем.

-Вовка, давай завтра в лес на лыжах сходим.... возьмём ружьё, постреляем немного, - предложил Шурка, когда компания дошла до Светкиного общежития. – Ты, наверное, в своём Ростове про лыжи совсем забыл...

-Ой, как интересно!.. Я ещё ни разу в жизни настоящее ружьё в руках не держала! – сразу вскинулась Света. – Я очень хочу сходить в лес, а лыжи возьму у физрука в нашем спортзале...

Было бы предложено.... Вечером Вовка наколотил целых два десятка патронов из Генкиных припасов, вычистил и без того блестящее ружьё, и назавтра состоялась новая встреча в условленном месте. Девчонки в своих лыжных костюмчиках и шапочках с пампушками смотрелись сказочными гномиками, от них веяло даже странной нереальностью.

Казалось, одно неосторожное движение или слово и этот мираж бесследно растает, чтобы больше уже никогда не появиться. Но кругом была чистая быль и вот уже четвёрка цепочкой потянулась в длинную гору, в сторону леса.

...После полугодовой разлуки лес встретил Вовку настороженно, или ему так показалось. Деревья не качали приветливо своими ветками, не трогали повзрослевших ребят за руки и плечи, а наоборот неспешно расходились, уступая дороге накатанной лыжне.

Вовка катил по знакомым местам, многие деревья он узнавал в лицо, но сейчас деревья или дремали или вовсе спали. Разговора с ними не получалось.

«Ладно, спите пока... до весны осталось немного.... Только теперь я увижу вас только в августе, перед новой осенью...» – думал Вовка, однозвучными междометиями переключаясь со своими спутниками.

-Вовка, а помнишь, как ты брякнулся с этой берёзы, когда хотел на тонкой ветке до земли спланировать?..

-А тебя как здесь осы искушали... ну, и рожа у тебя потом была...

Наконец, ребята заметили, что девчонки приустиали, и даже немного приуныли. Особенно Светка, которая из всех сил не подавала вида и упрямо переставляла лыжи вместо того, чтобы на них скользить.

-Давайте передохнём... - остановился Вовка возле никогда не замерзающего родника. Вокруг этого большого и знаменитого родника прошла половина детства всей панинской команды.

-А я настойку взял, - сообщил Шурка, на спине которого плотно прилепился небольшой рюкзачок.

-Настойка - это хорошо, но родниковую воду я тоже попою.

Вовка ещё ни разу в жизни не прошёл мимо родника, чтобы не попить из него, не бросил он этой привычки и на долгие годы вперёд.

-Горло простудишь, моряк! – забеспокоилась, было, Светка, но Шурка тут же унял её:

-Да у него, как и у всех нас, горло никогда не болело и не заболит... мы всё время и снег горстями ели и сосульки сосали, а уж воду-то...

Тем временем Валя выпотрошила Шуркин рюкзачок, расстелила его вместо скатерти на большом приземистом пне

и скатерть-самобранка угостила друзей как могла. Выпили сладкой настойки за семь футов под килем для Вовкиного парохода, до которого было ещё очень и очень далеко.... Пили за дружбу, а обнаглевшие Шурка с Валец даже за любовь...

А потом катались на знакомой горке, где можно было выбрать несколько разных по крутизне спусков. Вовка с Шуркой построили из снега небольшой трамплинчик и весело прыгали с него, порой кувыркаясь ещё в воздухе. Иногда Шурка с Валец, улучив момент, прятались на минутку под крутой уклон и быстро тыкались губами. Вовка тоже пытался приблизиться к Светке на такое же расстояние, но хитрая девчонка прикрывалась ребром ладошки.

Веселья было выше головы.... Были и полёты носом в сугроб, были и снежки за шиворот, в чём особенно изощрялась Светка, умудрившись забросить под Вовкин свитер целый мешок снега. О ружье, которое перед перекусом повесили на сучок повыше, чуть и вовсе не забыли. Шагами разметили тир, на пеньке установили жестянку из-под консервов и ну палить!..

-Целься через прицел и через эту мушку в банку.... Когда прицелишься, нажимай на спусковой крючок. Только плотнее приклад к плечу прижимай, - наставлял Вовка раскрасневшуюся Светку. -А то ключица может запросто трес-

нуть, -продолжал стращать Вовка, теснее прижимаясь к девчонке и управляя ружьём.

А Светка и здесь оказалась молодцом. Уже второй выстрел она влепила прямо в банку, и вполне самостоятельно. А уж Вовка отвёл душу на целый год вперёд, всаживая заряд за зарядом в бедную измочаленную банку.

Из леса вышли, когда начало смеркаться. Вечером договорились встретиться на танцах в Доме культуры нефтяников, но долго ещё Вовка со Светкой стояли, звякая лыжами, возле дверей общежития педучилища. Душа Вовки пела и ликовала, когда он, изо всех сил налегая на палки, мчался по заснеженным улицам городка.

Залетев намётом в свой двор, сбросил в чулан отяжелевшие за день гремящие лыжи и палки. Наскоро перекусив, он долго и старательно наглаживал свою форму от яркоголубого гюйса до самой последней нитки.

-Куда это ты так стараешься?.. Уж не на свидание ли? – задавала вопросы мать, между тем пытаясь хоть чем-то помочь Вовке в его сборах, но тот ещё в училище твёрдо усвоил, что форму гладить – это самое что ни на есть мужское дело и не доверял его никому.

-На танцы Шурка с... ребятами позвали, - половинчато признался Вовка, смахивая с себя невидимую пылинку.

Танцы – дело молодое и весёлое. Вовка нахватался в Ростове за полгода такого твиста, чем очень сильно удивил своих друзей – ведь до училища он, как и все остальные ребята, о танцах никакого понятия не имел. Да и не нужно это им было тогда. А теперь, ещё в первые дни он уже дал ребятам несколько уроков и особенно Серёге Венедиктову, который на это дело оказался способнее всех.

По пути Вовка зашёл за Шуркой, и они немного подождали своих девчонок возле высоких и необъятных колонн Дома культуры.

Светке сначала не очень-то понравился Вовкин замысловатый твист, но когда он научил её нескольким простым и сложным движениям, та вошла во вкус, и состоялся наипервейший танцевальный дуэт в городском танцзале...

-Вовка, там первопосёлковцы на тебя зуб точат, - в перерыве сказал Шурка.

-Ну и что?!.. – заартачился было Вовка неизвестно на кого.

-Они сейчас во всём Зеленогорске шишку держат, а про тебя сказали, что больно выхваляешься...

-В Ростове все так танцуют, - продолжал сам с собой ерепениться Вовка. - Если кому сильно захотелось, то могу научить...

И всё-таки через пару фокстротов Вовка последовал Шуркиному совету, и они с девчонками вышли на улицу, тем более, что и танцы уже закруглялись.

-Сейчас совсем не то, что было, когда мы с плахинцами воевали, - рассказывал Шурка после того, как они проводили девчонок. - Малышня подросла, ходят только кодлами, один на один не дерутся, а про панинцев и плахинцев уже и не помнит никто.... Из наших пацанов теперь только Серёга и Федька Тимофеев с ними ладят, да ещё Амирка Минибаев.

Но назавтра оказалось, что Шурка немного сгустил краски. Вечером к Вовке, который был уже почти готов навести лыжи в сторону педучилища, притопали Серёга с Амиркой.

-Шурка рассказал нам про вчерашние танцы, вот мы и переговорили кое с кем, в том числе и с Тагиром – бывшим плахинским заместителем. Он сейчас в Первом посёлке живёт и не последний там парень на деревне...

-Ладно... - пробурчал Вовка, в душе всё же сильно удручённый тем, что ребята из его бывшей команды вынуждены искать какие-то компромиссы с ещё пару лет назад никому неизвестной малышкой.

«Но такая, видать, планида: на смену одним всегда приходят другие, - философски размышлял Вовка, шагая к Светке. - Лишь бы последующие были не хуже нас...»

В этот вечер друзья собрались у Вали, родители которой надолго ушли к своим родственникам. Валя расстаралась вовсю: стол был накрыт лучше, чем в ресторане. Не зря юная хозяйка училась на кулинара. Весёлое настроение разбавили всё той же настойкой из домашних запасов матери Шурки Иванчина.

Между танцами были и зажимки по углам, и торопливые поцелуи, и даже песни под гитару, на которой Вовка смог выдать несколько простых аккордов. Разошлись только, когда слышали голоса Валиных родителей в коридоре...

Так продолжалось ещё несколько вечеров. Вовка со Светой ходили на танцы, в кино, и по друзьям. Но однажды утром, разоспавшийся после запоздалых весёлых посиделок Вовка, услышал упрёк матери:

-Ты что же это совсем от дома отбился?.. Отец с Генкой обижаются.... Они утром уходят – ты спишь, вечером с работы приходят, а ты уже по своим «делам» улетел... Ведь Генка три года служил, - продолжала мать, - домой вернулся, а ты уже в мореходке – считай четыре года не виделась... Приводи-ка ты её домой, пусть и Шурка с Валею приходят... - говорила всеведущая мать, собирая на стол завтрак.

Светка долго упрямылась. Уговаривали её втроём, и Вовка был уже готов хлопнуть дверью, когда непредсказуемая Светка начала вдруг быстро собираться в своей девичьей комнатёнке. Радости матери не было предела, она вся сияла, невесомо летая между кухней и столом, девочки ей помогали. Отец степенно беседовал с молодёжью:

-Всё некогда спросить – как там твоя учёба?.. Чему вас там учат?..

-Всему тому, чему учат в обычной школе плюс технические предметы, - быстро отвечал Вовка, не отводя глаз от осмелевшей и повеселевшей Светки.

-Какие же технические? – продолжал гнуть своё, не совсем ко времени отец.

-Технология металлов, паровые котлы, турбины, теория и устройство корабля, - машинально бубнил Вовка.

-Отец, хватит его экзаменовать, - вступился Генка. – Ему сейчас уж точно не до наук, даже если они морские...

-Ладно.... Только если он и в училище будет учиться, как иногда в школе – четвёрка через двойку, то мало будет толку от такой учёбы, - твёрдо и сурово закончил отец воспитательный момент.

Прозвучала команда «к столу» и посыпались тосты, потекли разговоры... Вовка всюду ухаживал за Светкой.... Нет, вряд ли человек придумал или придумает потом ещё более объёмное и высокое счастье, чем ощущать себя рядом с любимой, да ещё, если эта любовь почти мальчишеская...

Вовка был на вершине – он так и остался там до конца отпуска...

Счастлива была и мать. Ведь не часто, совсем не часто удавалось ей в последние годы собрать за одним столом такую большую семью, да ещё с такими красивыми гостями.

-Чтобы собираться так как можно чаще, чтобы все вы знали, что дом наш всегда ждёт своих детей и всегда рад им, что двери его всегда открыты для их друзей и подруг!.. – верно смог выразить настроение матери в очередном тосте старший брат Генка.

Отец величаво восседал главой семейства и больше молчал, давая высказаться молодым, но вот и он поднял по-выше большую рюмку крепкой смородиновой:

-Ты, Володя, только начал учёбу в мореходном училище... Твой самый старший дядя, который погиб на фронте, тоже был моряком и вот теперь ты захотел стать моряком... Но тебе надо ещё учиться и учиться, и теперь тебе требуется много сил и терпения, чтобы доучиться до конца и получить диплом... - отец медленно оглядел стол и продолжил. - Уважай морскую дисциплину, своих командиров и... помни о технике безопасности... или по-простому говоря – не лезь куда не надо!.. – неожиданно закончил он громким голосом.

Когда все выпили или пригубили за здоровье всех присутствующих и за тех, кто в море, мать объявила, что их ждут кумовья, и они с отцом оставили весёлое, молодое застолье. Праздник с песнями и танцами закончился далеко за полночь. Тогда-то Вовка со Светкой обо всём признались и решили ждать друг друга всю жизнь, какими бы длинными или короткими ни были предстоящие разлуки...

Тагир и другие

Днём Вовкин дом тоже не пустовал. С раннего утра обязательно приходил кто-нибудь из ребят, играли в шахматы или перекидывались в дурачка, иногда целым гуртом валили к Венедиктовым, потом к Иванчиным. К Ваське Живаленко из-за барачной тесноты ходили только самые близкие друзья. Вспомнив совсем недавнее детство, собирали лыжи и махали по лесам, постреливая из ижевской одностволки.

Вовке, конечно же, хотелось увидеться и с Витькой Плахиным, но ещё в самом начале отпуска ему сказали, что Плахины всей семьёй уехали куда-то за Урал, а Байрак так и угодил в колонию для несовершеннолетних за какую-то хреновину с морковиной....

С Васькой Живаленко и Алькой Арслановым Вовка однажды навестил Тагира, который теперь тоже жил в финском доме в Первом посёлке. Война с плахинцами кончилась ещё за два года до Вовкиной мореходки. После мирного договора, а потом испытания самолёта, Вовка Тагира видел редко, да и то как-то мельком. А сегодня Тагир из крепкого темноволосого крепыша и вовсе превратился в рослого, всё также затаённо улыбающегося и очень даже добродушного парня с крепким подбородком.

-Мам, дай нам настоечки за встречу!.. - закричал он из прихожей, где раздевались ребята.

В большой комнате их встретила на удивление маленькая темноволосая с проседью женщина с ровным лицом.

-Это тот самый Вовка Панин, с которым мы с Витькой Плахиным воевали много лет подряд, а это его друзья... теперь мы все друзья...

Воспоминаниям не было числа. А ведь и в самом деле было, что вспомнить бывшим ловцам военного счастья на улице Овражной, да ещё по разные стороны фронтов.

-Помнишь, как вы Серегу в плен взяли и гаубицу за него требовали? Да только мы без гаубицы его отбили...

-А как мы с Васькой единоборство на пустыре устроили... настоящий гладиаторский бой...

-А самолёт...

-А рыбалка на Карабаше...

Тагир долго не хотел отпускать ребят, а потом собрался сам, и все решили нагрянуть к Арслановым

Там повторилось примерно то же. Оказавшийся дома после ночной смены Алькин отец – бывший военный лётчик – сразу же засыпал Вовку кучей вопросов, будто бы тот был не просто курсантом, а, по меньшей мере, командиром, за плечами которого не один год морской болтанки.

-Дядя Ахмет, да не знаю я пока, на каких судах мне придётся работать... Рыболовные суда разные бывают, также как и самолёты – от малого сейнера до огромных плавбаз, на которых работают тысячи моряков разных специальностей...

Дядя Ахмет приутих только тогда, когда Алька достал свой выдавший виды фотоаппарат и сделал много разных кадров. Друзья по-всякому позировали всей кучей и сменяя друг друга. Но Вовке было уже пора в педучилище, и он оставил дружную компанию. Через час он вместе со Светой был у себя на Овражной, последние вечера они проводили в Вовкином доме.

Прощание – дело невесёлое, но и оно состоялось в доме Паниных, а потом и в Бугульминском аэропорту, где, как и принято, прозвучали последние тосты и последний поцелуй, а за ним по-юношески искренние заверения в вечной любви и крепкой дружбе...

Курсанты Виноград

Наступили летние каникулы, но не для мореходов. Прекрасный месяц май и даже июнь они томились в аудиториях и утром, и днём, и вечером. Наконец, сданы курсовые экзамены и мореходов отправили за практикой по токарному делу. Этим делом они занимались и в училище по субботам, но учебных станков было маловато и вот теперь на судоремонтном заводе «Красный Дон» им дали возможность развунуться.

Да и то сказать... Что за судовой механик, если он не умеет выточить на станке болт или гайку, а за ними и деталь посложнее? Это только инженера после института сразу становятся «мастерами», а то и начальниками цехов, не умея при этом завернуть лампочку в патрон. А мореходы в прошлом году вырубали зубилами и пропилили напильниками полный курс слесарной практики и уже в своём активе имели свидетельства слесарей – ремонтников. Теперь настал черёд стать полноправными токарями - фрезеровщиками...

Хорошо-то как!.. Рядом Дон – он всего в двух шагах от ворот громадного цеха. На берегу для какого-то запаса навалены брёвна, на них можно засесть, как на трибунах стадиона и зевать в сторону красавицы реки, по которой в обе стороны маячили разные пароходы и пароходики. Накупавшись прямо с брёвен, раскладывались на них же загорать, а в перерывах можно было подойти к станку, за которыми трудились береговые ремонтники, и постараться выточить пару-другую гаек или какую детальку посложнее по команде и под прищмотром мастера.

Вечером никакой самоподготовки – сплошные увольнения в разные стороны большого города. В очередном таком субботнем увольнении Вовка Панин Сашкой Дьяковым, выдавали твист в одном из многочисленных ростовских Домов культуры.

В этот вечер Вовке с Сашкой выпало провожать девчонок аж на пятую линию – почти в армянскую Нахичевань, за которой и вовсе кончается Ростов. Трамвай курсанты не жаловали, да и девчонки обоим понравились. Так и шли они от Буденовского по Энгельса, потихоньку выпытывая друг у друга подробности биографии.

-Я в библиотечном техникуме учусь...

-Надо же... ещё и такие бывают, - удивился Вовка. – Вас там книжки учат читать что ли?..

-Этому тоже. Но главный наш предмет – библиотековедение. Иначе говоря – всё про библиотеки, всё про книги, а также всё и про их авторов...

Надя всю дорогу рассказывала Вовке о писателях, поэтах. Она знала их всех или почти всех. Кто что написал тоже. Вовка и сам любил книги, любил читать, но такую лавину из книжного мира, которая сыпалась из больших синих глаз северной девушки Нади, Вовка увидел и услышал впервые.

-Вот и пришли, следующая улица наша, - чуть сбавила шаг Надя.

На пятой авеню стояла кодла человек пять из чисто штатских.

-Пошли на другую сторону – это здешняя хулиганская шантрапа, - потянули девчонки своих кавалеров.

-Ещё чего... и здесь пройдем.

-Привет мореходам... вы не заблудились случайно?..

-Привет, привет, - процедил Сашка. – Живём мы здесь...

-А нам кажется, что здесь мы живём...

Слово за слово – напряжение быстро нарастало. Вовка соображал: если что – бить первым самого ближнего и рвать когти... а девчонок не тронут...

-Вам только кажется, а мы и в самом деле живём в Ростове.

-Пошли, Вовка... а вы стойте. Иначе через час здесь всё училище будет, и вашу линию разнесут... по линиям.

-Может, и разнесут, а вас унесут, - продолжали заострять штатские.

-Не приставайте к ним!.. Мы не ваши подружки, а живём здесь на квартире... охраняйте своих дворовых!.. – воробушкой выставилась вперёд отчаянная Надя.

Курсанты продолжали спокойно идти своим маршрутом, крепко придерживая девчат. Странное дело, но парни не стали дальше развивать обстановку на пятой авеню. Может, и

до них дошло, что эти девчонки никогда не станут их дворовыми.

Возвращались тем же пешим порядком. Прибавили шагу - надо было успеть к поверке перед отбоем. К вечеру не по-летнему похолодало.

-А в Анапе сейчас тепло, - выронил Сашка.

-В Париже, наверное, тоже, - вспомнил Вовка Кису Воробьянинова.

-Кругом виноград, - продолжал Сашка о своей Анапе.

-Хочу виноград!..

-Где же тебе его взять. Завтра попросим Сашку Назырова, пусть домой съездит и привезёт...

-Хочу виноград... хочу виноград... - дурашливо канючил Сашка до самого экипажа.

На поверку подошли вовремя... после отбоя Сашка не угомонился.

-Вовка, я недавно одну провожал в Ливенцовку – это пригород ростовский. Какие там виноградники!.. Ни конца, ни краю...

-Ну и что?.. – не врубился сразу Вовка, приготовившийся отойти ко сну.

-Виноград хочу... а сейчас самое время.

-Так охраняют же...

-Подумаешь!.. На десять гектаров два зачуханных сторожа со свистками.

-Соли в задницу тебе захотелось, а не винограда...

Но в ночном предложении всё же было что-то заманчивое.

-Вдвоём пойдём?..

-Почему?.. Пусть идут все желающие, там на всех хватит...

Желающих набралось ровно семь человек. Сашка Назыров поленился.

-Придёшь с виноградом – разбудишь, если спать буду.

В старшинском кубрике тишина – все спят. Ребята шёпотом прошли мимо дневальных на этажах и КПП, пообещав им винограда от пуза. Сашка правильно сказал: езды на трамвае всего минут двадцать, ещё столько же пешком и вот она – всего-навсего изгородь, через которую можно перешагнуть, чуть повыше задрав ногу. Ночка была как раз для тёмных дел. Луна только изредка выглядывала из-за чёрных туч, звёзд и вовсе не видать.

-Держаться всем поблизости, далеко не отходить, в случае шухера смываемся вместе, - инструктировал Сашка.

-Наоборот надо в разные стороны, а уже потом собраться всем на остановке...

...Возле Вовки с виноградной лозой управляют Витька Колчанов и Гришка Визир. Виноград собирать – это не клубнику с земли подбирать и даже не колючую малину в Клявлинском пищепроеме, так что работа спорилась. Было слышно, как шуршат кусты, но голоса никто не подавал. Постепенно, в азарте тёмного дела, ребята разбрелись, исчезли из поля зрения друг друга. Вовка тоже увлёкся – сумка уже почти полная.

Вдруг мимо тихим чёртом пронёсся Гришка Визир.

-Атас...

-Атас!.. – уже громко крикнул для всех Вовка.

И понеслось...

От изгороди дорожка уходила в глубокую лощину, по ней молча неслись великолепные матросы с сумками наперевес. За ними также молча гнала во всю мочь какая-то злоеющая тень...

-Чего это мы бежим?.. Давай остановимся – он же один.

-А что?.. Мы ему морду кучей бить будем?.. Он же сразу увидит, что мы из мореходки, хоть у нас нет гюйсов и мичманок... а там нас в момент вычислят...

Тяжёловатый Витка Колчанов бегал слабо. Он первым начал задыхаться и стал отставать. Легконогий Вовка рвал в первых рядах. Оглянувшись, он всё-таки разобрал в темноте, что Витьку настигает тот самый тип.

-Стойте!.. Витьку сейчас приловят...

Ребята побежали теперь уже навстречу Витьке – будь что будет!..

Витька вдруг остановился совсем, а подбежавший к нему тип стал о чём-то громко хохотать. Когда к ним подбежали, хохотали уже оба.

-Ну, Гришка!.. Вот зоркий глаз!..

Оказывается, Сашка Дьяков сам нарушил главное условие и оторвался куда-то вглубь виноградника. Гришка узрел его, когда тот возвращался назад и поднял переполох.

-А я вижу – вы сорвались... ну, думаю, сторожа нагрянули и тоже за вами! – захлёбывался Сашка. – Потом вижу – за мной нет никого... кричу вам, кричу, а у вас от страха даже уши заложило.

- Не столько от страха, сколько от неясности, что делать с упрямым сторожем, - пытались оправдаться ребята, тоже давясь смехом.

Без приключений добрались до экипажа, угостили дневальных, как обещали. В кубриках все спали, в Вовкином тоже. Вытащив из сумки тяжёлую гроздь, Вовка аккуратно пристроил её на лбу ровно и спокойно дышавшего Сашки Назырова - он же просил разбудить, как приедешь.

- А-а-а!.. А-а-а!.. - завопил Сашка, подскочив в койке. Схватив гроздь обеими руками, он зашвырнул её в самый дальний угол кубрика, продолжая яростно драть свою горбоносую морду...

- Ты что?!.. Ты что?!.. Сдурел? - затряс его Вовка.

Наконец, у Сашки в глазах появилось какое-то сообщение - проснулся.

- Фу ты... приснится же такое. Сижу будто в своём садике на лавочке, всё так красиво и хорошо, и вдруг мне на лицо здоровенная жаба прыгает, да ещё с когтями...

Два дня курсанты жрали виноград от пуза, Сашка Дьяков успокоился, но ненадолго...

Арбузы

Пришла арбузная пора, а с арбузами и дыни. Колонны грузовиков, длиной в целые километры, везли краснодарский урожай в Ростов и дальше по всей необъятной стране. Возле грузового порта (совсем недалеко от экипажа) тоже стояли баржи, доверху наполненные теми же арбузами и дынями. Они дожидались своих буксиров с тем, чтобы идти вверх по Дону и Волге, а там и куда подальше.

- Хочу арбуз... хочу дыню... - опять начал канючить Сашка.

Он выяснил, что грузовики шли вереницей по определённом маршруту, по одним и тем же улицам. И что интересно - одна из этих улиц ну прямо рядом с экипажем!.. Он также определил, что грузовики, как ни странно, снижают скорость на перекрёстках почти до пешеходной, а временами и вовсе останавливаются. Так ведь запросто можно заскочить в кузов и оттуда подавать напарникам арбузы или даже просто их снимать, если длина роста позволяет.

Самому Сашке длина роста не позволяла, и он сагитировал того же Гришку Визира, с которым очень удачно провернул операцию «Виноград».

На сей раз вся операция выглядела сверхпримитивно. Гришка становился на бордюр, поджидал грузовик и спокойно снимал с кузова приглянувшийся арбуз. Два-три арбуза хватало ободраться всему кубрику и в обед, и в ужин.

Баржу в порту вычислил тоже Сашка. Здесь он действовал ещё проще: договорился со сторожем за бутылку...

-Берите, сколько унесёте в руках... я курсантов – мореходов уважаю...

Каждый смог унести по два отборных арбуза. Все рундуки в кубриках были забиты до упора. И не только арбузами, но и дынями.

Но не всё хорошо кончается, что весело начинается. Командир роты, конечно же, не раз обнаруживал в кубриках жирующих арбузами и дынями курсантов. Строго вопрошал:

-Откуда арбузы?..

-Николай Семёнович, угощайтесь... это Визиру перевод пришёл, вот и порешили на всё арбузов купить – витамины же...

Командир то ли верил, то ли делал вид, что верит. Да и, по правде говоря, на ростовском базаре арбузы раздавались во все стороны тоже по бросовой цене, дыни чуть дороже, но тратить курсантские стипендии, а тем более переводы на такие дела было бы верхом мотовства.

Когда весь этаж роты пропах арбузами от каптёрки с гладилкой в одном конце, до гальяона с двумя нулями в другом, и, конечно же, неистребимо проник в кабинет командира, тот почему-то сильно огорчился.

-Василий Петрович, - вызвал он к себе старшину Величко, - что это у нас творится?..

-Что?..

-У нас в экипаже пахнет, как на арбузном складе!.. Курсанты целыми днями едят арбузы... некоторые даже в столовую не ходят – живут на одних арбузах и дынях...

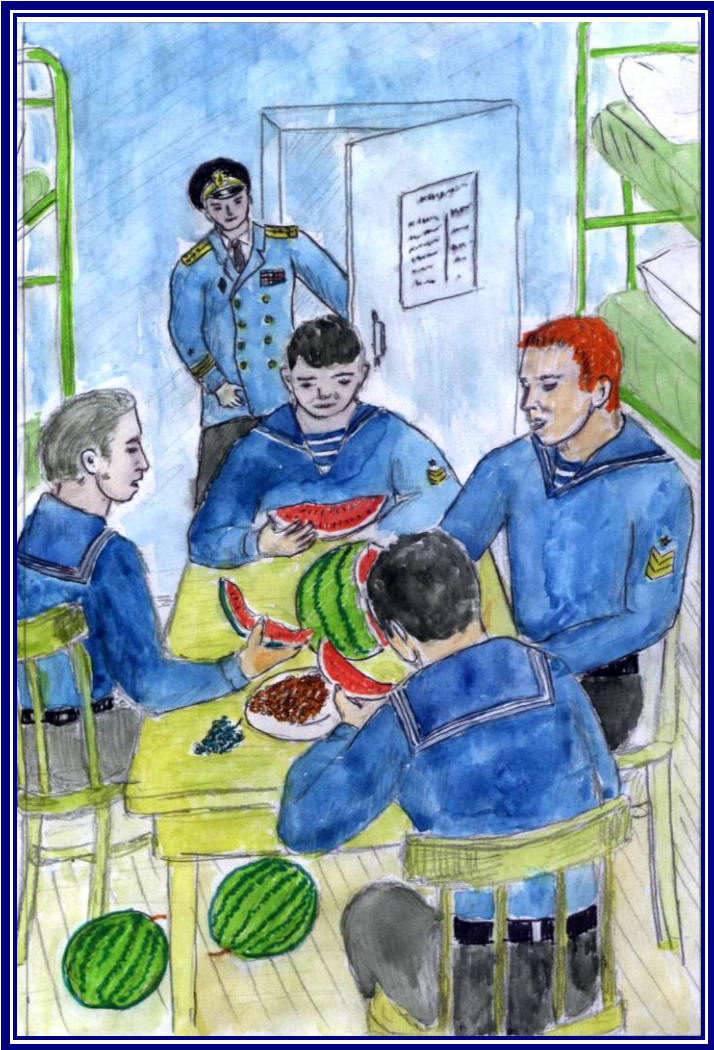
-Дак ведь... это... - мекал старшина, который уже давно знал происхождение сладких южных плодов и фруктов.

-Скажите прямо – они воруют их где-то?..

-Я разберусь!.. Разберусь немедленно и к вечеру доложу, - заверил старшина не на шутку расстроенного и вместе с тем строгого командира.

-Постройте роту прямо сейчас. Я сам с ними буду говорить...

Сказано – сделано.

-В последнее время мы стали всё больше и больше нарушать дисциплину, – начал командир, а говорить перед строем он любил, тем более, сегодня он был в ударе то ли от арбузного духа, то ли от того, что встал не с той ноги. – Визир!.. Ты опять в строй опаздываешь!..

-Команды не слышал, - запыхался Гришка.

-Все слышали, а он как всегда нет!.. Старшина, наказать его за опоздание!..

Видимо, Гришка Визир сбил командира со взятой ноты, и он с минуту молча водил глазами по курсантскому строю.

-Многие курсанты ходят по улицам без строя, без головных уборов... а эти фланельки навывпуск с замками – на что это похоже?.. И, наконец, арбузы!.. Откуда они у вас в таком количестве?.. – продолжал не слишком складно и впопад распалиться ротный. – Старшина!.. Вы обещали разобрататься – вот и разбирайтесь и после ужина доложить по форме!.. И последнее: всем, у кого арбузы, напишем плохие характеристики!..

Характеристика – козырная карта командира. Впереди третий курс, а за ним учебная и полугодовая рабочая практики в морях и океанах. И от характеристики в немалой степени зависело место рабочей практики – или это будет легендарный Севастополь со сказочной Одессой и выходом в мировой океан или соседняя Махачкала с закрытым Каспием – есть разница?.. Конечно, есть...

Командир ещё некоторое время метал грома и молнии и, резко закончив, ушёл в свой кабинет, оставив роту старшине Величко.

-Все слышали?.. Визир, и ты слышал?.. Два шага вперёд!..

Визир чётко исполнил команду.

-За опоздание в строй два наряда вне очереди и оба на камбуз!..

-За что сразу два наряда?..

-Я не знаю за что, но я знаю чего!.. Вы будете поступать по-свински, я тоже буду отвечать свинством!..

Старшина Величко выражений не выбирал. Они сыпались из него, как из дырявого мешка картошка за картошкой.

-Чего это он распалился? – пробурчал Сашка Дьяков, стоявший в строю рядом с Вовкой. – Сам же наяривал арбузы и дыни...

-Разговорчики в строю! – зыркнул Величко прямо по назначению. – Я ещё раз повторяю: все слышали, что сказал командир?.. И думаю, что всем ясно, о чём идёт речь.

Величко засунул правую руку за ремень (зимой он держал её за отворотом шинели – ну чистый Наполеон) и стал прохаживаться перед строем, извергая камнепад рубленых фраз. Николай Семёнович из своего кабинета, конечно же, слышал речи своего первого помощника и наверняка был очень доволен.

-Чтобы через два часа ни одного арбуза в кубриках не валялось!.. Сам проверю!..

Много ли съешь за два часа, но за эти два часа в кубриках было установлено много личных и командных рекордов. Оставшиеся сласти снесли на камбуз.

Старшина

С Гришки Визира Величко всё-таки один внеочередной наряд снял. Старшина только с виду был неприступен и грозен. Большинство курсантов это понимали и зла на него и других старшин не держали, хотя и были временные недоброжелатели – на всех не угодишь. Но после одного чрезвычайного случая на ростовской набережной старшину Величко зауважали все поголовно.

Ростовский месяц март вполне тёплый. На набережной не пусто, но ещё и не густо. Дело к вечеру. Из курсантов на прогулке Витька Колчанов с хорошенькой подружкой. Они с наслаждением дышат пока не тёплым летним, но уже далеко не зимним, свежим воздухом. Суббота – ещё вполне светло. Надыхавшись воздуха, Витька решил запить парой коктейлей, и они благополучно завернули в нечто среднее между кафе-баром и забегаловкой.

Очередь была небольшая, но в неё пришлось встать, и тем более становится не по себе, когда находятся такие типы, которые очередь всего-то из пяти-шести человек норовят не замечать, а ломятся прямо к прилавку, где сегодня попутно с коктейлем разливали пиво.

Витька «не заметил» одного нахала, потом ещё одного, но, наконец, природный, северный темперамент раскалился, да и девушка заметно заскучала.

-Эй, дружок!.. Не видишь – люди стоят... куда прёшь?..

-Стоишь и стой! – добавил грязного матюка парень в жёлтой куртке.

Очередь, в которой стояли ещё две девушки и пожилой дядька, молчала...

-Ну-ка вали на место, - побелел Витька, вытаскивая жёлтую куртку от прилавка. – А вы, девушка, разве не видите, что без очереди лезут – почему обслуживаете?..

Девушка за прилавком смутилась, а тут и очередь Витькина подошла, и они с девушкой с полным удовольствием потешили себя молочным коктейлем. Но на выходе Витьку поджидала крупная неприятность из четырёх парней и среди них круче всех жёлтая куртка.

Если бы Витька был в форме, то штатские, возможно, поостереглись бы на набережной затевать драку с курсантом, но третьекурсники иногда позволяли себе прошвырнуться разок-другой по гражданке и вот тут ни с того, ни сего такая катавасия, да ещё девчонка рядом.

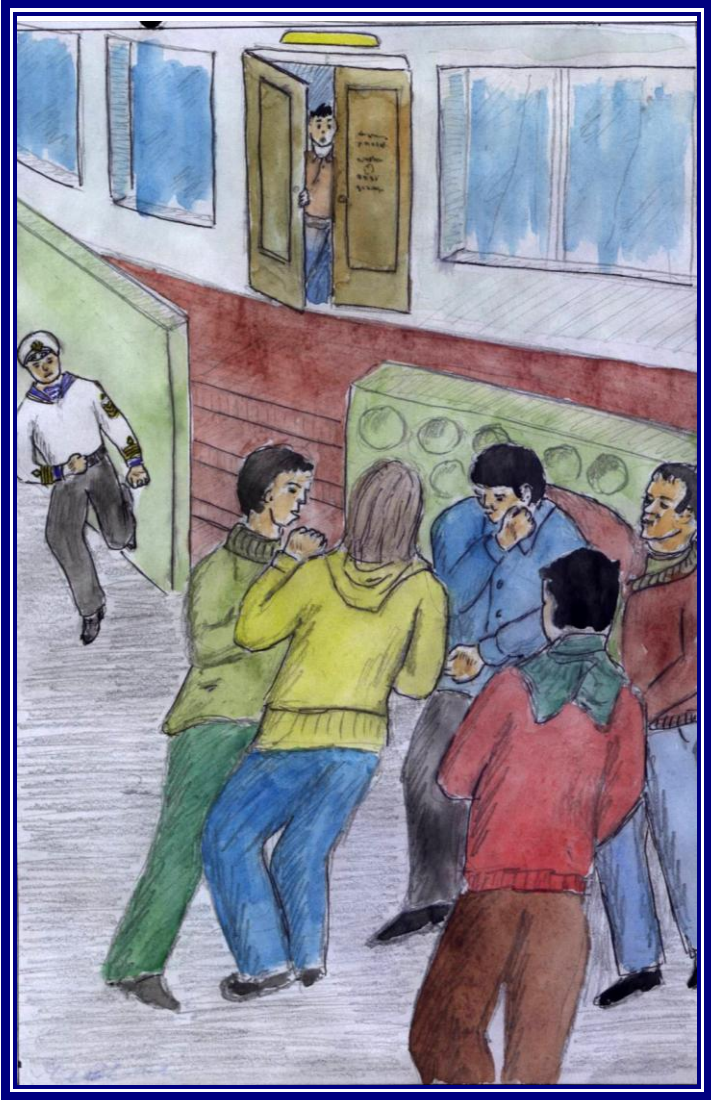
Предусмотрительный Витька ещё в кафе предупредил девчонку о возможном повороте событий, и та сразу бросилась к телефонной будке, а сам Витька надеялся оттянуть время, пока прибудет подмога, за словесной разборкой. Но ухари оказались из решительных. Витька не успел и рта раскрыть, как сразу получил слева в подбородок. Парень крепкий – Витька устоял, и тут же прислонился спиной к резной декоративной стенке, но четверо против одного – это явный перебор. Витька пытался отвечать, кого-то доставал, но больше попадало всё же ему. Не раз уже вылетали снопы ярких искр из глаз и от зубов...

-Ах вы сволочь поганая!.. Вы кого бьёте?!.. – услышал Витька сквозь кулаки жутко знакомый, зычный голос.

Один из нападавших как-то сразу оказался на асфальте, обеими руками схватившись за промежность. Витька узнал старшину Величко. Неожиданная поддержка утроила силы. Он цепко ухватил жёлтую куртку и с разворота прилепил её к стенке, беспощадно обрабатывая ставшую ненавистной ему рожу. Успокоился только, когда крутой ещё минуту назад ухарь обмяк и свалился ему в ноги...

Пока Витька возился с курткой, с двумя оставшимися разобрался старшина. Оба тяжело ворочались рядом с первым, пытаясь подняться.

-Спасибо, старшина – если бы не ты, уделали бы они меня...

-Ничего... земля круглая – когда-нибудь и ты меня выручишь.

-А где это ты так наловчился?..

-Три года в десанте, а не где-нибудь в стройбате...

Колчанов и Величко понаблюдали немного за своими противниками, которые уползли вверх по улочке и только оттуда стали что-то кричать. Курсанты вполне доброжелательно помахали им рукой, и пошли к экипажу.

Навстречу человек десять мореходов летели кувырком вниз с Буденовского.

-Витька!.. Чего там?!..

Девчонка, поджидавшая подмогу за углом, с разбега прыгнула Витьке на шею.

-Чего, чего... вот чего, выставил Витька свою подпорченную физию. – Если бы старшина не подоспел, то неизвестно, чем бы всё кончилось...

Витька зря ерепенился неизвестно на кого. Вся схватка-то длилась не больше пяти минут. Тут уж никакая сверх-скорость не помогла бы. Ну, разве что выловили эту жёлтую куртку с компанией, если бы они не смылись. Так что, без старшины, Витька не отделался бы только парой зуботычин да разбитой губой.

Величко не стал с курсантами разделять телячьи восторги по поводу блестящей победы, одержанной в схватке, и отправился по своим делам, по старшебратски потрепав Витьку за крутой загривок:

-На рожон особо-то не лезь... а то ведь «перо в бок» вставят ни за что, ни про что - потом ищи виноватых...

-А где же ваши «друзья»? – заинтересовался Мишка Романов – лихой казак из станицы Каневской, когда старшина отошёл от ребят подальше и скрылся в проулке.

-А чёрт их знает. Кричали что-то... может, тоже за подмогой побежали.

-Да!.. Не хватало ещё: на набережной штатские будут вылавливать курсантов... так не пойдёт. Давай-ка, прошвырнёмся туда-сюда.

Целый час дефилировали курсанты по набережной и, убедившись, что всё спокойно, вернулись в экипаж.

Да... отношения курсантов с гражданскими в Ростове не всегда были мирными и безоблачными. Мелкие стычки типа колчановской, конечно же, случались, но были и целые баталии, самая грандиозная из которых произошла в районе парка Горького ещё до поступления Вовки в училище.

...Одному из курсантов в парке Горького досталось ножом и крепко, но парень сумел добраться до экипажа и поднять тревогу. На такой случай снялись сразу два училища, экипажи которых громоздились всего в десяти минутах быстрой ходьбы от центрального парка, и за полчаса после инцидента с ножом парк был полностью оцеплен шеренгами мореходов.

Намётанным глазом определяли блатную шпану, и тут же ублажали флотскими ремнями по старой и мудрой, но забытой казачьей традиции. И не дай Бог, если у кого в кармане или за душой окажется нож или кастет!..

Милиция никак не могла собраться с силами (а может им по душе стала такая курсантская акция), армейские и вообще открыто отказались из солидарности к морской братве. Курсанты спешно разошлись только при появлении командования обоих училищ...

Долго после этого события в кустах и тёмных углах парка находили ножи, цепи и прочие нужные шпане атрибуты. Но много и безвинных голов полетело в обоих училищах...

Легенду эту или быль многие годы потом передавали из уст в уста в курсантской среде города Ростова. Вовка сам видел истёртую до дыр газету, которую бывшие в то время на практике курсанты, привезли из какой-то заграницы. На первой полосе зловещее, чёрное курсантское оцепление, а выше крупный заголовок на английском: «Бастуют кадеты ростовских морских корпусов!..»

Второй случай, но гораздо менее масштабный вышел уже во время Вовкиной учёбы. Крутые ребята из соседнего железнодорожного техникума в пух и прах изметели сразу троих мореходов, выловив тех, когда они проходили с девочками в районе их общежития.

Такой пакости от соседей – железнодорожников никто не ожидал, поэтому на разборку с целым общежитием направилось всего тридцать курсантов из шестой роты. Наиболее отличившихся в стычке побитые курсанты запомнили в лицо – искать по этажам стали только их, предварительно лишив одинокую вахтёршу телефонной связи.

Выдали тех свои же. Крутых выдернули из-под коек и шкафов... ремней не жалели...

Облегчённо вздохнули и простые «студии», когда на другой день сразу десять блатняков, без зазрения совести терроризировавших своих же одноклассников, тем более

младших, подали заявления об уходе «по собственному желанию»...

И всё же эти дела были скорее исключением, чем правилом.

Эпидемия... аппендицита

Последние дни Витька Колчанов начал жаловаться на сильные боли в низу живота.

-Чего-то давит и тошнит...

-Не переживай, - махнул Вовка, - съел какую-нибудь бяку с макаронами...

Но дальше больше. Утром, перед завтраком, Витька и вовсе расклеился.

-Ой, не могу... отметь в рапортчике, что я болен...

-В санчасть иди. Чего развалился, если и в самом деле болит?..

-Да оно то кольнёт, то перестанет... а в санчасть я и не дойду теперь в одиночку...

-Может всё-таки вызвать?..

-Не надо пока...

На переменке Вовка махом поднялся в кубрик. На Витьке, что называется, лица не было. Он лежал пластом и прерывисто дышал... лицо то жёлто-бледное, то синекрасное...

-Вызывай врача...

Врачи из санчасти прибыли в момент, и Витька отправился болеть. Через недельку он вернулся в экипаж своими ногами, правда, чуть осунувшийся.

-Вот, бумагу дали: ровно на десять дней - освобождение от всякой тяжёлой и лёгкой работы, в том числе и от учёбы вместе с вами...

Ещё больше курсанты удивились, когда Витьке выдали «кормовые» за десять дней плюс заранее стипендию, и он уехал на свою Вятку, состроив остальным рожки и высунув язык. При этом ни мало не заботясь об учёбе:

-За десять дней пусть дебилы отстают...

Вернулся Витька посвежевший и поздоровевший – ну прямо как после обычного заслуженного отпуска!.. Многих взяли завидки...

-Где тебе операцию сделали? – спросил его как-то незадолго после этой истории Сашка Дьяков.

-В районной больнице... в нашей санчасти посмотрели, прощупали – оттуда сразу в больницу, а там сразу на операционный стол...

-Ты давай подробнее.

Витька рассказал, как ему делали операцию под местным наркозом, как достали аппендикс, как он провёл дни в больничной палате...

-А как врачи определили, что у тебя именно аппендицит, а не, скажем, рак желудка? – чуть ёрничал Сашка, но было видно, что он что-то наматывает себе на ус.

-Сюда нажали - спрашивают: «Болит?..». Я говорю «нет...». Сюда нажали – говорю «больно...», и прямиком на операцию.

-А ещё что спрашивали? – продолжал допытываться Сашка.

-Ну, про то, что тошнило меня, чуть не рвало, и что на левый бок никак не мог повернуться, - добросовестно докладывал Витька. - А для чего это тебе надо?..

Сашка глубокомысленно молчал. После ужина он снова пристал к Витьке, который листал десятидневный конспект Сашки Назырова.

-Разденься-ка... покажи шрам.

Витька задрал фланельку.

-Покажи точно, куда нажимали, и что спрашивали?.. Что ты чувствовал и что отвечал?

-Вот сюда и сюда... ещё глубоко дышать заставляли, но я не мог. Да ты что?.. На операцию что ли собираешься?..

-В Анапу хочу... только ты молчи пока.

Витька консультировал Сашку ещё несколько дней. Они даже самозабвенно разыгрывали сценку «Больной и врач».

-Всё... я пошёл сдаваться, - объявил Сашка своим узким друзьям как-то сразу после обеда.

-Ни пуха, - шёпотом пожелали ему друзья.

Санчасть, как и столовая, располагалась в том же первом экипаже, где жили штурманы.

-Товарищ старшина, - тусклым голосом обратился Дьяков к Величко. – Что-то живот скрутило и в боку режет... я в санчасть...

-Иди, конечно...

Как увезли Сашку, никто не видел - рота уже построилась и ушла в свой экипаж. В кубрике и в аудиториях стали ждать Сашку или каких-нибудь вестей.

-Если бы его раскусили, то он давно уже был бы здесь! – авторитетно заверил Витька утром другого дня. – Так что не меньше трёх дней...

В санчасти на осторожный Вовкин вопрос ответили, что у Дьякова острый приступ аппендицита, и что его увезли в больницу...

Не прошло и трёх дней, как Сашка появился в экипаже. Его встретили, как героя (но невидимого фронта). Он свободно шастал своими ногами, правда, прикрывал ладонью место шрама – как бы кто не ткнул ненароком.

-Ну что?.. Рассказывай...

-Всё было разыграно, как по нотам... Витёк!.. Ты прирожденный учитель – у тебя талант к преподаванию. Теперь мне даже в море никакой аппендицит не страшен...

-Зато ты способный ученик, - перебил Сашкино самоабвенное токование Витька, - рассказывай дальше...

Но Сашкин рассказ мало чем отличался от Витькиного. Дополнил только ощущение страха, что расколят.

-А чтобы не раскололи, надо стараться держать глаза закрытыми и тихо постанывать...

-Так ведь не было у тебя приступа никакого!.. Ты же симулянт!.. Как же врачи, когда разрежали?..

-Врачи мне ничего не сказали... честь мундира, должно быть...

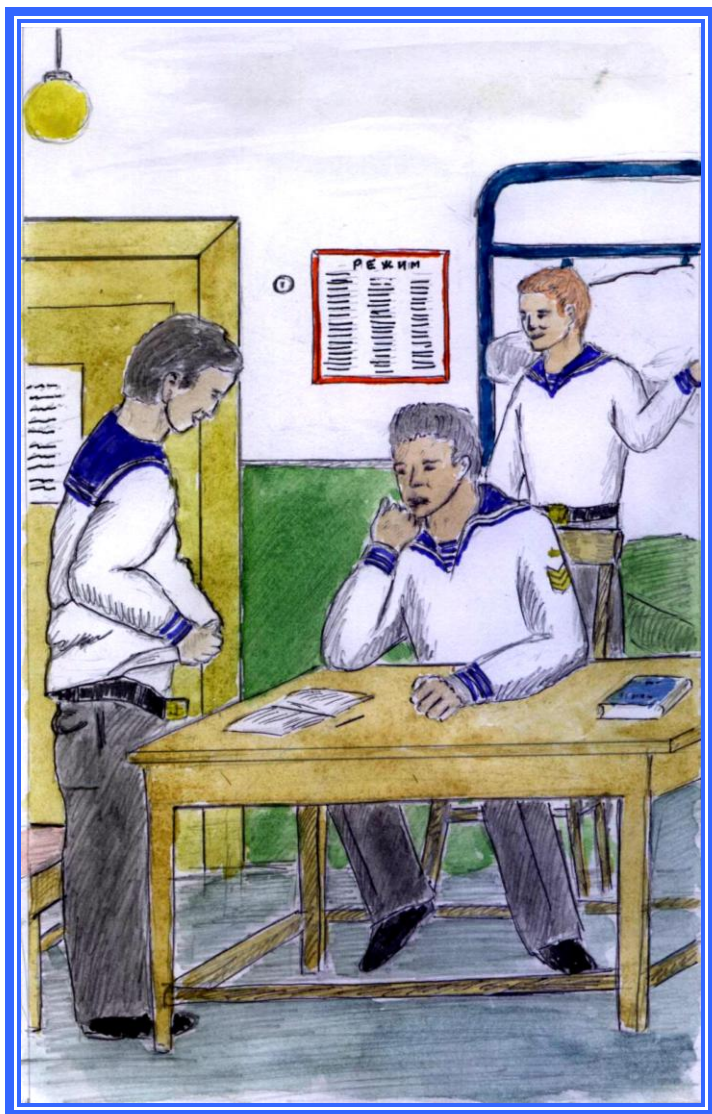
Сашке тоже дали освобождение «от лёгкого труда и тяжёлой учёбы» на целых десять дней, на которые он тут же смылся в свою солнечную Анапу.

И дело пошло...

Следующим был Мишка Романов, потом Гришка Визир, Эрик Гисматулин... даже старшина группы Серёга Житников поддался лёгкому соблазну. Вовка Панин пока раздумывал, он хотел подгадать под первомайские праздники, чтобы совместить законные праздничные выходные и десятидневный больничный отпуск.

Скоро «эпидемия» перекинулась на 126-ю и 127-ю группы...

Но наверху всё же всполошились. Вряд ли училищная бухгалтерия уменьшала камбузные деньги ровно настолько, сколько курсантов было повержено коварной «эпидемией», и в кассе наметился большой урон в наличности. Быстро вычислили, что первые признаки «эпидемии» проявились в шестой роте механиков – третьекурсников, где она свирепствует и до сих пор.

Начальнику санчасти приказано срочно побывать в районной больнице и выяснить истоки болезни среди курсантского населения.

-Они симулируют все как один!.. – сразу же признались коллеги. – У первого и в самом деле было острое, даже гнойное воспаление, а дальше – сплошь симулянты!..

-Ну, ладно... мы коновалы, как нас курсанты называют, а вы-то - светила районного масштаба!.. Почему?..

-Чёрт его знает... а вдруг и в самом деле воспаление.... Уж больно натуральные и точные симптомы... лучше уж вырезать здоровый аппендикс, чем потом локти кусать...

Когда медицинский начальник вернулся к себе в санчасть, чтобы как следует обдумать предстоящий доклад начальству, в приёмном покое его ожидал очередной «больной с острым приступом аппендицита».

-Как зовут?.. Та-а-ак... Федя, говоришь... вот что, уважаемый Федя, я только что из районной больницы. Мы с тамошними врачами договорились, что если будет симулирование, то они сообщат об этом прямо начальнику училища. Не мне, а сразу начальнику училища!.. И что тебе потом будет – я молчу...

-И на том спасибо, - выпрямился Федя и ходко устремился в экипаж – надо успеть хотя бы на вторую пару...

Таким образом, зловерная эпидемия раз и навсегда покинула стены и кубрики экипажа.

Однако, несмотря на строгости, курсанты редко упускали возможность расслабиться. Ранней весной в Ростове, как и везде, разгулялся грипп, но курантов он брал плохо. А так хотелось отлежаться в санчасти, где нет подъёмов по звонку громкого боя, нет бесконечных построений. Нет и тягучих уроков и лекций по аудиториям.

И всё же курсантская санчасть медленно, но верно пополнялась заболевшими, в том числе и из Вовкиной группы. Переболевшие говорили, что единственным условием «для поклажи в санчасть», является повышенная температура. А для этого вполне годится обычная горчица под мышку. Тем и пробавлялись...

Вовка улёгся в комфортабельную палату вместе с Сашкой Назыровым и с мечтой поваляться денька три, а то и все четыре. Но пробыл там всего один вечер и одну ночь.

В санчасти температуру курсантского тела измеряли и утром, и в обед, и в ужин, Но на эти случаи горчицы под рукой не было и ребята, заполучив градусники, придумали

натирать их о байковые одеяла, дружно доводя столбики до нужной кондиции.

Получилось так, что Вовка с градусником запоздал или, скорее, сестра за ними зашла раньше обычного. Когда Вовка вытащил из-под одеяла градусник, и подал его сестре, та закатила глаза и выскочила из палаты.

Тут же залетает врач.

-Ты что это, Панин? – положил он на всякий случай руку на лоб «больного». - Как самочувствие?

-Да терпимо, - насторожился Вовка.

-Собирайся и марш в экипаж!..

Оказывается, Вовка перестарался и натёр градусник до упора. Не зайти сестра так быстро за градусником, то Вовка сбил бы его, но... так уж вышло.

-Сестра!.. Немедленно промерьте температуру у всех и на своих глазах – симулянтов срочно пинком за дверь, а списки – мне!..

Сашка Назыров тут же подхватился вслед за Вовкой:

-Мне температуру мерить не надо...

Без политграмоты – никуда

Не такая уж страшная штука – эти экзамены, Особенно в мореходке и особенно, когда из предмета хоть что-нибудь знаешь. Но предметов много: тут и математика - мать всех остальных, и тягомотная термодинамика, и двигатели внутреннего сгорания с их сложнейшей теорией, опять же теория устройства корабля, и многие-многие другие – числом до трёх десятков.

Взять двигатели внутреннего сгорания. Без цикла Карно (это из теории) двигатель точно работать не будет, но так ли уж нужно курсанту вычерчивать этот цикл с его гиперболами и параболлами и другими трёхэтажными формулами на доске в аудитории?.. Может, лучше подробнее изучить общие принципы масляной и топливной системы тех же двигателей, а циклы Карно пусть добивают аспиранты в академиях?..

А корабль!.. Его устройство настолько сложно, что и без теории голова трескается на части.

Конечно, для всех водоплавающих механизмов и средств, и даже просто для щепки в ручье можно придумать и рассчитать глобальные теории, но курсанту всё-таки больше по душе изучение корабля до тех пор, пока речь идёт о

шпангоутах, стрингерах, бимсах, полубимсах и ватервейсах с комингсами....

Поэтому все предметы в разной степени нравились или не нравились курсантам, но был среди них один, который все не любили единогласно. Точнее, предмет был не один - он состоял из нескольких себе подобных. Курсанты называли этот предмет просто – «Политика», хотя сюда входили и философия с диалектикой, история партии, и конституции разных годов, материалы пленумов и съездов и даже речи выдающихся деятелей партии и правительства.

Политику курсантам толкали все. От командира роты и заместителя начальника училища по политчасти до преподавателей конкретной экономики (её-то, в отличие от политической, курсанты признавали за науку) и приглашённых лекторов из многочисленных обществ и органов. Но кто бы ни преподавал «политику», на этих часах курсанты просто отдыхали, нисколько не желая забивать голову пустопорожней чепухой...

Никто из преподавателей, а тем более курсантов, не ожидал, что по такому предмету будет экзамен, да ещё приравненный к государственному. С обнародованием такого факта все временно потеряли дар речи. К тому моменту, когда первый шок прошёл, земля стала полниться слухами: по кубрикам и аудиториям расплодилось, что есть негласная установка из горкома партии о проверке на политграмоту будущих командиров-моряков заграничного плавания. Вопросы и билеты к экзаменам будут «оттуда» и на экзамене будет представитель «оттуда».

Слухи эти не на шутку встревожили третьекурсников, которые уже совсем были готовы к учебной, а затем и рабочей практике на морях и океанах. Предмет, конечно, не специальный, но двойка есть двойка, будь она по ДВС или ТУК или за «политику».

Училище – это тебе не школа, здесь на второй год не оставляют. Ну, дадут переэкзаменовку, так ведь всё равно придётся перелопатить и освоить эту грудку архинужных кому-то материалов!.. Так что, кроме всевозможных слухов, вокруг курсантов зависли самые настоящие страх и паника.

Некоторые курсанты сразу ринулись в библиотеку и красные уголки, где стали лихорадочно швыряться в учебниках, первоисточниках, журналах и газетах, но через час или чуть больше (в зависимости от выносливости и терпения) бросали это безнадёжное дело.

«Хотя бы контрольные вопросы были поскорее – тогда будет ясно, что за экзамен...»

Вопросов, спущенных «оттуда» оказалось целых сто восемьдесят!.. Если будет, как обычно, тридцать экзаменационных билетов, то получается по шесть вопросов в билете!..

Надо было что-то делать. И для начала, во что бы то ни стало получить эти вопросы, ведь до экзаменов осталось всего-навсего две недели!..

-Серёга, ты у нас старшина, тебе и карты в руки... иди к дину или ещё куда, но вопросы за тобой. Иначе брезент – и за борт!..

Серёга Житников один не пошёл, для прикрытия тылов и поддержки штанов он прихватил с собой временами спокойного и рассудительного Сашку Дьякова.

Дин (от английского dean – декан), он же глава судомеханического отделения Пелецкий Валентин Васильевич, принял курсантских делегатов в своём кабинете, в конце длинного коридора.

-Слушаю вас внимательно...

Он и впрямь очень внимательно выслушал ребят, которые изложили ему про все страхи и панику из-за предстоящего экзамена...

-Что предлагаете?..

-Да пока надо бы взглянуть на вопросы, а для полного счастья и на билеты...

-Билеты ещё не составлены, да и не положено... а вопросы, так и быть, я вам выдам через часок – они пока у замполита.

Через час аудитория зашелестела листками. Все переписывали, разбившись на компактные группы. Вопросы были самые что ни на есть «актуальные».

-Ёлки-палки!.. Что такое резюме?.. Ну и вопросик...

-Резюме – это ерунда и чепуха, а вот что такое дуализм?..

-Дата выхода в свет первого номера ленинской «Искры»...

-Даты жизни и смерти Э. Канта...

И так дальше всё в том же духе.

-Интересно, а представитель хоть часть из этих вопросов знает?..

-Не бойсь – у него на столе письменные ответы будут на все вопросы...

Скоро обмениваться репликами надоело, в аудитории стало относительно тихо, но ненадолго.

-Нет, всё это ерунда!.. Сизифкин труд! – привстал над столом Серёга Житников. – Ну, перепишем мы эти вопросы, а дальше что?.. Учить что ли всё это будем?..

Курсанты разом побросали ручки и листки, снова задумались.

-Что же делать?.. Может вообще бойкотировать этот экзамен?..

-А головы наши, в том числе и твоя, куда потом полетят, в какую сторону?..

-Всех не выгонят!..

-Правильно. Всех не перевешают, но каждого десятого запросто, и без заметного ущерба для родного морского флота. Три полных мореходских года ни за понюх терять всё-таки жалко...

Ситуация с политикой обсуждалась долго. Порешили: утро вечера мудренее и разошлись по кубрикам. Дело шло к отбою...

Утром в умывалках, столовой, кубриках и аудиториях повестка дня была всё та же.

-Как ни крути, а надо готовить краткие ответы. Распределить на каждого по шесть вопросов и чтобы все на одном тетрадном листке дали краткие и разборчивые ответы на все шесть вопросов. А где эти ответы взять – личное дело каждого – постановили после долгих и оживлённых дискуссий по важному политическому моменту.

Вопросы распределили быстро. Вовка взял свою норму и сразу ударился в библиотеку. Он и раньше любил ковыряться в энциклопедиях, и ему ничего не стоило выбрать ответы на вопросы типа «Что такое космология?». Оттуда же выписал даты жизни и смерти В. Куйбышева и Г. Гегеля. Над остальным пришлось попотеть, перелистывая тяжеленные подшивки «Правды», которые оказались нарасхват. На всю училищную библиотеку было две «Правды», да одна в ротном красном уголке. Все эти подшивки очень скоро были разодраны по составляющим.

К вечеру следующего дня краткий курс ответов был аккуратно сложен в стопку из тридцати тетрадных листов.

-Ну и что?.. Разве за оставшуюся неделю мыслимо вы зубрить всю эту стопку. То, что сам писал – из головы уже вылетело. Надо всё остальное из башки выбить и тогда, мо-

жет быть, что-нибудь из этого влезет в голову... - так или почти так размышляли курсанты про себя и вслух.

-Вторым этапом надо раздобыть билеты и составить теперь уже на них ответы, а дальше схема ясная, - тихо подкрался после отбоя Дьяков к Панину и Сашке Назырову.

-Какая схема? Что ты бормочешь?.. Свихнулся что ли на почве политики?..

-Слушай сюда... как обычно, на экзамен заходят первые пять человек, они берут с собой ответы на первые пять билетов. По теории вероятности кому-то из них должен достаться билет из первых пяти. Главная задача – передать листок с ответом, - вдохновлял Сашка призадумавшихся ребят. – Получивший ответ, сразу выходит отвечать, остальные продолжают «готовиться»...

Ясность такой схемы была в том, что зашедший курсант брал со стола билет и чётко произносил его номер с таким расчётом, чтобы это услышали за чуть приоткрытой дверью. Следующий курсант заносил «домашнюю заготовку» и при удобном моменте передавал её строго по назначению.

Сложнее было с первой пятёркой. Они тоже громко назовут свои номера, но шестой зайдёт на экзамен только после того, как выйдет кто-то из первой пятёрки.

-Не верю я в теорию относительности, - отрезал Вовка. – Может она в космическом смысле где-то подходит, а нам нечего на неё надеяться.

-Если не сработает теория, то остаётся только доброволец.

-Это ещё что?..

-Кто-то из группы добровольно входит в первую пятёрку и первым отвечает из своей головы.

-А если завалит?..

-Н-да... такое тоже может быть...

Через час Сашка снова растолкал ребят.

-Короче... я без всякого жребия иду в первой пятёрке и беру все тридцать ответов на билеты и кому смогу, тому передаю. Отвечаю первым и выношу назад все остальные ответы... а дальше всё как задумано...

-Вот это уже теплее... а передавать как?..

-Вам может ещё разжевать?!.. Передача – личное дело каждого, и пусть попробует кто-нибудь не передать!..

Вариант Сашки Дьякова был принят всей группой безоговорочно, да и времени на что-то другое уже не оставалось.

Дело за «малым» – билеты... опять к дину!..

Дин в этот раз отказал:

-Вы думаете, я не понимаю, что к билетам тут же будут приделаны шпоры...

-Так ведь предмет-то, какой! – чуть не в открытую согласились со шпорами делегаты от экзаменуемого народа.

-Нет! – жёстко отрубил всякую надежду дин.

Вечером ротный Величко уединился со старшинами групп.

-Вот тридцать билетов... где взял – вам пока знать не обязательно. По десять билетов на группу и срочно переписывать, через двадцать минут поменяемся, а потом ещё раз...

Когда Серёга Житников занёс десять билетов в аудиторию и сказал, что остальные тоже будут, все, наконец, обнадёжились и повеселели. В этот вечер были переписаны не только билеты, но и составлены к ним компактные ответы – эти самые домашние заготовки. Ну, экзамен, берегись!..

В назначенный день с утра бросили жребий очерёдности захода – никакого алфавита! И только Сашка Дьяков, разложив ответы строго по шесть штук в потаённые места, шагнул с первой пятёркой за дверь без жребия.

В комиссии от училища были замполит, командир роты, преподаватель по экономике. В одном ряду с ними скромно улыбался незнакомец... в морской форме с большими нашивками.

-Первый помощник капитана теплохода «Синегорск» Белобородов, - представил его замполит. – Направлен в комиссию от горкома...

Курсанты знали, что первый помощник на судне – это заместитель капитана по политчасти. А тот сразу вытащил из папки огромную газету и, как показалось ребятам, демонстративно развернул её во всю простынь и надолго уставился. Преподаватель сразу же вышел и где-то гулял весь экзамен, замполит тоже то и дело выходил покурить.

Всё пошло, как по маслу. Сашка сумел без особых помех и в самое время обеспечить ответами всех из своей пятёрки.

Отвечали ровно, но чтобы не вызвать лишних подозрений, иногда задумывались...

Так бы все экзамены сдавать!..

Всей ротой «политика» была сдана на четыре и пять. После сдачи экзамена рота в полном составе собралась в красном уголке. Первый помощник Белобородов поздравил

курсантов с успехами в политической подготовке.... А потом рассказал много интересного из флотской жизни, в конце и вовсе переключился на анекдоты. Из экипажа рота провожала его как родного.

Сашку Дьякова тоже весь вечер носили на руках и ни разу не уронили. Экзамен по «политике» стал самым весёлым из многих и многих прошедших и будущих.

А Вовка думал:

«И замполит, и дин, и командир роты, и даже представитель горкома – все знали - что и как мы отвечаем, и все способствовали этому.... Значит, не только курсантам, но и наставникам нашим ни к чему такая политика. А может так и до самого-самого верха...»

Замполит училища получил почётную грамоту горкома КПСС за хорошо организованную политучёбу. По рапорту первого помощника капитана Белобородова.

Боб, Бэбен и маленький Бенья

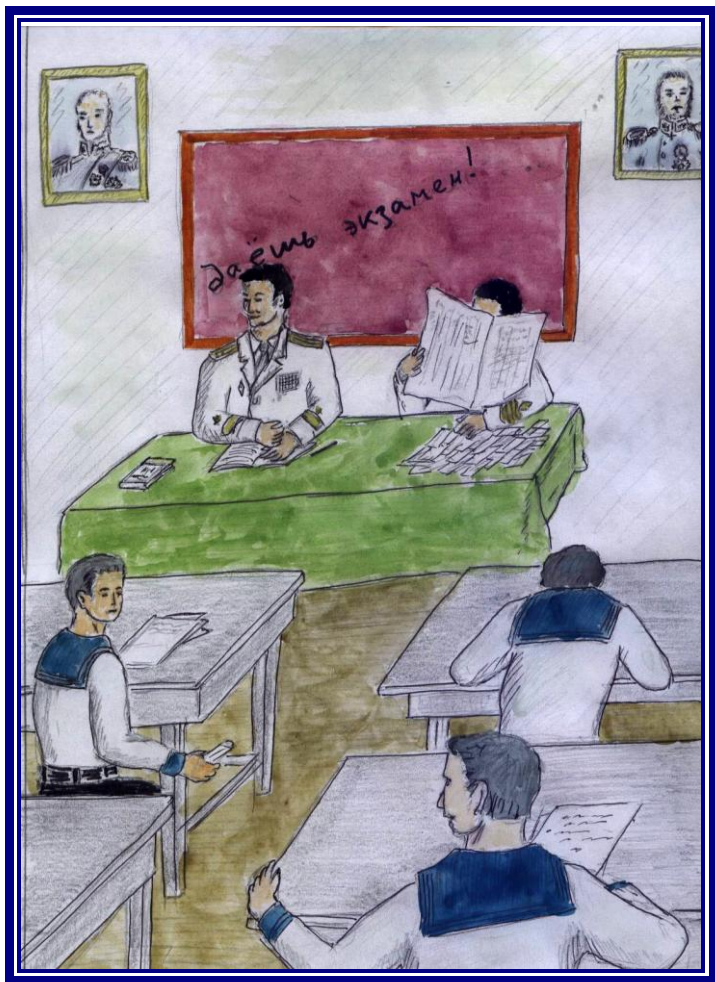
«Великое переселение народов» происходило в начале каждого курса. Второкурсники с четвёртого этажа спускались на третий, уступая свои большие кубрики вроде 61-го первокурсникам. А сами заселялись в сравнительно небольшие восьми – и шестиместные. Третий курс, в свою очередь, занимал престижнейший второй этаж, ну а четвёртый курс в это время наработывал по морям и океанам плавцenz.

Боб и Бэбен переходили из кубрика в кубрик вместе, впрочем, и остальные курсанты меняли свою жилплощадь без какого-то полного изменения наличного состава. Да за годы учёбы и было-то всего два переселения.

Кто такие Боб и Бэбен?..

Всем известно, что русское имя Вовка или Володя на иностранный манер часто трансформируется именно как Боб, так что под Бобом в 28-й группе механиков всегда подразумевали Вовку Городинского. Кроме Городинского в группе были ещё два Вовки (тот же Панин), но они почему-то Бобами не стали, наверное, чтобы не создавать путаницу или из-за своей мелкокалиберности.

С первого и по окончательный четвёртый курс Вовка Городинский был в тройке самых высоких и атлетических ребят в группе. Типично русский парень, он светлорус, голубоглаз и вообще сильно смахивал и лицом и телом на былинного гусяря из фильма. При этом у него была ещё одна, на

первый взгляд, странная привычка. Он после отбоя записывался в тетрадку дневального по роте, чтобы тот будил его ровно в четыре часа утра. Дневальный будил, а Боб говорил ему спасибо и поворачивался на другой бок.

Когда это стало известно широкому курсантскому кругу, то он свою интересную странность объяснил так:

-Представляете – меня будят в четыре утра... я смотрю на часы и балдею: мне ещё спать целых три часа до подъёма и... счастливый засыпаю снова...

Вот как мало было нашему Бобу для счастья. Даже гораздо меньше, чем тому же Шуре Балаганову. Да и другие курсанты принимали за немалое счастье поспать лишний часок-другой, но то ведь лишний.

При этом он ещё был родом из приазовской станицы с легкомысленным цветочным названием Маргаритовка.

«Какое интересное и немножко смешное название для станицы, - показалось, было, Вовке Панину. - Хотя мой-то Зеленогорск и вовсе совсем недавно был никому непонятной Письмянкой...»

Городинский, или теперь уже его можно называть просто – Боб, нуждался в опеке. Не сам, конечно. Это ему нужно было обязательно кого-нибудь опекать, и объектом его опеки как-то незаметно для всех стал Толька Бакумов – альбинос из нижневожских степей.

Бакумов Толик, в отличие от Боба – один из самых маленьких в роте, но только ростом. Веса в нём было гораздо больше, чем, опять же, у Вовки Панина или Сашки Назырова. Он был покато-кругленьким как в голове, так и в остальном теле и с таким же округлым характером без всяких шипов и колючек.

Почему из Тольки Бакумова получился Бэбен?.. Конечно же, из-за неразлучности с Бобом, но не называть же его Бобиком...

Боб и Бэбен были вместе всегда. Начиная от того, что спали они на одной койке – Боб на верхнем ярусе, а Бэбен на нижнем. На занятиях во всех аудиториях они сидели за одним столом, в столовой тоже. На переменах и в личное время было удивительно увидеть их случайно по отдельности.

Вот только в строю им не подфартило. Если в шеренге, то Боб стоял на крайнем правом фланге, а Бэбен на крайнем левом, если рота была на марше, то снова Боб шагал в голове колонны, а Бэбен в замыкающей четвёрке. Но когда шеренга или строй рассыпались по команде «Разойдись!», то они,

словно разноимённые полюса, тут же устремлялись друг к другу...

Что же касается шипов и колючек, то и они однажды появились в их кубрике на три двухъярусные койки

...Теплым и свежим ростовским вечером командир роты Николай Семёнович поджидал своих подопечных из очередного увольнения. Конечно, этого можно было и не делать, тем более в субботу и, тем более, что дежурным по училищу был другой офицер, но так требовала обстановка.

В стране, и само собой в училище, разворачивалась и набирала обороты очередная кампания по борьбе с алкоголизмом, хулиганством и тунеядством. На сегодняшнем утреннем построении командир долго говорил о человеческих пороках:

-В последнее время и у нас имеются случаи появления курсантов из увольнения с запашком... не рановато ли?.. Ведь большинству из вас нет ещё и восемнадцати.... В мои планы совсем не входит подготовить к выпуску роту судовых механиков – алкоголиков. На любом флоте этого добра и без вас хватает! - распалил себя как обычно Николай Семёнович. - Я сейчас не буду называть фамилии, но на сегодняшний день в каждой группе у меня есть по два-три кандидата... сами знаете на что, если они не образумятся...

Но командир, скорее перестраховывался. Возможно, и были кое-какие случаи, но это считалось уже из ряда вон. Особенно с таким командиром, как Николай Семёнович – сам ярый трезвенник.

...Пока всё шло нормально: курсанты один за другим возвращались из увольнения, командир заговаривал, как бы невзначай, с теми подозрительными, которых он имел в виду на сегодняшнем утреннем построении, но всё выходило по чистому.

«Всегда бы так» – удовлетворённо думал Николай Семёнович.

Вдруг он обратил внимание на Тольку Бакумова, который нёс в руках свою мичманку, будто тарелку с борщом от раздаточного окошка.

-Ты что это без головного убора?! – повысил голос командир. – Сейчас же надеть мичманку, иначе два наряда за нарушение формы одежды.

-Товарищ командир, я ведь уже во дворе экипажа – считай, что дома.

«Не бутылка ли у него в фуражке?..» – заподозрил не-
ладное Николай Семёнович. – А ну-ка, показывай – что у тебя
там!..

Бэбен и в самом деле мичманку надеть не мог, в ней
что-то копошилось.

«Слава Богу, это уже не бутылка» - опять подумал о
своём Николай Семёнович. – Давай показывай, - повторил он.

-Эх, куда уж теперь деваться? - понурился Бэбен. – Вот
он – ёжик, пожалуйста, смотрите!..

-Ты что это надумал?!.. Куда ты его тащишь?.. Уж, не
в кубрик ли?..

-Николай Семёнович, смотрите, какой хороший... ну
что он нам – помешает?.. А насчёт гигиены и порядка – ёжи-
ки и не гадят вовсе!..

-Да вы что, оборзели?!.. – совсем не педагогично выра-
зился командир. – Сейчас ёжик, потом кошку притащите, со-
баку... Что тогда получится у нас в экипаже?

-Что?..

-Зоопарк... или зверинец... кому как понравится. У
нас и так иногда в экипаже, как в африканских джунглях!..

Продолжая выражать куда-то в сторону своё недо-
вольствие, командир тем временем внимательно следил за
ёжиком, которого Бэбен уже выпустил из мичманки и тот,
негромко фукая, закружился вокруг ног.

-Ладно... если Величко против не будет, то я тоже по-
ка не против, - всё же смягчился командир. – Но в случае чего
– чтобы духу его не было!..

Какой такой случай мог произойти из-за ёжика, он
уточнять не стал, а довольный выше макушки Бэбен галопом
залетел через трап в свой кубрик.

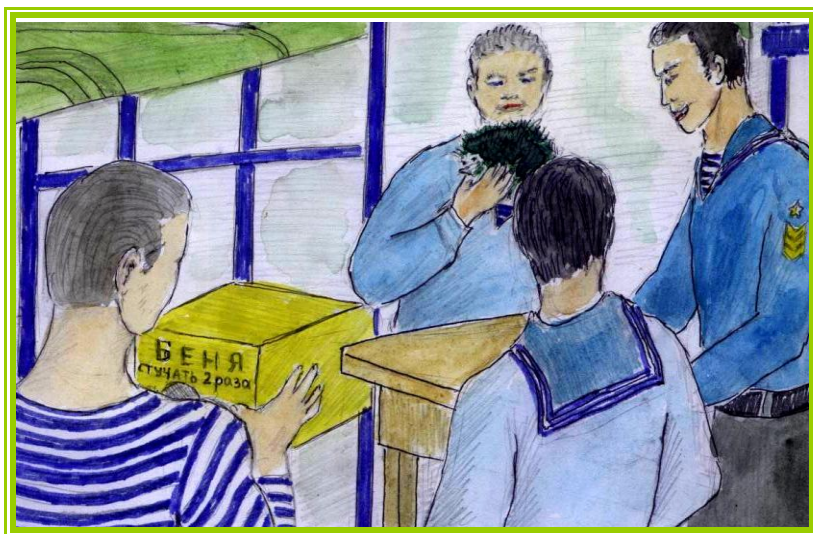
-Где взял?!.. – сразу завопила курсантская наличность
в кубрике. – Ну, Бэбен, с тобой не соскучишься!..

Над именем нового жильца долго не думали. Взяли
нечто среднее от Боба и Бэбена – получился Бенья.

Поначалу Бенья очень дичился новых для него людей,
но довольно быстро разобрался, кто есть кто, и другом своим
признал, прежде всего, Бэбена, а потом и Боба.

Нашёлся он на набережной, а уж откуда он там взялся,
никто не ведает. Скорее всего, потерялся от каких-то безала-
берных хозяев, а может мальчишки притащили его с дикорас-
тущего левого берега на цивилизованный правый и бросили в
розоцветных кустах.

-Боб вне очереди в наряд загремел, - рассказывал Бэбен, - я и пошел на набережную предупредить его девчонку, что он на вахте. Потом сижу на лавочке, слышу – фукает возле ног. Нагнулся – ёжик топчется... я и взял его...

Так и зажил ёжик Беня с курсантами – мореходами. За кормёжку никаких проблем с первого дня – Беня оказался всеяден!.. Ел он и пойманных мух с хлебом, и колбасу с котлетой, хлебал жиденькое с фруктами и овощами... Но больше всего ему полюбилась халва, которую курсанты иногда прикупали в охотку. О Бене прослышали все. Смотреть на него приходили даже из другого конца роты, из-за чего на двери кубрика появилось объявление: «За погляд Бени – один рупь с рыла в минуту»... В шутку, конечно.

В кубриках флотского экипажа никакие дверные замки или защелки не положены, но Боб с Бэбеном уговорили старшину Величко, и приладили с наружной стороны крючок, дабы дверь не открылась от случайного сквозняка и Беня не потерялся бы во время отсутствия своих друзей.

Но со временем Беня всё же наладился ходить по гостям. Он выходил из своего кубрика и шёл в кубрик напротив, где жил Вовка Панин, который принимал самое горячее участие в воспитательном процессе с Бенею. Коридор Беня старался пересекать как можно быстрее, видимо, он воспринимал длинное и гулкое помещение, как опасную зону. Зато в

обоих кубриках он безмятежно топал от койки к койке. Однако, днём он всё же больше спал в своём домике, который смастерили ему Боб и Бэбен из картонного ящика из-под его любимой халвы.

Каждую субботу ребята брали Беню с собой на водную станцию. Там курсанты тренировались на огромных шестивесельных ялах, загребая по заливу левого берега Дона на вёслах и под парусом. Беню надёжно привязывали за лапку к форштевню, и он столбиком становился на баке вместо вперёдсмотрящего.

-Настоящий мариман растёт...

Беня и в самом деле несколько не боялся воды. Его выпускали с песчаного бережка поплавать, и он только фыр-кал из крохотных ноздрей, неумоимо перебирая маленькими передними лапками.

Так и стали жить-поживать неразлучные друзья Боб, Бэбен и маленький Беня...

И тем нелепее и бессмысленной оказалась жуткая трагедия в кубрике трёх неразлучных друзей. Она произошла столь внезапно и мгновенно как землетрясение или извержение вулкана с цунами вместе взятые...

Однажды в кубрик с ёжиком зашёл Мишка Романов – строптивый казачина из приазовской станицы. От Лёшки Педченко – тоже донского казака, было известно, что у того полный разлад на любовном фронте, и теперь он только и думает, как бы люто отомстить неразумному женскому полу, а заодно и всему, что подвернётся под руку.

Зачем он зашёл в кубрик – Мишка, наверное, и сам не знал. Скорее всего, он просто слонялся из угла в угол, снедаемый своим полным душевным расстройством.

-Привет всем, - автоматически выронил Мишка в тишину кубрика.

-Привет, - ответили ребята, которые кто как занимались своими делами или просто спали - дело было в личное время.

Как Мишка умудрился навалиться голой рукой на Беню, спящего в этот раз в койке Бэбена под простышкой – никто не заметил.

-Ах ты, чёрт! – вскрикнул Мишка и в ту же секунду колючий шарик... вылетел в широко по-летнему раскрытое окно.

Бэбен сидел за столом, и что-то чертил из курсового проекта.

-Ты что, гад, сделал?!..

Он молнией выпрыгнул из кубрика и также скатился по трапу во двор экипажа. Ёжик, развернувшись, лежал на тротуаре и чуть заметно шевелился.

-Может колючки самортизировали! – обнадёжился Бэбен и, взяв Беню на руки, тем же налётом домчал его до кубрика...

Но всё оказалось гораздо хуже. На глазах у Бэбена, Боба и других ребят, в том числе и Мишки Романова, маленький Бенья скончался через несколько минут.

Бэбен плакал навзрыд, у Боба слёзы стояли в глазах, да и все, кто были в этот момент рядом, хотели тут же сделать Мишке голову шиворот-навыворот, но Боб, успокаивая на все лады Бэбена, сказал своё веское слово:

-Я сам его сегодня наказывать буду... беспощадно... после отбоя.

Мишка суетился:

-Ребята!.. Ну, извините... простите!.. Я и сам не понял, как это у меня получилось... Боб!.. Бэбен!.. Ну, дайте мне как следует!.. Я и сопротивляться не буду... только по лицу сильно не бейте, – всё же пытался торговаться Мишка. - А то на занятия с фингалами неудобно...

-Иди пока отсюда... – вытолкал далеко за дверь поседевший на лицо Боб вконец растерявшегося Мишку.

Через некоторое время Боб и Бэбен уложили Беню вместе с его домиком в большую сумку и увезли на левый берег Дона, где схоронили под одним им известным местом...

Бой после отбоя – это значит в гладилке. Курсанты тоже люди, как это справедливо заметил однажды перед строем старшина Величко, собираясь сделать очередной разнос если не всей роте, то кому-то определённо. И поэтому ничто человеческое им не чуждо, в том числе и размолвки по разным поводам.

Обычно всякие мелочи разрешались мирным путём, но случалось и такое, что мирно решить никак не удавалось даже при вмешательстве самых авторитетных ребят. Смерть Бени безоговорочно была всеми отнесена именно к такому случаю.

Николай Семёнович постепенно смирился с тем, что он в одиночку алкоголизм в стране не победит, и поэтому в

этот вечер его в экипаже не было – надо же и командиру иногда отдохнуть в кругу своей семьи.

Старшины, чей кубрик находился почти рядом с гладилкой, конечно, знали о происходящих там редких поединках, но понимали, что бой в любом случае состоится – если не в гладилке, то в подвале или где-то там ещё... Поэтому справедливо считали - лучше уж гладилка рядом и почти на глазах, чем неизвестные подвалы и непредсказуемые последствия.

Сам поединок проходил вполне цивилизованно и по правилам. Нельзя было бить лежачего и пользоваться подручными средствами, а тем более каким-либо оружием. Контроль за правилами обязательно вели два реферинаблюдателя из самых крепких парней.

...Вот и отбубнилась пофамильным алфавитом вечерняя поверка, ещё полчаса курсанты бегали между кубриками и гальюном с умывалкой...

К Бобу зашёл Серёга Житников.

-Как старшины? – спросил чуть поднапрягшийся Боб.

-В курсе...

-А тот?..

-В своём кубрике... а может, всё-таки без драки обойдёмся?.. Ведь Мишка явно не нарочно... он сейчас сам готов в окно небоскрёба прыгнуть из-за этой бабы...

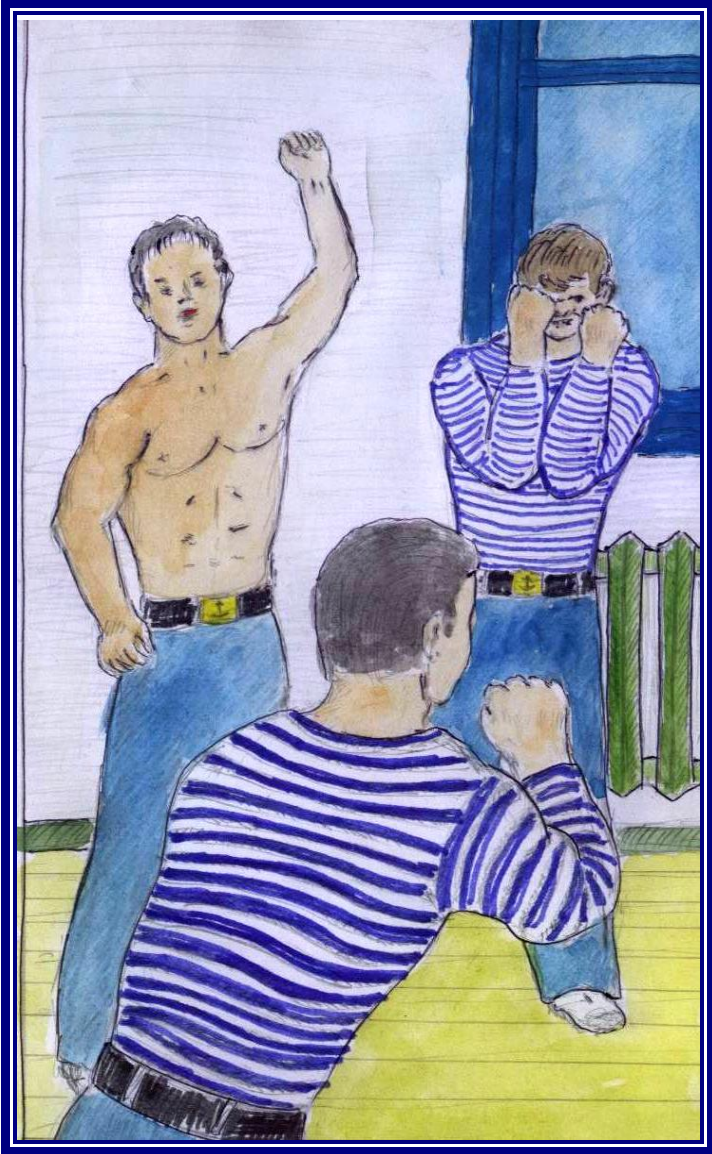
-Причём тут баба?.. Пусть разгоняется и прыгает хотя бы с этого окна, откуда он его выбросил, – тихо проговорил Бэбен, глядя под свою койку, где ещё днём стоял красивый домик Бени.

-Ну, тогда пошли...

Мишка и ещё несколько ребят, которым предстояло охранять дверь в гладилку от случайных полуночников, были на месте. Второй участник поединка во всех объёмах был чуть меньше Боба, но ещё до училища занимался классической борьбой в своей станице Каневской, и был гораздо накачаннее и подвижнее во всех отношениях медлительного Боба. Так что явного преимущества ни у кого не было, но в душе все курсанты возле гладилки были на стороне Боба, а это уже можно отнести к преимуществу, хотя и скрытому.

-Ну, последний раз... - переводил Серёга взгляд от одного поединщика к другому. – Драться или....

Он даже не смог выговорить мирное слово, но вопрос такой задать был обязан по правилам поединка.

-Между нами Бенья, - хрипло прогудел Боб.

Мишка промолчал. Он уже днём до глубины души покаялся во всех кубриках двадцать восьмой группы, но кругом был полный и безоговорочный бойкот, в том числе и в его собственном кубрике...

Участники поединка и судьи-наблюдатели закрылись в гладилке...

Потом Серёга, а он и был одним из рефери, рассказывал:

-Только успели начало объявить, как Боб со всего маху Мишку в морду - тот с копыт и в угол... два зуба как не было!..

-Потом Боб ещё пару раз крепко достал Мишку, - добавил Валька Трунов, который держал роль второго судьи-наблюдателя. – Мы смотрим, Мишка и не дерётся вовсе, а только закрывается, да от Боба с его пудовиками разве закроешься – тут железные доспехи не спасут...

-Да... это за Беню он так озверел, - тихо переживали ребята, слушая подробный отчёт о только что состоявшемся поединке.

-Вот-вот... именно озверел. Мы видим - дело плохо, накинулись на Боба... так он и нас чуть как кутят не раскидал.... Правильно говорят, что злость удесятерляет силы.

Сразу после необычного поединка почти бесчувственного Мишку довели до кубрика, и на всякий случай установили за ним негласное наблюдение. Со второго поединщика тоже не спускали глаз до самого утра...

С того злополучного дня прошло около недели. Боб давно остыл и только тихонько тосковал вместе с Бэбеном. Мишка зализал свои раны и постепенно снова восстанавливал утраченное к себе расположение сначала в своём кубрике, а потом и дальше по коридору.

Как-то, сразу после ужина, Мишка подвалил к Вовке Панину.

-Вовк, посмотри-ка, что тут у меня, - раскрыл он большую сумку.

В сумке чем-то шуршала серая коробка, а под крышкой ёжик!.. Самый настоящий ёжик!..

-Ты же вместе с ними того Беню воспитывал.... Отнеси им...

Вовка выхватил из сумки коробку и чуть не вышиб дверь в коридор, но в кубрик к Бобу и Бэбену постарался зайти как можно сдержаннее.

-Вот... это вам от Мишки...

Вовка до сих пор уверен, что ребята ни за что не взяли бы от Мишки даже золотые горы, но ёжик развернулся и, уцепившись за край коробки, выглянул в большой мир.... Как ни тяжела утрата, а жизнь всегда торжествует... нет, Бенья-старший никогда не будет забыт, но Бенья-младший стал достойным его преемником. Очень скоро он всецело окружил своим неусыпным вниманием и заботой вконец, было, захандривших мореходов.

Мишка Романов всё же признался, что он три дня подряд после памятной ночи ездил на рынок с птичьими рядами пока, наконец, надыбал продавца с таким великолепным ёжиком.

Бенья-младший прожил с курсантами до самой практики. За пару дней до отъезда Боб с Бэбеном отвезли его в Маргаритовку на попечение родителей Боба и его младшей сестрёнки.

Вне очереди

Раза два в месяц Вовке, как и всем остальным курсантам, кроме старшин, выпадало стоять в наряде, иначе говоря, нести вахту. В экипаже вахты несли в каждой роте, то есть на каждом этаже. В вестибюле первого этажа главные дежурные по экипажу и ещё возле ворот в полосатой будке контрольно-пропускного пункта, сокращённо КПП. От простых курсантов вахтенные отличались тем, что все они носили на левом рукаве повязки и были в парадной форме. Дневальные на постах, меняясь через каждые четыре часа, имеют повязку с красно-белыми полосами, а старшие над ними - дежурные по роте или экипажу сине-белую.

Но наряд в экипаже или на КПП с приёмом – сдачей вахт, разводом и парадной формой – всё это строевая мишурра, гусарская позолота, в тени которой тянут свою ляжку настоящие бедолаги в наряде – рабочие по камбузу.

Их не выстраивают парадным строем при разводе, их фамилии громко не зачитывает при распределении по постам дежурный по училищу офицер. В урочный час рабочие по камбузу серыми тенями поодиночке или парами стекаются в дежурную комнату при камбузе.

Они собрались отработать свой наряд в многочисленных хлопотах, связанных с готовкой еды сразу на семьсот человек, а потом помывкой множества посуды, гремящей в ча-

нах из нержавеющей стали, как горно-каменная лавина. А за посудой уборка столовой из двух больших залов с колоннами, заготовкой продуктов на следующий день, и ещё массой дел, возникающих в огромном чреве жаркого камбуза.

Рабочие по камбузу - все, как один, нарушители. По очереди на камбуз не ходят и работа там – искупление.

За что старшина, облеченный властью командира, может наказать курсанта от одного до трёх нарядов вне очереди?.. Перечень этих нарушений не так уж и велик. Самые распространенные – это опоздание в строй, нарушение формы одежды, уклонение от утренней зарядки. Ну, и ещё чего-нибудь по мелочи.

Вовка с Сашкой Назыровым загремели по мелочи. И все стряслось из-за белья, которое курсанты получили днём раньше на вещевом складе. Командование училища берегло здоровье курсантов – как-никак достояние флота, и расстаралось через всё невозможное. Нательное бельё в составе просторных штанов и рубахи были с тёплым начёсом и самых ярких цветов и оттенков.

Только на всё способные китайцы могли придумать такое художество, в чём ребята быстро убедились, обнаружив яркие иероглифы на разноцветных бирках. Где-то, наверное, цены не было бы этому белью, но не в мореходке, да ещё не где-нибудь в Мурманске или Владивостоке, а в самом настоящем южном Ростове!..

Ну, какой, уважающий себя будущий мореход, позволит поддеть под свои роскошные клёши какие бы то ни было подштанники, да ещё цвета детского поноса?.. А что делать с рубахой - и вовсе непонятно... Её под тельняшку или сверху надевать?.. Курсанты недоумевали: и просто выбросить жалко, и носить никто не собирался.

-Я домой своему деду подарок отвезу, то-то радоваться будет! - соображали те, кто были из Ростова и соседних городов и станиц. - Не пропадать же такому добру, притом иностранному...

Вовка с Сашкой придумали другое. В ярко-розовую рубаху вместо туловища они затолкали подходящую подушку, вместо рук и ног сгодились свёрнутые в рулоны газеты и журналы, а под голову приспособили волейбольный мяч - кое-какой спортивный инвентарь всегда можно было найти в любом кубрике.

Старания друзей увенчались тем, что скоро за столом, спиной к двери, уселся странный тип в оранжевых штанах и

розовой рубашке, притом в мичманке и с гюйсом. Оставалось только привлечь внимание, для чего Сашка на всю громкость врубил свой маленький магнитофон с записями битлов, слушать которых в мореходских корпусах пока не поощрялось.

Старшина Величко тут как тут.

-Чего это мы здесь празднуем? – по своему обыкновению широко распахнул дверь старшина. – Назыров!.. А ну убавь свой граммофон!..

-Да заело его что-то, никак не убавляется...

-Совсем выключи!..

Сашка выдернул вилку из розетки. Тем временем старшина уперся взглядом в широкую спину сидящего типа.

-А это что ещё за клоун вырядился?!.. Трунов! – вспомнил он самого упитанного курсанта из Вовкиной группы. – Трунов!.. Ты что это за концерт придумал?..

-Замерзать что-то он у нас в последнее время стал, - дико захохотал внутри себя Вовка, но снаружи сдержался. - Вот и напялился на радостях, что такие кальсоны и рубашку выдали...

А Величко уже снял с чучела мичманку вместе с мячом. Безголый клоун безропотно и тихо склонился на стол.

-Всему кубрику по два наряда или один тому, кто добровольно признается! – загнул цену старшина роты и вышел, не закрыв за собой дверь.

-Вот вам и на, пожалуйста, повеселились, - пробурчал Назыров, разбирая мягкое чучело на составляющие.

-А с нарядами что будем делать? – поднял палец вверх Дьяков.

В результате несложного арифметического подсчета всем стало ясно, что лучше кому-то признаться, чем страдать ни за что всему кубрику, да ещё помноженному на два.

-Шестнадцать нарядов!.. Да это же полугодовая норма для всей группы!.. Ну и разогнался Величко...

Жребий решил дело с нарядом в пользу Вовки Панина, да так и должно было случиться - идея-то с чучелом его. Но в старшинский кубрик к Величко зашли вдвоём с Сашкой.

-Это мы с чучелом придумали, вместе и на камбуз пойдём...

-Хорошее дело, а то на этой неделе у меня что-то с разрушителями плохо...

Остальные старшины отвлеклись от своих дел и тоже уставились на наглядный воспитательный момент.

-Смотри-ка что удумали... из нового белья чучело со-творили. Не нравится им, что государство выдаёт.... И не мечтайте - олимпийки нам не предвидятся!..

-Вот так молодцы... - сдержанно загомонили старшины. – Надо будет обратить особое внимание, чтобы все оде-вали то, что выдали.

-Вот это правильно! – одобрил Величко. – По утрам, на построениях, будем проверять путём поднятия штанин...

Нарушители помалкивали. Для вступления в дебаты силы были явно неравные.

-Завтра к шести! – напутствовал Величко. – И не за-будьте предупредить дневального, чтобы разбудил...

-Знаем! – уже из двери вякнул Вовка.

И для Вовки, и для Сашки знания эти пока были из чужого опыта, а теперь предстояло самим пройти через гор-нило.

А история с китайскими подштанниками получила дальнейшее продолжение. И в самом деле, старшина Велич-ко со своими заместителями на каждой утренней поверке стали обходить строй, заставляя каждого поднимать штанину. С теми, кто уже успел увезти яркий подарок своему деду или отцу, пришлось поделиться частью отрезанного рукава или штанины, который они благополучно наматывали выше бо-тинок.

Со временем старшинам это надоело, да и сами они, бывшие армейские сержанты, а один из них и вовсе был совсем недавно флотским старшиной, вполне скептически относились ко всяким подштанникам. А тут и ранняя ростов-ская весна!..

...Теперь о горниле. Дневальный по роте разбудил ре-бят в половине шестого. Третьим во дворе экипажа их под-ждал Сашка Годоров, гимнастически сложенный атлет из 27-ой группы. Он и в самом деле, в числе ещё нескольких ре-бят из Вовкиной роты, не только отстаивал спортивную честь самой роты, но и неплохо выступал на городских соревнова-ниях за свое родное училище.

-А ты-то за что схлопотал?

-В строй без мичманки встал и фланелька навыпуск...

-Ну и дурак - не мог заправиться вовремя...

Оставшихся после всех утренних дел нескольких ми-нут вполне хватило лёгкой походкой дойти до первого эки-пажа.

Здание первого экипажа сильно отличается от второго. По всем приметам оно построено задолго до конца первой половины двадцатого века. Весь его первый этаж за фасадом стального цвета занимают хозяйственные службы, в том числе столовая из двух больших залов с колоннами и, под стать ей камбузом, медсанчасть и ещё какие-то закрытые от камбузского глаза службы.

На верхних этажах кубрики судоводителей, иначе говоря, штурманов. На каждом курсе их ровно столько же, сколько и механиков, учиться они строем ходят в главный учебный корпус или ГУК, в отличие от механиков, кладёшь наук которых располагается на первых двух этажах их же экипажа.

К шести часам подошли и работники камбуза из гражданских. Это, прежде всего, повара, пекари, уборщицы, и с ними две хорошенькие официантки. Ровно в шесть дежурный по первому экипажу открыл большую железную дверь – служебный вход и Вовка сразу ощутил специфический камбузный запах, который вряд ли можно с чем-то спутать и передать словами.

Нарушители из механиков уже переодевались в дежурной комнате из своей повседневной одежды в застиранную, но чистую спецодежду, когда в дверном проёме нарисовались трое штурманов – как же, ведь дальше всех живут.

-Привет хулиганам! – высоко задрал руку один из них.

-Здорово, коль не шутишь, - степенно отозвался Сашка Назыров, примеряя к спецовке черный передник из блестящей прорезины.

Пока переодевались и ждали указаний от камбузной службы, перезнакомились. Из штурманов оказались двое Витек и один Серёга – все трое тоже второкурсники.

-За что угораздило? – спросил Вовка новых товарищей.

-Мы с ним в строй опоздали, - сразу признался Серёга, - а этот дружеский шарж на двери кубрика неизвестно на кого нарисовал...

-Вот, если бы нарисовал на командира или старшину, тогда все бы просто посмеялись, а раз ни на кого не похоже, значит, ты просто замазюкал дверь. Тебе и влетело поделом, - ударился в критику искусствовед Вовка.

-Да я просто фломастер испытывал - как он по сухой краске рисует...

-Тогда с удачным испытанием тебя...

Но объясняться долго ребятам не пришлось. В дверь дежурки засунулась голова в поварском колпаке.

-Все готовы?!.. Тогда за мной! – скомандовала голова.
– Пятиминутный инструктаж по технике безопасности...

Хозяин головы - светлолицый дядька лет за сорок, назвался помощником главного кока Петром Ивановичем. Он провёл ребят через целый ряд машин, которые были готовы резать, крутить, пропускать через себя и варить целые пуды всяких твёрдых и жидких продуктов.

-А вам, для начала, картофелечистка. Чистит она хорошо, но не совсем. Ваша задача - ковырять глазки. Дело это не сложное, но, прямо скажу - муторное...

Вовка с Сашкой о ковырянии глазков тоже слышали и внутренне были готовы к такому испытанию на выносливость. Правда, им могло и подфартить, если бы на второе в этот день были бы, например, макароны по-флотски или какая-нибудь кашка, но сегодня, исходя из слов помощника главного кока, как раз таки на второе в курсантском меню был картофельный гарнир.

Ребята сами вытащили из хранилища шесть мешков – по одному на брата и три из них сразу засыпали в ненасытное жерло шкуродёрной машины. За полчаса, пока крутилась машина, рабочие по камбузу залили водой несколько огромных баков, стоящих на необъятной чугунной плите, под которой пока малым огнем разогревались газовые горелки. Потом ещё из угла в угол перетаскивали какие-то мешки то ли с крупой, то ли с макаронами и, наконец, принялись за главную работу.

-Это дело делается так, - подошел Петр Иванович, который, похоже, на все время наряда становился их непосредственным начальником. – Берете ножик, достаёте из бака картошку - полуфабрикат и ковыряете глазок за глазком, потом бросаете готовую в другой бак и так до конца...

-До конца чего? - не удержался Вовка. – До конца жизни?..

-До конца этих шести мешков.

-Знать бы где у этих мешков концы, а то бы сразу их отрубить и баста.

-Так что ихние концы на дне находятся, а теперь вперёд...

Даже самое трудное и нудное дело поначалу даётся легко, особенно, если рядом этим же делом занимаются твои друзья – товарищи, и есть возможность травить бесконечную баланду.

-Да... - уже минут через десять вздохнул Сашка Назыров. – Было бы гораздо лучше, если бы картошка была формой как бильярдный шар...

-И чего бы ты тогда делал?

-Как чего?.. Глазки бы не выковыривал.

-Нет уж... тогда бы ты эти бильярдные шары неделю наждачной шкуркой драил или напильником...

Когда вокруг бадьи сидят целых шесть человек, то всегда найдется, кому что сказать. Вот и Вовка рассказал две или три байки, несколько раз встревал с междометиями, но тягостная работа все больше и больше не только занимала движения рук, но тупо и упорно лезла в голову, заставляя концентрировать на себе все внимание.

Вот уже двойится нож, одновременно ковыряя сразу два глазка. Вовка трясет головой, наваждение пропадает, но ненадолго. А до конца первого бака с тремя мешками ещё больше половины.

Занемела спина, Вовка так и эдак переставляет маленькую скамеечку под задницей, но минутное облегчение сразу проходит. Рядом один за другим закричали друзья.

-Лучше вагон выгружать, чем сидеть на одном месте, - вспомнил Вовка свои похождения во время сдачи вступительных экзаменов.

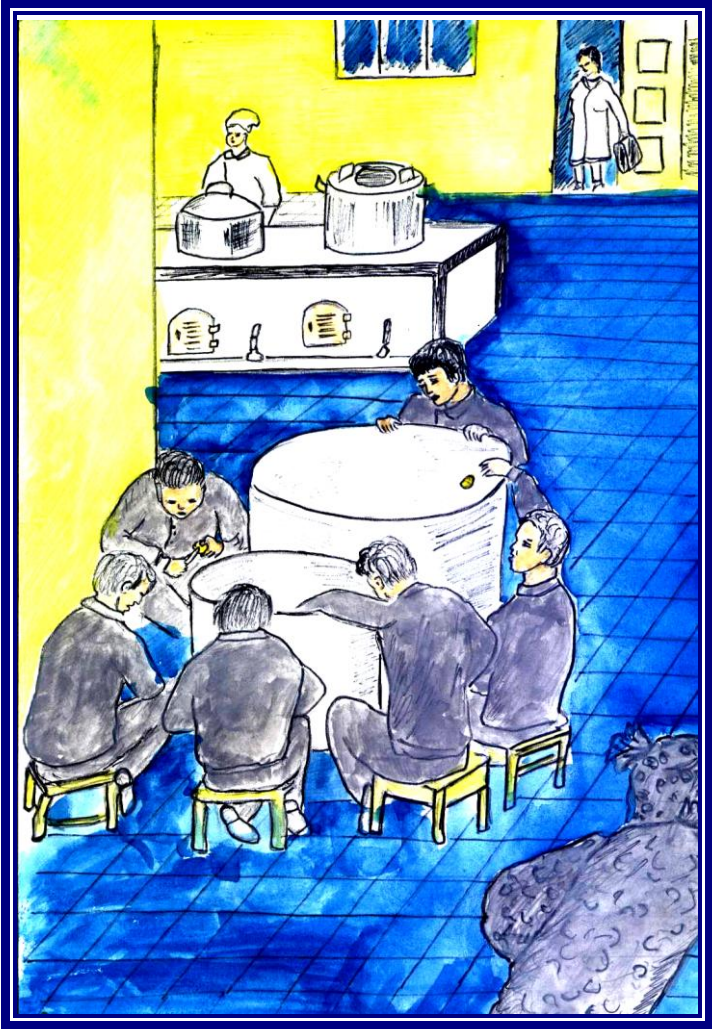
-Давайте поменяемся, чтобы не сидеть на одном месте! – подхватился штурман Серега...

С нового места обзорный вид камбуза стал другим, и впрямь это на какое-то время помогло отвлечься от шевелящихся глазков, но за этим стала донимать жара от раскалившейся печи в центре камбуза. Пот со лба все с большей скоростью катил в глаза, нестерпимо чесалось за ухом и под подбородком, а мокрыми и грязными руками никак не хотелось чесаться, пришлось доставать тем же ножом, но заметного облегчения не приходило.

Давно уже сброшены тяжелые передники, куртки, а за ними и тельняшки. На голое тело стало немного легче, да и дно первой бадьи засверкало долгожданным перекуром.

Вот уже засыпаны следующие три мешка и настал полчасовой перекур, пока машина делает свое дело. Сашка Тодоров накопил адреналина и вместо того, чтобы как остальные ребята в изнеможении растянуться по лавкам в дежурке, стал выкручивать солнце на турнике.

-Дурни вы... надо сменить характер движений, тогда быстрее пройдет усталость...

-А разве мы не сменили? – согласились, но не поддержали Сашку ребятам.

Сознание того, что вторая бадня последняя, как и то, что с каждой минутой приближается конец муторному делу, влияет на настроение, а давно замечено, что от хорошего настроения зависит итог любого дела. Три часа с перекурком и перерывом на завтрак воевали камбузные рабочие с картофельными глазками.

-Все!.. Чтобы я ещё когда-нибудь картошку ел! – остервенело воткнул нож в последнюю картофелину Сашка Назыров. – Да ни в жисть!..

-А я наоборот буду уничтожать её в любом виде, - не поддержал Сашку штурман Серёга. – Только теперь я каждый раз буду торжествовать над ней победу.

-Может ещё, и салютовать сам себе будешь? – подковырнул Вовка.

-Это уж как получится...

А дело уже давно к обеду, о чём идут негромкие сигналы из «глубины души». Петр Иванович и здесь шефствует над рабочими по камбузу.

-Берите кастрюли - мастряли... курсанты у нас обычно обедают в дежурке для рабочих.

-Отдельно от всех... чтобы видом своим мерзким не портили аппетита чистой и благородной публике, - опять развыступался Вовка, всем своим видом выражая крайнюю степень обиды и возмущения. – Да я тогда вообще объявляю голодовку!..

-Да что вы, что вы?! – засуетился Пётр Иванович, не понявший Вовкиного юмора. - Вам же здесь самым удобнее, да и камбузных рабочих мы кормим не как всех остальных...

-Ладно, уж... - бурчит Вовка. – Обойдёмся пока без голодовки...

А в кастрюлях, приготовленных коком, было и впрямь богаче.... В том числе многое из того, что в курсантском меню бывает только по праздникам. Впрочем, и картофельное пюре с котлетой из сегодняшнего будничного меню никому лишними не стали. Все улыбались в сторону Сашки.

-Моё слово твердое, - рокошет чуть картавый Сашка, - это в последний раз, вот посмотрите...

После обеда снова полчаса свободного времени. Ребята кто как опять вытянули ноги. Приспособился даже Сашка Тодоров.

-Эх, - почёсывает тугой живот неугомонный Серёга, - вот так и проходит вся жизнь в борьбе: до обеда с голодом, а после обеда со сном...

Все с ним молча согласились, но поспать им не пришлось. От ворот донеслись шаги курсантского строя. То рота за ротой прибывают на обед. А раз обед - значит грязная посуда.

-Всем в посудомоечную! – опять командует Пётр Иванович. – Всем всё делать, как тетя Катя!..

Тётя Катя – широкая женщина в переднике с голыми руками – старшая и единственная штатная посудомойка. В её хозяйстве несколько чанов из нержавеющей стали, в каждый из которых льётся горячая и холодная вода. Над чанами стеллажи для чистой посуды, ещё выше два больших круглых окна с вентиляторами, откуда дует свежий ветерок как раз прямо на головы.

У ребят тоже блестящие передники на голое пузо. Посуда прибывает лавина за лавиной, но кем-то всё рассчитано: и количество чанов, и количество рабочих по камбузу, и даже напор воды из кранов – никакого затора не происходит.

Через час в столовой наступает резко контрастная тишина. Курсанты вновь разошлись по учебным корпусам, а рабочие, теперь уже под руководством и при участии официанток Гали и Вали, протирают столы и натирают паркет в гулко звенящей пустой столовой.

Вообще-то здесь не ресторан и у курсантов самообслуживание. Они сами приносят на свои столы бачки с первым и вторым, чистую посуду из раздаточной, туда же сами сдают грязную.

Главной задачей Гали и Вали остаётся наведение порядка в столовой после ухода откушавших курсантов. Правда, в дальнем углу столовой стоят два маленьких командирских столика, за которыми иногда обедают ротные командиры и другое училищное начальство. В обязанность Гали-Вали входит и обслуживание этих столиков.

Ну и ко всему прочему, они просто украшение флотского муравейника, который трижды в сутки развесисто гудит на первом этаже в первом экипаже.

Галя - ярко рыжая, а Валя в такой же степени черноволосая, остальное у них все одинаковое. От худеньких, стройненьких фигурок, до смешливых и остреньких на язык характеров.

Само - собой им трудно остаться без внимания многочисленных донжуанов флотского разлива. Но Галя-Валя крепко держатся друг за дружку, и это помогает им успешно отбивать атаки самых навязчивых кавалеров,

По крайней мере, никаких разговоров об их похождениях в курсантской среде не водилось, как и не было ухарей с победными бравадами над Галей-Валей.

Многим это казалось даже странным, но только до той поры, когда Галя все-таки вышла замуж за выпускника из штурманов, а Валя тогда же исчезла из курсантской столовой. Может быть, тоже за кого-нибудь вышла.

Но до того времени ещё далеко и сегодня они весело щебечут между рядами обеденных столов, ловко орудуя шваброй и полотёром.

Общение с хорошенькими подружками куда приятнее, чем с гремющей посудой или с той же картошкой, но хорошего всегда бывает меньше, чем остального, и вот он, вновь голос Петра Ивановича:

-Четверо во двор и на грузовик - поедем на склад заготавливать продукты, а двое в подвал - помогать рубщику.

Вовка сразу догадался, что помогать рубщику – это значит возиться с тушами и категорически отказался:

-У меня голова от этого кружится и «омморок» может случиться.

-А от котлет или борща у тебя «омморoka» не бывает, - поддел Пётр Иванович Вовку, которому страсть как захотелось проехаться по Ростову.

-Не бывает, - пожал он плечами. – Как ни странно...

Спуститься в мрачный подвал согласились добровольно двое Витек из штурманов, а трое механиков и Серёга забрались в бортовой кузов старенького грузовичка, где очень удобно устроились на пустых тарных ящиках. Пётр Иванович командовал в кабине.

Не спеша вывернули через гремящие трамвайные рельсы на проспект имени командарма Первой конной. Несмотря на то, что на ростовских улицах давно уже установилась календарная и настоящая южная осень, ветерок навстречу газику ненамного отличался от летнего.

Буденовский проспект – одна из самых центральных улиц города Ростова и совсем недалеко от первого экипажа - сразу за углом. Возле знаменитого универмага всегда снуёт множество народа - одни заходят, другие выходят, третьи

просто толпятся, видно что-то выжидают или между собой торгуются из-под полы.

Но Вовку подобные штуки мало интересовали. Он, конечно же, много раз гулял пешком по этой улице, как и по тем, которые пересекались, часто в сопровождении весёлых или не очень спутниц, но то было пешком и очень малой скоростью.

А сейчас всё это широко и обзорно плыло за скрипучими бортами автомобиля, надвигаясь навстречу и уходя к Дону. Ростовчанин Сашка Назыров упоённо экскурсоводил, махая туда-сюда руками. Вовка с напарниками едва успевали кривить за ним головами.

-А вот гостиница «Ростов», которую ещё во время войны разбомбили и до сих пор никак не восстаноят...

Огромное серое здание с пустыми глазами вместо окон, обнесено вокруг глухим и плотным забором, за которым с высоты кузова всё-таки видна работа каких-то механизмов, а возле них шевелятся хмурые рабочие.

-В газетах писали, что гостиницу собираются открыть к следующему Дню Победы...

...На восстановлении гостиницы пришлось поработать и мореходам. Вовкину роту в полном составе несколько раз вывозили на автобусах перетаскивать из угла в угол строительный мусор. Рядом почти всегда работали солдаты и ещё много другого подневольного и студенческого народа.

В один из таких разов Вовка чуть не потерял свою шинель, которую он снял в каком-то из будущих номеров, а потом забыл где. Все курсанты помогали искать шинель и всё-таки пропажу нашли. Старшина Величко пообещал дать сразу два наряда, но то ли забыл, то ли махнул рукой...

...Через час езды въехали на территорию обширной базы с рядами приземистых складов, между складами аллеи из всё ещё зеленого, аккуратно подстриженного кустарника.

-Слазь, братцы – мореходцы, - выпрыгнул из кабины Пётр Иванович, - можете пока погулять. Только недалеко от машины, а я с документами по начальству...

Ещё от ворот ребята заметили стайку разноцветных девчонок, что-то ковырявших на большой клумбе посередине асфальтовой площади.

-Осень вроде, а они что-то сажают, - высказался Вовка.

-Цветы сажают. Весной снег сойдет, чуть солнышко пригреет, и клумба расцветёт, - просветил Вовку южанин Сашка Тодоров.

Подошли ближе. Остановились...

-Откуда это вы такие нарядные? – первой засмеялась темно-русовая веселушка с маленькими грабельками в руках.

-Помогать вот к вам заслали, - хмуро отозвался Вовка, - чего делать-то?..

А курсанты и в самом деле смотрелись несколько странно в рабочих комбинезонах и в мичманках, которые их заставил одеть заботливый Пётр Иванович - ехать-то всё-таки в кузове.

-Вас, наверное, из мореходки прислали, - сообразили прыткие девчонки. – Тогда берите носилки и носите чернозём вон из той кучи...

«Хорошенькое дело, - подумал, но промолчал Вовка, - придётся потаскать...»

-Это мы враз! – весело согласился истинный рыцарь и кавалер Сашка Годоров. – Только давайте сначала познакомимся...

Самая смелая девчонка назвалась Светой, и Сашка так и закрутился возле неё, взяв на себя инициативу командовать над остальными курсантами:

-Серёга, ты бери лопату побольше, и насыпай носилки, а Вовка с Сашкой будут таскать. Вперёд!..

Но на курсантов где сядешь, там и упадёшь. Пару носилок они все же принесли и очень умело вклинились в тары-бары, тем более, что девчонок тоже было ровно четыре. Ребята копали ямки, девчонки засыпали в них чернозём и ловко прикапывали хилые на вид ростки.

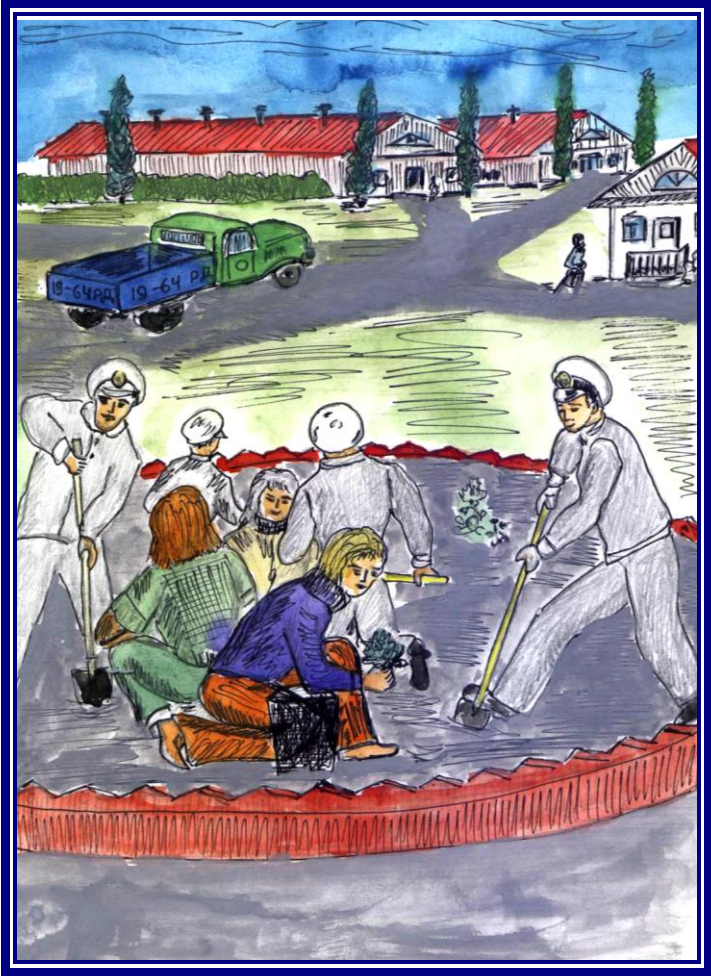
-А сами-то вы откуда? – спросил Вовка свою напарницу. – Здешние что ли?..

-Из педучилища мы, - ответила темнобровая Наташа. – Нас сюда уже третий день привозят. А вы правда с нашей мореходки?..

-Нет... только тихо. Мы с подводной лодки, видишь, какая у нас форма?..

-Откуда это в Ростове подводная лодка? – округлила глаза будущий педагог Наташа. – И почему такая некрасивая форма?..

-Это иностранная форма. Нам её специально выдали для выполнения спецзадания. А сюда мы приплыли из Средиземного моря, потом через Чёрное и Азовское зашли в Дон.... Современные подводные лодки могут, при необходимости, в любую реку незаметно войти и... даже в степь, - зачем-то добавил Вовка.

-А сам же только что сказал, что вас к нам помогать прислали...

-Это всё для маскировки, иначе нам сейчас никак нельзя, - продолжал развешивать лапшу Вовка. - Сейчас вон из той двери выйдет наш командир, он тоже переодетый, и мы пойдём...

-Куда? – задохнулась от неведомой тайны Наташа.

-А про это мы и сами толком не знаем, - сказал на этот раз правду Вовка. – Знает только наш командир - капитан первого ранга.

Долго пудрить мозги миленькой и наивной Наташе Вовке не пришлось. Из конторы вышел Пётр Иванович в помятой шляпе и голубом халате с резиновыми сапогами. Призывно махнул рукой.

-Ну, всё!.. – глубоко вздохнул Вовка. - Сейчас будет дело... дай-ка мне свой телефон на всякий случай. Жив буду, позвоню.... Только подружкам ничего не говори про военную тайну... и постарайтесь пораньше отсюда удрать, а то ненароком и сюда достанет... рикошетом...

Остальные камбузные рабочие тоже о чем-то договорились, и четвёрка заспешила к поджидавшему их Петру Ивановичу.

-А вы молодцы, - нигде не теряетесь...

-Стараемся, - за всех ответил Сашка Тодоров. – Да и грех девчонкам не помочь...

А Вовке очень хотелось, чтобы их склад оказался где-нибудь подальше от клумбы с девчонками, чтобы те ненароком не увидели, как «моряки с подводной лодки» таскают ящики с картошкой, свёклой и морковкой.

Вовка зря волновался. Мореходский склад оказался в самом дальнем углу. Четверым курсантам ничего не стоило закидать ящиками, мешками и коробками маленький грузовичок, предусмотрительно оставив в кузове место для себя. Когда грузовик подъехал к воротам с проходной, девчонок на клумбе уже не было.

«Неужели вняли моему совету?..» - тихо улыбнулся Вовка.

На обратном пути Сашка Назыров уже не махал весело руками, а тоскливо поглядывал из-за борта машины на быстро проносившиеся мимо улочки и переулки.

-Чего замолк? – толкнул его в бок Вовка. – Родные места узнаёшь?..

-Да вон в тех посадках мы с мальчишками каждое лето в войну да в казаки-разбойники играли, а зимой по балке на лыжах и санках...

-И так почти каждое воскресенье дома, а всё опять под мамкину юбку хочется, - стал, было, совестить Вовка своего друга, но тот вдруг со всего маху грохнул кулаком по жестяной кабинке.

-Пётр Иванович!.. Пётр Иванович!..

-Чего там у вас?!..

-Мимо дома проезжаем!.. Давай остановимся на минутку...

Газик со скрипом и визгом тормознул, из кабины в кузов выглянул сильно встревоженный Пётр Иванович.

-Что ещё?.. Какого дома?..

-Да живу я вон в том домике с красной крышей, и мать как раз сейчас должна быть дома... можно мне на минутку заскочить?..

-Ну, ты даёшь... а я уж из-за твоего грохота подумал, что атомная война началась...

Сашка воспринял улыбку старшего по команде, как разрешение, и тут же сиганул кувырком через борт. Пару минут спустя он снова выскочил за калитку и заблажил, как на паперти:

-Пётр Иванович!.. Мать в дом зовёт всех!.. Десять минут ведь ничего не стоят... да и готово уже всё.

Старший помощник главного кока не стал ломаться, и скоро все, включая водителя грузовичка, сидели в небольшом палисадничке за столиком. В центре столика распузырил свои бока почти игрушечный бочонок литров на пять с краником как у самовара.

-Виноградное вино из нашего прошлогоднего урожая... так что оно совсем ещё не крепкое – только для утоления жажды, - успокоил Сашка камбузных рабочих и Петра Ивановича...

-А то влетит мне с вами, - всё же осторожничал Пётр Иванович.

Просидели все полчаса, Пётр Иванович в центре внимания – анекдот за анекдотом. Но хорошего опять помаленьку. Ко времени отъезда мать навесила на Сашку целый рюкзак всякого съедобного добра.

-Угостишь друзей в кубрике...

Поездка на заготовку оказалась последним большим делом для рабочих по камбузу. Двое Витек из штурманов

давно закончили свои дела с рубщиком и были досрочно отпущены на свободу, так же распорядился и Пётр Иванович с заготовщиками.

-Ну, как, понравилось на камбузе? – весело скалился старший помощник кока. – Лично мне вы понравились, и теперь я только вас буду заявлять пофамильно...

-Ничего особенного, - пожимали плечами ребята. – Вот только пофамильно заявлять нас не надо, другие будут обижаться...

-Ну, как знаете...

В ближайшую субботу с увольнением Вовка позвонил в общежитие педучилища и был приглашен на танцевальный вечер, куда бывшие камбузные рабочие завалили вместе.

Про подводную лодку девушка Наташа ничего не спрашивала...